

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (55)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с сентября 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2022

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам РАН»

Редакция

Главный редактор: А.Н. Николюкин – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора: А.И. Чагин – д-р филол. наук (Ин-т мировой лит-ры РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь: Т.Г. Юрченко (ИНИОН РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия: И.Л. Волгин – д-р филол. наук (Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Литературный ин-т им. А.М. Горького, Москва, Россия), *А.П. Дмитриев* – д-р филол. наук (Ин-т рус. лит-ры РАН, Санкт-Петербург, Россия), *К.А. Жулькова* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия), *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия), *И.В. Логвинова* – канд. филол. наук (Моск. гос. ин-т музыки им. А.Г. Шнитке, Москва, Россия), *М. Магвайр* – д-р филологии (Эксетерский ун-т, Эксетер, Великобритания), *В.Л. Махлин* – д-р филос. наук (Моск. гос. педагогич. ун-т; ИНИОН РАН, Москва, Россия); *А.Е. Махов* – д-р филол. наук (Ин-т мировой лит-ры РАН; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Москва, Россия), *Р. Мних* – д-р филологии (Варшавский ун-т, Варшава, Польша), *О.Е. Осовский* – д-р филол. наук (Мордовский гос. педагогич. ун-т им. М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия), *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук (Москва, Россия), *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия), *Е.В. Соколова* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия), *В.Н. Терёхина* – д-р филол. наук (Ин-т мировой лит-ры РАН, Москва, Россия), *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук (Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Е.Д. Толстая* – д-р филологии (Еврейский ун-т, Иерусалим, Израиль), *У Пин* – д-р филологии (Пекин, Китай), *Хоу Вэйхун* – д-р филологии (Пекинский педагогич. ун-т, Пекин, Китай), *Е.А. Цурганова* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, Москва, Россия).

«Литературоведческий журнал»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций,
свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–36086 от 28 апреля 2009 г.

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.00
ISSN 2073–5561

© «Литературоведческий журнал», 2022
© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
DEPARTMENT OF THE HISTORICAL
AND PHILOLOGICAL SCIENCES
SECTION OF LANGUAGE AND LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATUROVEDCHESKII **JOURNAL**

N 1 (55)

ACADEMIC JOURNAL

Published since September 1993
4 issues per year

MOSCOW
2022

Founder
Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials

Editor-in-Chief: Aleksandr N. Nikolyukin – DSc in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief: Aleksei I. Chagin – DSc in Philology (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor: Tatiana G. Yurchenko (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board: Igor L. Volghin – DSc in Philology (Lomonosov Moscow State University; Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia); *Andrei P. Dmitriev* – DSc in Philology (Institute of Russian Literature [Pushkinskii Dom] of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia); *Karina A. Zhulkova* – PhD in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Tatyana N. Krasavchenko* – DSc in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Irina V. Logvinova* – PhD in Philology (Moscow state institute of music named after A.G. Schnittke, Moscow, Russia); *Muireann Maguire* – DSc in Philology (University of Exeter, Exeter, Great Britain); *Vitalii L. Makhlin* – DSc in Philosophy (Moscow State Pedagogical University; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Aleksandr E. Makhov* – DSc in Philology (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia); *Roman Mnich* – DSc in Philology (University of Warsaw, Warsaw, Poland); *Oleg E. Osovskii* – DSc in Philology (Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia); *Aleksandr N. Senkevich* – DSc in Philology (Moscow, Russia); *Lev V. Skvortsov* – DSc in Philosophy (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Elizaveta V. Sokolova* – PhD in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Vera N. Teryohina* – DSc in Philology (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); *Vasilii M. Tolmatchoff* – DSc in Philology (Moscow State University, Moscow, Russia); *Elena D. Tolstaya* – DSc in Philology (Hebrew University, Jerusalem, Israel); *Wu Ping* – DSc in Philology (Beijing Normal University, Beijing, China); *Hou Weihong* – DSc in Philology (Institute of Foreign Literature of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China); *Elena A. Tsurganova* – PhD in Philology (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

«Literaturovedcheskii zhurnal» is indexed in the Science Index (RINC)
Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media, Registration Certificate:
PI No. FS 77–36086 dated April 28, 2009

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.00
ISSN 2073–5561

© «Literaturovedcheskii zhurnal», 2022
© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Славянофилы и западники

<i>Гуминский В.М.</i> Западники и славянофилы в зеркале русских путешествий	9
<i>Цветкова Н.В.</i> Модель русской культуры в работах С.П. Шевырёва начала 1840-х годов	32
<i>Фёдоров А.В.</i> «Я ведь тоже народ»: Алексей Константинович Толстой и славянофилы.....	55
<i>Миллионщикова Т.М.</i> Английская и американская славистика о славянофильстве	78
<i>Логвинова И.В.</i> К вопросу об издании полного собрания историко-филологических трудов М.П. Погодина.....	98
<i>Ранчин А.М.</i> Стихотворение Элейкина из комедии Е.П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву <...>» как пародия на славянофильскую поэзию	109

История литературы

<i>Шульц С.А.</i> Н. Готорн, А.Н. Островский, А.П. Чехов, А.А. Блок: эволюция образа Снегурочки	125
<i>Аксёнова А.А., Синегубова К.В.</i> Трансформация образа пророка и пророческого слова в произведениях К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова в сопоставлении со стихотворением «Пророк» М.Ю. Лермонтова	140
<i>Любомудров А.М.</i> «Пожелаем друг другу надежды, воздуха и перемен». Письма Б.К. Зайцева к Е.Д. Кусковой (1928–1933).....	155

История литературоведения и литературной критики

Пешков И.В. Бахтинский вопрос: промежуточные итоги 182

Публикации

Россия перед угрозой революции: неопубликованное письмо
К.С. Аксакова к Николаю I от 28 марта 1848 г. (краткая
и пространная редакции) / Публикация, вступительная
статья и комментарии *А.П. Дмитриева* 211

Заметки Кота Ученого

К 100-летию создания СССР (1922)..... 240

In Memoriam

Александр Евгеньевич Махов (1959–2021)..... 241

CONTENTS

Slavophiles and Westernizers

<i>Victor M. Guminskii</i> . Westernizers and Slavophiles Reflected in Russian Travels.....	9
<i>Nina V. Tsvetkova</i> . Model of Russian Culture in S.P. Shevyrev's Works of Early 1840 s.....	32
<i>Aleksei V. Fedorov</i> . "I'm a People Too": Alexei Konstantinovich Tolstoy and the Slavophiles	55
<i>Tatyana M. Millionshchikova</i> . The Slavists of Great Britain and USA About the Ideas of Slavophilism.....	78
<i>Irina V. Logvinova</i> . On the issue of the Complete Collection of Historical and Philological Works of M.P. Pogodin	98
<i>Andrei M. Ranchin</i> . Eleikin's Poem From the Comedy by E.P. Rostopchina "Return of Chatsky to Moscow <...>" as a Parody of Slavophil Poetry	109

History of Literature

<i>Sergei A. Shul'ts</i> . N. Hawthorn, A.N. Ostrovsky, A.P. Chekhov, A.A. Blok Evolution of the Image of Snow Maiden.....	125
<i>Anastasia A. Aksenova, Kapitalina V. Sinegubova</i> . Transformation of the Image of the Prophet and the Prophetic Word in the Works of K.D. Bal'mont and V.Ya. Bryusov in Comparison with the Poem "The Prophet" by M.Yu. Lermontov	140
<i>Aleksei M. Lyubomudrov</i> . "Let's Wish Each Other Hope, Much Air and Go-ahead Times". Letters from B.K. Zaitsev to E.D. Kuskova (1928–1933)	155

History of Literary Criticism

Igor' V. Peshkov. Bakhtin Question: the Interim Answer..... 182

Publications

Russia Facing the Threat of Revolution: Unpublished Letter
From K.S. Aksakov to Nicholas I dated March 28, 1848
(short and lengthy edition) / Publication, introductory article
and comments by *A.P. Dmitriev* 211

Notes of the Learned Cat

To the 100th Anniversary of the Creation of the USSR (1922)..... 240

In Memoriam

Alexander Evgenievich Makhov (1959–2021)..... 241

СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.01

В.М. Гуминский

© Гуминский В.М., 2022

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

Аннотация. Рассматривается парадоксальность истории русской общественной мысли и литературы, в том числе неоднозначность исторических образов русских западников и славянофилов.; анализируется жанр путешествий с его установкой на сопоставление *своего* и *чужого*. Два выдающихся русских произведения этого жанра (вышедших почти одновременно) внесли своеобразный вклад в полемику западников и славянофилов, отразив противоречивость их позиций. В «Письмах об Испании» западника В.П. Боткина последовательно проводится близкая славянофилам мысль о необходимости сохранения национального своеобразия в условиях современной (середины XIX в.) глобализации, затрагивающей окраины европейского мира. Удивительное единодушие, проявленное западниками и славянофилами (почвенниками) в оценке «Сказания о странствии...» инок Парфения, дает возможность во многом по-новому взглянуть на существо их споров по поводу будущего развития России и русской литературы (религиозный и национально-исторический аспекты).

Ключевые слова: славянофилы; западники; литература путешествий; «Письма об Испании» В.П. Боткина; самобытность; европейская цивилизация; «Сказание о странствии...» инок Парфения.

Получено: 21.10.2021

Принято к печати: 17.11.2021

Информация об авторе: Гуминский Виктор Мирославович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, 25 а, 121069, Москва, Россия.

E-mail: gumins@rinet.ru

Для цитирования: Гуминский В.М. Западники и славянофилы в зеркале русских путешествий // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 9–31. DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.01

Victor M. Guminskii

© Guminskii V.M., 2022

WESTERNIZERS AND SLAVOPHILES REFLECTED IN RUSSIAN TRAVELS

Abstract. The article deals with the paradox of the Russian social thought and literature, including the ambiguity of the historical images of Russian westernizers and slavophiles. The travel genre focused on the contrast between *us* and *them*. Two outstanding Russian pieces of this genre (published almost simultaneously) contributed to the polemics of westernizers and slavophiles reflecting the inconsistencies of their positions. “Letters on Spain” by V.P. Botkin follows the idea, similar to slavophiles’, of the need to preserve the national identity under the conditions of modern (mid 19th century) globalization affecting the suburbs of the European world. The surprising unanimity shown by westernizers and slavophiles (essentialists) in their assessment of Monk Parfeny’s “Narrative of Travels...” gives us the opportunity to have a new look at the essence of their debates regarding the future development of Russia and Russian literature (religious and national-historical aspects).

Keywords: slavophiles; westernizers; travel literature; “Letter on Spain” by V.P. Botkin; identity; European civilization; Monk Parfeny’s “Narrative of Travels...”.

Received: 21.10.2021

Accepted: 17.11.2021

Information about the author: *Victor M. Guminskii*, DSc in Philology, Professor, Principal Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya Street, 25 a, 121069, Moscow, Russia.

E-mail: gumins@rinet.ru

For citation: Guminskii, V.M. “Westernizers and Slavophiles Reflected in Russian Travels”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 9–31. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.01

Конечно, сегодня едва ли кто-нибудь возьмется отрицать очевидное: западничество и славянофильство сформировались как направления русской общественной мысли на общей почве евро-

пейского просвещения, немецкого романтизма и т.д. При этом столь же очевидна оригинальность развития этих направлений в России. Парадоксальность русской истории (в том числе в сфере идеологии) также общеизвестна и общепризнана. Нельзя сказать, что отечественная наука никогда не обращала внимания на неоднозначность исторических образов русских западников и славянофилов, не укладывающуюся в рамки стереотипов. Взять хотя бы славянофилов. Они принадлежали к самым образованным людям эпохи, как правило, владели несколькими древними и новыми языками, учились у «первоклассных умов Европы». Например, И.В. Киреевский в Берлине слушал лекции Ф. Шлейермахера и Г.В.Ф. Гегеля, в Мюнхене – Ф. Шеллинга, с последними двумя коротко общался и т.п. Конечно, далеко не случайным был и выбор названия для первого журнала И.В. Киреевского – «Европеец». Что уж говорить про А.С. Хомякова, феноменальная образованность которого поражала современников, и исследователи, пытаясь определить сегодня своеобразие его вклада в развитие русской мысли, то и дело прибегают к парадоксальным формулировкам: «А.С. Хомяков – русский европеец» (В.К. Егоров), «русское западничество славянофила А.С. Хомякова» (Е.А. Солодка) и т.п. Детские годы Ю.Ф. Самарина прошли в Италии и Франции, и к семи годам будущий «наследник Хомякова», «даровитейший человек, с неколебавшимися убеждениями» (Ф.М. Достоевский) безукоризненно владел французским языком, свободно говорил по-немецки и на латыни, но с трудом изъяснялся по-русски. Самаринское семейство переселилось в Москву, где русский язык ему стал преподавать Н.И. Надеждин, будущий профессор и издатель «Телескопа», в котором в 1836 г. было опубликовано «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева – первый манифест западничества. Дело особенно осложняется, когда речь заходит о конкретных оценках (идейно-художественных и пр.) тех или иных произведений стремительно развивающейся русской литературы.

Самый характерный пример тут, наверное, гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями». Их, как известно, в целом поддерживали (пусть и с некоторыми оговорками) не славянофилы (что, на первый взгляд, было бы естественно), а тот же Чаадаев, П.А. Вяземский, Ф.Ф. Вигель и др. представители пушкинского поколения в литературе. П.А. Плетнев, как известно, в письме

С.П. Шевырëву от 21 ноября 1846 г. даже объявил гоголевскую книгу «началом самобытной русской литературы» [цит. по: 6, с. 172]. Из критиков «нового» поколения книгу Гоголя высоко оценил, пожалуй, только Аполлон Григорьев (к его фигуре мы еще вернемся). Дальнейшая судьба «Выбранных мест...» в истории русской общественной мысли была не менее парадоксальной. В 1909 г. вышел сборник «Вехи», посвященный критике атеистических духовных ценностей, которые более полувека «как высшую святыню» сохраняла русская интеллигенция. Критика велась преимущественно с религиозной (христианской) точки зрения. Казалось бы, Гоголь как христианский мыслитель должен был стать союзником веховцев, их предтечей, но в действительности этого не произошло, хотя аргументация авторов сборника порой дословно совпадала с наблюдениями Гоголя над кризисным состоянием современного ему русского общества [см. об этом: 12, с. 124–134].

С этой точки зрения не менее парадоксальна фигура Белинского, «отца» русской интеллигенции, автора знаменитого зальцбруннского письма Гоголю, содержащего наиболее последовательную критику «Выбранных мест...». «Всеми своими симпатиями, – писал И.С. Тургенев, – всей своей деятельностью принадлежал он к лагерю “западников”, как их прозвали их противники. Он был западником не потому только, что признавал превосходство западной науки, западного искусства, западного общественного строя; но и потому, что был глубоко убежден в необходимости восприятия Россией всего выработанного Западом – для развития собственных ее сил, собственного ее значения» [17, с. 38]. Но, по свидетельству того же Тургенева, «исторические сведения Белинского были слишком слабы: он не мог особенно интересоваться местами, где происходили великие события европейской жизни; он не знал иностранных языков и потому не мог изучать тамошних людей; а праздное любопытство, глаzenie, badauderie, было не в его характере». Летом 1847 г. Белинский «изнывал за границей от скуки, его так и тянуло назад в Россию. Уж очень он был русский человек и вне России замирал, как рыба на воздухе» [17, с. 49]. Как мы видим, именно во время заграничного путешествия «русскость» западника Белинского проявилась с особенной очевидностью. Таким образом, характерная для любого путешествия жанровая установка (сопоставление *своего* и *чужого*)

неизбежно способствует самоидентификации путешественника в *чужом* мире своего путешествия, что, естественно, не может не отражаться (порой парадоксально) в литературе путешествий [см. об этом: 10, с. 144–150; 11, с. 3–30]. Именно два выдающихся произведения этого жанра, находящегося как бы на границе документальной и художественной литературы, позволяют, как нам кажется, во многом по-новому подойти к традиционной схеме развития русской литературы и общественной мысли, и с несколько неожиданной стороны увидеть в «зеркале» русских путешествий столь знакомые фигуры русских западников и славянофилов. Стоит ли говорить, что проблематика этих произведений сохраняет свою актуальность и сегодня, в эпоху глобализации и пр.

* * *

К лагерю западников безусловно принадлежал В.П. Боткин, друг Чернышевского и Белинского (в числе прочих Боткин знал Белинского с последними достижениями европейской философии), собеседник Маркса, поклонник «нового духа» времени, разрушающего «основы человеческого общества», заложенные «скверным средневековьем» (государство, религия, церковный брак), враг «патриархальности» и «всяческих авторитетов», атеист, гедонист и т.д. Выразительный портрет этого «низкопоклонника перед Западом» оставила в мемуарах А.Я. Панаева: «В.П. Боткин до смешного претендовал казаться парижанином; он удивил меня, спрятав в карман два куса сахара, который остался у него от поданного ему кофе. Я спросила, для чего он это делает, и получила в ответ, что настоящие парижане всегда так делают, одни русские стыдятся экономии. <...> В.П. Боткин сердился на меня за то, что я говорю по-русски на улице и в ресторанах, доказывая, что этого нельзя делать, потому что русских считают дикими, татарами и везде берут с них дороже, чем с других иностранцев» [15, с. 126].

Но в 1845 г. В.П. Боткин отправляется в Испанию и сталкивается с миром, который не вполне отвечал его сформировавшимся к тому времени представлениям «русского парижанина», безоговорочного поклонника прогресса и всего, что с ним связано (комфорта и т.п.). Вокруг этой стороны «Писем об Испании»

(в 1847–1851 гг. печатались в «Современнике», отд. изд. – СПб., 1857) сложился своего рода заговор молчания: о ней почти не упоминала современная журнальная критика (Чернышевский, Дружинин и др.), она не была ни разу проанализирована литературной наукой. Между тем проблема, на наш взгляд, заслуживает особого внимания хотя бы только потому, что остается актуальной и сегодня.

В русском обществе как-то само собой утвердилось мнение, что Испания в чем-то похожа на Россию. Особенно много об этом говорили во время Наполеоновских войн, когда в боровшихся с французскими захватчиками гверильях видели подобие русских партизан. К этому можно добавить, что обе страны лежат на окраинах европейского мира: Россия на северо-востоке, Испания – почти напротив, на юго-западе. В литературе (особенно западно-европейской) не раз высказывалось мнение, что испанцы и не принадлежат по большому счету к европейской культуре, цивилизации (об этом писал и Кюхельбекер в «Европейских письмах»). К тому же и у России, и у Испании были, если можно так выразиться, особые исторические отношения с Востоком, которых и в помине не было у других европейских стран. В VIII в. Испанию захватили арабы-мусульмане (мавры). В ходе Реконкисты к XV в. католическая страна была освобождена. О нашествии монголо-татар на Русь в XIII в. можно было бы и не упоминать.

Тут, разумеется, есть и существенные отличия. Татары, как принято говорить, пришли и ушли, а затем приходили много раз, но оккупации как таковой никогда не было. В отличие от испанских мавров, которые, поселившись на Пиренейском полуострове, во многом «цивилизировали» Испанию: строительство водопроводов, возделывание новых злаковых культур, например риса, и т.д. Впрочем, о последнем Боткин говорит в «Письмах об Испании» достаточно подробно. Нам же понадобилось привести общеизвестные сведения из истории двух государств, чтобы лучше понять, о чем русский путешественник умалчивает.

Столкнувшись с влиянием европейской цивилизации в Испании («офранцузиванием», как это назвал Дружинин в рецензии на «Письма об Испании»), Боткин поднимается до масштабных обобщений, которые, как всякие обобщения, оказываются актуальными не только для Испании, но и для России. Тем более что

проблема, поставленная Боткиным, на его родине была в центре полемики между западниками и славянофилами, обсуждалась в журнальной публицистике, выносилась на страницы повестей и романов. К тому же русские аллюзии, помимо прямых сопоставлений (ландшафт и т.д.), читаются в «Письмах» очень легко: Мадрид своим искусственным «происхождением», нездоровым климатом, космополитизмом походит на Петербург, реформаторская деятельность Карла III, включая гонения на национальную одежду, – на реформы Петра I и т.д.

Испанцев, как и русских, было принято считать самым религиозным народом в Европе (при всех исторических и конфессиональных различиях), иначе говоря, самыми отсталыми. Но вот какая «неожиданность» случилась в Испании: «Европа считала Испанию страной самую католическую в мире, а испанский народ резал или по крайней мере дал резать своих монахов, дал светской власти обобрать свои церкви и монастыри и, наконец, с тем же равнодушием смотрел, как уничтожили его монастыри...» [4, с. 31–32]. Конечно, Боткин никак не мог заглянуть в XX в., хотя сходство картин поразительно, но последовательная и успешная в целом секуляризация русской жизни при Петре I, Екатерине II была ему хорошо известна и, по сути дела, только поддерживалась.

Однако испанцы в ответ на насильственную попытку реформирования их внешности, национальной одежды подняли восстание. Русское дворянство, за немногими исключениями, безропотно согласилось с подобными нововведениями. Одним словом, испанцы, и особенно испанки, восхищают Боткина, и он не собирается этого скрывать.

Поэтому русскому путешественнику жаль «национальных особенностей одежды, обычаев, словом, жизни» испанцев, и он невольно задается вопросом: «...Неужели национальное так противоположно общечеловеческому, что первое стремление цивилизации всегда – стереть национальную одежду, обычаи, – словом, то, что больше всего лежит к сердцу народа» [4, с. 99]. Боткин немало говорит о «предрассудках исключительности» у испанцев и, кажется, при этом опять намекает на русских, во всяком случае, объективно получается именно так: «Нет народа, который бы с большим негодованием бранил, всячески порицал свою страну,

видел в ней только одно дурное, и в то же время я не знаю народа, более гордящегося своей национальностью» [4, с. 75].

Испанофильство Боткина распространяется и на простой народ, которому он посвящает восторженную характеристику, отдавая испанцам предпочтение перед всеми другими европейскими нациями. Стоит ли говорить, что напрашивающаяся сегодня аналогия с русским народом и его богатейшим фольклорным наследием (многие памятники которого были уже опубликованы к этому времени И.М. Снегирёвым, И.П. Сахаровым и др.) у Боткина не просматривается. Не случайно в отечественной фольклористической науке закрепилось мнение, что он «совершенно отрицал народную культуру» [1, с. 459]. Между тем русский путешественник отмечал в «Письмах об Испании»: «Говорят, что в Испании народ беден, невежествен, полон суеверия и предрассудков, что просвещение в нее не проникало. Так по крайней мере думает вся Европа. Но поставьте этого невежественного испанского мужика рядом с французским, немецким, даже с английским мужиком и вы удивитесь его натуральному достоинству, его деликатным манерам и его языку, правильному, чистому» [4, с. 191].

Даже в источниках своей просвещенности, по мнению Боткина, испанский простолюдин не похож на западноевропейского, хотя нам в чем-то напоминает русского: «Низшее сословие здесь несравненно образованнее низших сословий в Европе; только под этим словом не нужно понимать книжное образование, а образование, составившееся из нравов, обычаев, преданий, – так сказать, историческое образование, которое в испанском народе несравненно сильнее, глубже, нежели во всех других народах Европы. Это образование всей натуры человека, а не одной только головы» [там же]. И далее следует апология народной культуры Испании, тем более поразительная, что в основных и принципиальных чертах она полностью совпадает со славянофильскими воззрениями: «Уже довольно указать на то, что ни один народ не имеет такой богатой поэтической литературы, как испанцы; народная поэзия их живет не в книгах, а в непрерывном изустном рассказе. <...> Решительно во многом испанцы составляют исключение (в самом лучшем смысле этого слова) из прочих народов Европы, и к ним всего меньше прилагаются те общие теории и определения, которыми книжные умы так любят играть в политику и историю» [там же].

Впрочем, народную культуру Испании высоко оценивали и некоторые западноевропейские путешественники (Т. Готье и др.). Принято считать, что именно в это время в Европе складывается своеобразный культ испанской национальной музыки и танца, и, во многом увлеченный этим модным поветрием, в 1845–1846 гг. в Испанию отправляется из Парижа М.И. Глинка. Здесь он записывал народные песни, сам танцевал фанданго и т.п. [5, с. 355–378, 479–480]. М.П. Алексеев отмечал удивительное сходство этих песен с теми, на которые, по существу, тогда же обратил внимание В.П. Боткин [2, с. 180].

Осознавая противоречивость своей позиции даже в вопросе о национальной одежде, автор «Писем об Испании» торопится отмежеваться (снова с эстетической точки зрения) от того, что буквально коробит его в родной стране и кажется нарушением правил приличия и тонкого вкуса. Русский *couleur locale*, в частности женский костюм, удручающим образом соответствует, по его мнению, физическим недостаткам национального этнического типа и должен быть вынесен за скобки обсуждаемой проблемы. Другое дело испанские женщины, их внешность и наряды.

Именно любовь к Испании заставляет Боткина отказываться от тривиально-западнического, заданного заранее подхода к проблеме соотношения национального и общечеловеческого, Востока и Запада¹. Он поднимается до публицистического пафоса, обличая нетерпимость и агрессивность европейской цивилизации. Логика его рассуждений порой явственно напоминает будущую критику «общечеловеческого» миропорядка у Достоевского, Страхова и др. почвенников. «Они неспособны понять меня, гордо говорят евро-

¹Эту сторону, а именно непредвзятость «Писем об Испании», особенно подчеркнул Гоголь в письме П.В. Анненкову от 12 августа 1847 г. «Я их читал с любопытством, — признается писатель. — В них все интересно, может быть именно оттого, что автор мысленно занялся вопросом, что такое нынешний испанский человек, и приступил к этому смиренно, не составивши себе заблаговременно никаких убеждений из журналов, не влюбившись в первый выведенный им вывод, как делают это люди с горячим темпераментом, не рассматривающие того, что выведен вывод только из двух, из трех сторон дела, а не изо всех, как случается это с Белинским, со многими людьми на Москве (явное указание на споры западников со славянофилами. — В. Г.), со мною грешным и вообще со всеми теми, в которых много гордости и убеждения, что они стоят на высшей точке воззрения на вещи» [7, с. 413].

пейская цивилизация, и потому осуждены уступить место моим племенам или влачить жизнь животных и гибнуть». Далее идет еще не потерявший тогда своей злободневности пример из истории покорения Америки и прямо следующий из него закономерный вывод: «Так же, может быть, впоследствии будут истреблены европейскими племенами и племена Азии и Африки». Еще больше заострить проблему помогает обращение к истории: «Но отчего же древняя цивилизация так охотно принималась народами Востока? Отчего она не осуждала их на смерть, а вызывала к жизни?» [4, с. 128].

Но рефлектирующий Боткин обращается к самому себе и признает в духе будущих построений Н.Я. Данилевского в России, А.Д. Тойнби – на Западе, что проблема лежит гораздо глубже. Мир Востока, как выясняется на примере мавританских дворцов Альгамбры, оказывается чуждым и ему. «Я говорю: чуждого потому, что я, ходя по Помпее и Геркулануму, в тысячу раз больше чувствовал связь свою с римлянами и яснее понимал их, нежели теперь понимаю мавров, бродя по их дворцу. Для жителей Европы есть в характере и жизни Востока нечто ускользающее от их ясного понимания. Мы гораздо больше можем понять и прочувствовать в себе жизнь древнего грека и римлянина, нежели жизнь араба» [4, с. 179]. Этим и хочется объяснить «исторические эксцессы» во взаимоотношениях Запада и Востока, но подобное признание отнюдь не означает обретения выхода из создавшегося положения.

Конечно, Боткин не дожил до эпохи глобализации, но критика ее принципов, закладывавшихся в его время, проводится им достаточно остро и последовательно: «Европейская цивилизация хвалится общечеловеческими элементами, – констатирует он в письме из Танхера (Танжера. – В. Г.), – но отчего она с такими тяжкими насилиями прокладывает себе путь? Отчего эти миллионы народов, живущих возле нее, не только не чувствуют к ней никакого влечения, но соглашаются лучше погибнуть, нежели принять ее?» [4, с. 128].

Впрочем, путь, по которому должно пойти человечество и который может предложить ему Боткин, дабы разрешить геополитические проблемы, мало чем отличается от сегодняшних либеральных призывов к развитию «толерантности и мультикультурности»: «Не справедливо ли скорее то, что эти мнимые обще-

человеческие элементы, которыми так гордится европейская цивилизация, в сущности, еще бедны общечеловеческим. Может быть, этой цивилизации недостает еще многого, может быть, она должна совершенно преобразиться, для того, чтоб пристали к ней Азия и Африка; может быть, в ней и нет тех человеческих элементов, на которые могла бы откликнуться одичалая, но все-таки человеческая природа Востока» [4, с. 128].

Несколько неожиданно для автора, если бы он, конечно, об этом знал, «Письма об Испании» и вообще испанская тема попали в центр обсуждения вопросов, связанных как раз с Россией и с ее политикой на Кавказе. Мы имеем в виду переписку гр. А.П. Толстого с Гоголем в 1847 г. В письме от 5 августа 1847 г. крупный государственный деятель, бывший боевой офицер, тверской и одесский губернатор и будущий обер-прокурор Святейшего синода охарактеризовал «наши кавказские дела» как «постыдные» и добавил, что больше всего «жалеет черкес» (в духе будущих построений К.Н. Леонтьева). «Как можно дойти до такой нелепости, — продолжал Толстой, — чтобы положить на мере истребление лучшей, первой, совершеннейшей физически, породы из всех известных на земном шаре. Это бы для нас <было> неоцененное сокровище, рассадник силы и красоты: а мы их бесщадно и бездумно губим, и огнем, и мечом, и отравляем воронцовским просвещением, т.е. ромом, вином и прочими плотоугодиями». А в конце письма он явно по аналогии вспомнил об истории Испании (Толстой только что прочитал труды Ф. Минье об истории Испании), находя в ней «для нас уроки и указания». «Впрочем, — добавил граф, — что бы я ни читал, везде мне чудится Россия и весьма мрачная для меня ее будущность».

Гоголь на это письмо ответил 8 августа: «Старая Испания, точно, все могла бы иметь и все потеряла. Но новая Испания в ее нынешнем виде стоит того, чтоб ее рассмотреть: это начало чего-то». И в подтверждение своих слов сослался на журнальную публикацию «Писем об Испании»: «Я пробежал на днях напечатанные в “Современнике” <...> письма русского, там бывшего, Боткина, которые, во многих отношениях, очень интересны, особенно там, где обнаруживают свежесть сил народа и характер, очень похожий на характер добрых, простых народов, образовавшийся,

однако ж, в это время смут, которые не допустили воцариться там ни новой гражданственности, ни новой роскоши» [7, с. 406, 407].

Поиском этих «добрых, простых народов» на земле и будет заниматься русская литература, прежде всего литература путешествий, вплоть до «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева. Во всемирном масштабе попытался осуществить эту задачу И.А. Гончаров во «Фрегате “Паллада”». Что касается русского «доброго, простого» человека, то галерея героев отечественной классики говорит сама за себя: лермонтовский Максим Максимыч, толстовский Платон Каратаев, мужик Марей у Достоевского и т.д. В истории русской литературы есть произведение, которое произвело на современников (как славянофилов, так и западников) одинаково сильное впечатление. Его автором был, в сущности, именно такой «добрый, простой» русский человек.

* * *

В начале 1855 г. в Москве увидела свет книга, называвшаяся «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженика Святыя горы Афонския инокa Парфения».

Ничего необычного в самом этом факте не было: вышло из печати очередное духовное сочинение, принадлежавшее к популярному когда-то на Руси паломническому жанру. Такие произведения печатались и в XIX в., но времена переменились, и интерес к ним продолжал проявляться преимущественно в среде духовенства или простолюдин, а столичные литературные журналы, да и сама «просвещенная публика» не обращали на них особого внимания. Отношение к ним можно назвать музейным или антикварным: раритет свидетельствовал о давно прошедшей эпохе и в этом качестве должен был почитаться, даже исследоваться специалистами, но быть причисленным к живым явлениям современности он мог разве что по недоразумению. Такое отношение было сродни отношению к самому народу с его архаичными литературными пристрастиями к житиям святых, «милорду глупому» и т.п. Народ надо просвещать, поднимать до уровня современной образованности («Белинского и Гоголя») и тогда в обществе должно наступить полное взаимопонимание и, может быть, даже благо-

денствие. Православная церковь, уже ставшая после Петровских реформ одним из подразделений государственного аппарата, также должна вступить на путь прогресса и преобразиться. Конечно, лучше всего по католическому (или протестантскому) образцу, оставив малопонятный богослужебный язык, изменив внешность своих служителей, и т.д. В противном случае ей ничего не останется как по-прежнему обслуживать или, выражаясь на ее языке, окормлять простой народ и даже не пытаться внести свой вклад в дело просвещения. Так или примерно так можно представить себе историко-культурную ситуацию в России, ведь даже Пушкин, сетуя на отсталость современного духовенства, причину видел в том, что оно «носит бороду» и, следовательно, «не принадлежит к хорошему обществу» [16, с. 875].

В литературе уже наметился, если угодно, европейский путь примирения двух, на первый взгляд, взаимоисключающих традиций: древнерусской христианской, церковной и современной светской. Разумеется, попытку Гоголя «сблизить изящную словесность с духовной» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» следовало признать неудачной, но именно на почве древнего паломнического жанра, берущего в русской литературе начало от средневековых хождений, «церковно-беллетристическое направление» добилось к середине XIX в. безусловных успехов. Так, «Путешествие ко святым местам в 1830 году» (СПб., 1832) А.Н. Муравьева сразу же было переиздано в 1833 и 1835 гг., а затем в 1840 и 1848 гг. Муравьева не случайно называли «русским Шатобрианом» по имени автора прославленного *«Itinéraire de Paris à Jérusalem...»* (Paris, 1811). И хотя третьему изданию «Путешествия ко святым местам» Муравьев предпослал обстоятельный обзор «Русских путешествий в Святую землю», где рассказал о полутора десятках памятников паломнической литературы начиная с XII в., его собственные литературные вкусы и симпатии лежали отнюдь не в отечественном Средневековье. Русская литература путешествий после «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина (1801) стала бурно и, так сказать, экстенсивно развиваться и наряду с западноевропейскими осваивать и древнерусские паломнические маршруты. Одно за другим выходят «Путешествие по Святой земле в 1835 году» (СПб., 1838) и «Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» (СПб., 1847) А.С. Норова, в 1849–1850 гг.

по Ближнему Востоку путешествует П.А. Вяземский, и т.д. вплоть до XX в., когда туда же в поисках новых впечатлений отправился И.А. Бунин, а на Афон – Б.К. Зайцев.

Между тем появление книги о. Парфения было замечено критикой. Одним из первых на нее откликнулся в краткой рецензии Н.Г. Чернышевский. «Напрасно было бы искать системы в его книге, – вынес он снисходительный приговор, – и точное понятие об оригинальности ее наивного изложения можно получить, только перелистовав (*sic!* – В. Г.) ее» [19, с. 763–764].

Чернышевский во многом прав: никакой системы в книге о. Парфения действительно нет. «Сказание...» даже на фоне одного из самых свободных в литературном отношении жанров поражает своей сюжетно-композиционной раскованностью. Автор «Сказания...» отступает даже от, казалось бы, никогда и никого из путешественников не связывавшего принципа: вести свой рассказ более или менее последовательно, день за днем, описывать один географический пункт за другим. Хотя, конечно, и сам этот принцип в литературе путешествий порой существенно переосмыслился, пародировался, но только в целях литературной игры, чаще всего комической [см. об этом: 10, с. 124–141].

У о. Парфения, напротив, все совершенно серьезно. Он не боится повторов и десятки раз приводит одни и те же цитаты из Священного Писания (нередко на соседних страницах), из святоотеческой литературы, иногда возвращается к тем же самым сюжетам и фактам, то ли очередной раз напоминая о них, то ли просто забыв, что уже рассказывал. Повествование в книге, особенно в ее первой части, то и дело останавливается, превращаясь по существу в полемический трактат, иногда «в лицах», направленный против старообрядцев. Здесь можно встретить пространное «Размышление о милосердии Господнем, о Святой Церкви и о проч.», а в последней, четвертой части книги помещен по сути дела современный афонский патерик, точнее, материалы к нему: «Жизнь иеросхимонаха Арсения».

Сразу же обратил внимание на «Сказание...» Аполлон Григорьев. Все особенности книги о. Парфения критик объявил литературными достоинствами и, в первую очередь, язык. В статье «О правде и искренности в искусстве», напечатанной в третьем томе славянофильской «Русской беседы» за 1856 г., А.А. Григорьев

писал о «меткости» выражения в отношении к явлениям внутренней жизни» у о. Парфения [8, с. 112]. В позднейших «Парадоксах органической критики» он разовьет эту характеристику, связав с судьбой самого автора «Сказания...»: «Вышедший из раскола, – стало быть, несмотря на выход, сохранивший то, что в расколе нашем дорого <...> его, так сказать, растительную, коренную связь с бытовыми старыми началами, – инок Парфений как будто сохранил что-то от живой энергической речи протопопа Аввакума – или, лучше сказать, своеобразная же, как и самый талант, речь его представляла какую-то странную и, пожалуй, пеструю, но обаятельно наивную и живую смесь книжного (и даже невежественно книжного) языка с живым народным...» [8, с. 151].

Для Григорьева было очевидным, что связь русских «с историей, с стариною – поддерживается церковью...». Древняя Русь никогда не умирала: она продолжает жить и сегодня в памятниках средневековой архитектуры, иконописи, в православных святынях. К тому же она сопротивляется «общему уровню казенщины», затронувшему в послепетровское время и церковь. Живая связь с прошлым осуществляется через народ, ведь только «на почве народного (не официального) православия вдруг, неожиданно вырастает перед Вами благоухающий цветок в виде книги о. Парфения».

Выход «Сказания...» в свет становится для критика основным аргументом в его споре с западниками (в частности, с В.П. Боткиным). Книга о. Парфения для Григорьева принадлежит древней литературной традиции, у истоков которой стоит в 1837 г. впервые полностью изданное И.П. Сахаровым «Хождение игумена Даниила». Правда, Григорьев не очень твердо помнит само «Хождение» и путает иерусалимского короля Балдуина I, принимавшего в начале XII в. с почетом «игумена Русския земли», с его старшим братом Готфридом Бульонским. Да и в самом определении «Сказания...» как «благоухающего цветка» чувствуется легкий налет эстетизма. Но суть дела от этого не меняется. Книга о. Парфения, вдохновенно убеждает своего адресата-западника критик, «...не только что восстанавливает перед Вами свежестью чувства и безыскусственно-старыми формами языка связь с теми временами, когда игумен Даниил повесил, с позволения Готфрида Бульонского, у гроба Господня *кандило за землю русскую*, но показывает ясно, что связь эта никогда существенно и не разрывалась,

что коренной русский человек остался все такой же, каков он был во времена Мстиславов – стоятелей за вольную жизнь старой Руси...» [9, с. 110].

Создается впечатление, что перед каждым из участников переписки в это время лежало на письменном столе по «Сказанию...». Во всяком случае, чем-нибудь другим трудно объяснить тот факт, что Аполлон Григорьев, в конце концов, начинает ссылаться на книгу о. Парфения постранично, вероятно, не без наивности полагая, что адресат письма тут же бросится читать по его указаниям собственный экземпляр. При всей фантастичности такого предположения совсем исключить его все-таки нельзя. Ведь вспоминал же впоследствии в «Парадоксах органической критики» (1864) Григорьев о том, как он был «весь под влиянием этой удивительной книги, носился с нею, что говорится, “как курица с яйцом”» и познакомил со «Сказанием...» в том числе и Боткина [8, с. 152]. Но разговор о книге не был еще завершен и в письме к Боткину: «Все старое найдете Вы, – продолжал Григорьев, – вечно новым, вечно живущим, существенным в книге отца Парфения, все даже до племенной вражды, которая наивно высказывается у него к гуколам (хохлам), как наивно высказывается она у летописцев. Этим мирозерцанием – живут, как идеалом, конечно, – более 70 000 000 народонаселения: и насколько это мирозерцание способно к глубине мысли и к поэзии образа – свидетельство в той же книге о. Парфения...» [9, с. 110].

Критик попытался, как сегодня бы сказали, ввести книгу о. Парфения в контекст развития современной русской литературы, в первую очередь паломнической. В ней сразу же был найден антипод «Сказанию...», создателю которого Григорьев всегда был готов «поклониться в ноги», притом что «не мог без желчи слышать *имя* Андрюшки Муравьева» (из письма Е.Н. Эдельсону от 13 декабря 1857 г. из Флоренции). Кажется, он почти никогда иначе и не называл автора «Путешествия ко святым местам» и других многочисленных сочинений «по церковному вопросу». «В абсолюте, т.е. в вере, есть действительно нечто таинственное – но оно иногда удивительно ясно», – писал Григорьев своему тезке поэту А.Н. Майкову 9 января 1858 г. из Флоренции. И предупреждал: «Только опять под видом веры – Бога ради, не увлекись православием Андрюшки Муравьева. Это мерзость несодеянная...»

[9, с. 184]. «Никто не знает, и знать не хочет, — делился Григорьев своими размышлениями с М.П. Погодиным в письме от 7–10 марта 1858 г. из Флоренции, — что в нем-то, т.е. в *православии* (понимая под сим <...> православие отца Парфения <...> и исключая из него только <...> Андриюшку Муравьева) заключается истинный демократизм, т.е. не *rehabilitation de la chair* (*фр.* реабилитация плоти. — В. Г.) — а торжество души, *душевного* начала» [9, с. 193].

Очевидно, сразу же по прочтении «Сказания...» о. Парфения Григорьев задумал написать о нем статью для «Библиотеки для чтения» А.В. Дружинина и получил на это согласие редактора². Однако статья Григорьева в этом журнале, так же, впрочем, как и во всех других, не появилась. В любом случае, это была бы, наверное, лучшая статья о книге о. Парфения. Ведь мог же критик посвятить ей восторженные, но и точные слова из письма к редактору «Библиотеки...»: «Как — вдруг, откуда-то, из уединенного скита, спадает книга, которая языком, чувством и проч. — соединяет Россию XIX века с всею старою жизнью, — наглядно, ясно и вместе наивно, — книга, отмеченная печатью великого поэтического дарования, соединенного с младенческою простотою, — книга, освежившая многих, — книга, которой ничего подобного нигде не встретите <...> не дрогнет ли несколько раз рука, не остановится ли мысль, боясь и не стать с нею в уровень и дойти до ложного напряжения...» [9, с. 119].

Западник Дружинин вполне понимал своего корреспондента, ведь он также принадлежал к числу самых горячих почитателей «Сказания...». В 1859 г. критик, например, писал о «сподвижниках порывистого благочестия, раскаяния и христианского милосердия, которые изображены вдохновенным пером инок Парфения» [13, с. 278]. Аполлон Григорьев в «Парадоксах органической критики», в очередной раз давая восторженную характеристику книге инок Парфения, вспомнил и о людях, «которых уж никак нельзя заподозрить в аскетических наклонностях, но которые только что не

² Вероятно, это произошло при личном знакомстве Григорьева с Дружининым, когда последний в мае — начале июня 1856 г. гостил у Боткина на подмосковной даче в Кунцево. Григорьев неоднократно появлялся на даче, где велись «глубокомысленные беседы» с «водкой». Темы бесед, в одной из которых 18 мая принял участие Л.Н. Толстой, Дружинин зафиксировал в своем дневнике 30 мая: «Сила воли. Деизм, атеизм и православие. "Нюхание высокого"» [14, с. 393].

сузили в угоду теориям своего нравственного и эстетического захвата, а предпочли лучше при недостатке какой-либо веры остаться дилетантами» [8, с. 150–151]. Речь шла о Боткине и Дружинине, на которых, по утверждению Григорьева, книга о. Парфения произвела «неотразимое обаяние», и по крайней мере с художественной точки зрения они оценили ее «в точности» и «до тонкости». Боткинских печатных отзывов на «Сказание...», так же как и мы, Григорьев не знал, поэтому в подтверждение своих слов вынужден был сослаться только на «статью Дружинина в “Библиотеке...”». О ней же он упоминал и в работе «Западничество в русской литературе» (1861), когда, описывая реакцию на книгу о. Парфения «образованного класса», привел в качестве примера «такого тонко развитого и мало способного к неприличным увлечениям критика» как Дружинин, посвятившего «Сказанию...» «слова сочувствия (хоть и величавого)» [8, с. 151, 225].

Правда, назвать рецензию Дружинина в июльском номере «Библиотеки для чтения» за 1860 г. полноценной статьей вряд ли возможно. Но в ней и в самом деле имелся дифирамб, во многом затмевающий даже самые громкие слова, воздававшиеся книге о. Парфения Григорьевым: «Путешествие инока Парфения есть океан поэзии, бессмертная книга, которая останется в русской литературе на столетия, и с каждым годом будет приобретать большую и большую славу» [см.: 3]. Однако самая высокая оценка «Сказания...» без анализа остается только сотрясением воздуха, и критик вынужден намекнуть, учитывая, вероятно, уже появившиеся в печати отзывы о «Сказании...», что только «эстетическая критика», читай: сам Дружинин, сможет сказать об о. Парфении по-настоящему весомое «слово». Но тут, предупреждает он, читателям придется запастись терпением: весомые и окончательные «слова» появляются не сразу. Дружинину приходится повторить аргумент, к которому уже прибегал Григорьев в письме к редактору «Библиотеки...» от 19 сентября 1856 г.: «труды такого рода» как книга о. Парфения «ждать могут» сколь угодно «долго», говорить о «Сказании...» «всегда будет современно». Но чтобы все-таки хоть чем-то подкрепить свой отзыв, Дружинин вынужден в конце рецензии сослаться на авторитетное мнение «первых представителей нашей литературы», между которыми можно «насчитать не один десяток людей, вполне сознавших, что в странство-

ваниях инока Парфения сказался России *великий русский писатель*» [3, с. 7, 8].

Здесь он ничуть не покривил душою. Собственно, и краткий печатный отклик Дружинина на «Сказание...» во многом повторяет гораздо более пространную характеристику книги, которая была дана им самим в эпистолярном жанре, – и в том же высоком тоне, хоть и более лаконично, поддержана его адресатом (кстати сказать, этот ответ Дружинин почти буквально процитировал в своей рецензии). Речь идет о переписке Дружинина с И.С. Тургеневым осенью 1858 г. В письме от 19 сентября Дружинин сообщал, что «читал за лето одно поистине превосходное сочинение, изданное в России несколько лет тому назад и, кажется, оцененное лишь московскими ханжами и поврежденным Аполлоном Григорьевым». Удивляться некоторой бесцеремонности эпитетов, которыми Дружинин наградил московских литераторов, не приходится. Ведь сейчас шел почти домашний разговор между людьми одного круга, близкими по происхождению, воспитанию, образованию и литературным вкусам в отличие от московских «славян», как пренебрежительно любил их называть петербургский критик. Очередной раз удивляться, вслед за «поврежденным» Григорьевым, приходится как раз другому: это «превосходное сочинение» действительно «шевелинуло доселе молчавшие <...> струны» в душах русских европейцев. А пока Дружинин вспомнил, что видел эту книгу у Тургенева «на столе когда-то», но тот ее, «вероятно, проглядел без внимания, благодаря Петербургу и <...> непотребному образу жизни в Петербурге».

Далее в письме и следует замечательная характеристика «Сказания...», написанная искренне, со знанием дела, содержащая емкие и яркие формулировки. «Или я жестоко ошибаюсь, – уверенно заявил Дружинин, – или на Руси мы еще не видали такого высокого таланта со времен Гоголя (хоть и род, и направление, и язык совершенно несходны)». «Таких книг между делом читать нельзя, – наставлял он своего адресата, – а если Вы еще проживете в деревне, то засядьте на неделю и погрузитесь в эту великую поэтическую фантазмагорию, переданную оригинальнейшим художником на оригинальнейшем языке». Дружинин продолжает, уточняет и дополняет свою оценку, прямо обращаясь к содержанию книги. «Первая часть скучнее других, а вся *вторая* и части

третьей и 4-й части удивительны. Убеждения автора так чисты и простодушны, его *графический* талант так велик, что целая незнакомая нам сторона жизни открывается вся, в ряде мастерских описаний природы и живых лиц. Из всех старцев и постников, описанных Парфением, ни один не похож на другого, а некоторые, как, например, духовник Арсений, исполнены библейской прелести».

И тут опять не случайно всплывает имя Гоголя. Русское «образованное общество», так же, впрочем, как и православная церковь, как известно, в целом не приняли «Выбранных мест из переписки с друзьями». Большинство читателей холодно отнеслись и к сохранившимся фрагментам второго тома «Мертвых душ», полагая гоголевских «положительных» героев за искусственные и малоубедительные в художественном отношении фигуры. Причину подобного «падения великого таланта» видели во влиянии на писателя православного вероучения, представленного в данном, конкретном случае в лице ржевского протоиерея о. Матфея Константиновского, близкого к Гоголю в последние годы его жизни. Но вполне отдавая себе отчет в том, что «неудача» Гоголя совсем не означала бесперспективности именно такого направления в русской литературе, Дружинин убежденно констатировал: «Если б Гоголь, во второй части “Мертвых душ”, вместо Муразова и героев в таком роде, изобразил подобное лицо, мы все, несмотря на наши понятия, упали бы перед ним на колени и прославили бы его беседы с отцом Матвеем...» [цит. по: 18, с. 93]. Получается, что Гоголь все-таки напрасно не отправился на Афон дописывать «Мертвые души», как одно время собирался.

И напоследок, как полагается, снова о языке книги о. Парфения, но с учетом особой, «исихастской» точки зрения на словесность, на что никто еще не обращал внимания. «И относительно языка, — замечает Дружинин и обобщает, — всякому русскому читателю стоит изучать Парфения; уж одно то выше всякой оценки, что этот человек в жизнь свою не читал ничего литературного, о красоте слога понятия не имеет и часть жизни провел с людьми, считающими молчание за подвиг, а всякое лишнее слово чуть не за преступление» [там же].

Однако любопытно и то, что Тургенев совсем не кажется «оглушенным» подобными откровениями. Напротив, он отнесся к ним с полным пониманием и ответил Дружинину с неменьшим

энтузиазмом. «Парфения я читал при всей моей беспутной петербургской жизни, – чуть ли не обижается он на “подозрения” Дружинина в письме от 10 октября, – и нахожу Ваше мнение о нем совершенно справедливым; это великая книга, о которой можно и должно написать хорошую статью». Но и тут не обошлось без почти ритуального выпада в адрес Муравьева, а заодно и цензуры. «Это не то, что муравьевская ложь, которую за невозможностью отозваться о ней как следует, – следует похоронить молчаньем». И, наконец, заключительная афористическая фраза, как бы резюмирующая общее мнение обоих литераторов и уже по одному только этому достойная распространения в печати: «Парфений – великий русский художник и русская душа» [18, с. 95]. Столь же высоко оценивали «Сказание...» историк С.М. Соловьёв, мыслители Н.П. Гиляров-Платонов и К.Н. Леонтьев, писатель М.Е. Салтыков-Щедрин, его заинтересованно штудировал Л.Н. Толстой, неоднократно перечитывал Ф.М. Достоевский, широко используя в своем творчестве: «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых» [см. подр.: 11, с. 486–515].

Пожалуй, лучшим завершением этой работы, посвященной разнообразным «схождениям и расхождениям» славянофилов и западников, будут слова Гоголя из его статьи «Споры» («Выбранные места из переписки с друзьями»): «Все эти славянисты и европейцы, или же староверы и нововеры, или же восточники и западники <...> все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета, никак не догадываясь, что ничуть не спорят и не перечат друг другу» [7, с. 51].

Список литературы

1. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. 478 с.
2. *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. 216 с.
3. Библиотека для чтения. 1860. Т. 160. Литературная летопись. С. 1–12.
4. *Боткин В.П.* Письма об Испании. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976 (серия «Литературные памятники»). 344 с.

5. Глинка М.И. Литературное наследие. Автобиографические и творческие материалы. Т. I. М.; Л.: Государственное музыкальное издательство, 1952. 512 с.
6. Гоголь Н.В. Материалы и исследования. Т. I. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 502 с.
7. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. Т. XIV М.; Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. 608 с.
8. Григорьев Аполлон. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. 496 с.
9. Григорьев Аполлон. Письма. М.: Наука, 1999 (серия «Литературные памятники»). 475 с.
10. Гуминский В.М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 288 с.
11. Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 608 с.
12. Гуминский В.М. Гоголь и русская интеллигенция (к постановке проблемы) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 124–134.
13. Дружинин А.В. Литературная критика. М.: Советская Россия, 1985. 384 с.
14. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М.: Наука, 1986 (серия «Литературные памятники»). 512 с.
15. Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1972. 487 с.
16. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. X. М.: Издательство Академии наук СССР, 1966. 904 с.
17. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем.: в 12 т. Т. 11. М.: Наука, 1983. 528 с.
18. [Тургенев И.С.] Переписка И.С. Тургенева. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. 542 с.
19. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1949. 943 с.

References

1. Azadovskii, M.K. *Istoriya russkoi fol'kloristiki* [History of Russian Folklore Studies]. Vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1958, 478 p. (In Russ.)
2. Alekseev, M.P. *Ocherki istorii ispano-russkikh literaturnykh otnoshenii XVI–XIX vv.* [Essays on the History of Spanish-Russian Literary Relations of the XVI–XIX Centuries]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1964, 216 p. (In Russ.)
3. *Biblioteka dlya chteniya*. Vol. 160. 1860. Literaturnaya letopis' [Literary Chronicle], pp. 1–12 (In Russ.)

4. Botkin, V.P. *Pis'ma ob Ispanii* [*Letters on Spain*]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение Publ., 1976 (series "Literary Monuments"), 475 p. (In Russ.)
5. Glinka, M.I. *Literaturnoe nasledie. Avtobiograficheskie i tvorcheskie materialy* [*Literary Heritage. Autobiographical and Creative Materials*]. Vol. I. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1952, 512 p. (In Russ.)
6. Gogol, N.V. *Materialy i issledovaniya* [*Materials and research*] Vol. 1. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1936, 502 p. (In Russ.)
7. Gogol, N.V. *Poln. sobr. soch. i pisem* [*Complete Collection of Works and Letters*]: in 17 vols. Vol. XIV. Moscow; Kiev, Izdatel'stvo Moskovskoi Pariarkhii Publ., 2009, 608 p. (In Russ.)
8. Grigoriev, Apollon. *Estetika i kritika* [*Aesthetics and Criticism*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980, 496 p. (In Russ.)
9. Grigoriev, Apollon. *Pis'ma* [*Letters*]. Moscow, Nauka Publ., 1999 (series "Literary Monuments"), 475 p. (In Russ.)
10. Guminskii, V.M. *Otkrytie mira, ili puteshestviya i stranniki* [*The Discovery of the World, or Travels and Wanderers*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, 288 p. (In Russ.)
11. Guminskii, V.M. *Russkaya literatura puteshestvii v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste* [*Russian Travel Literature in the World Historical and Cultural Context*]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, 608 p. (In Russ.)
12. Guminskii, V.M. "Gogol' i russkaya intelligentsiya (k postanovke problemy)" ["Gogol and the Russian Intelligentsia (to the Formulation of the Problem)"]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2019, Vol. 53. (In Russ.)
13. Druzhinin, A.V. *Literaturnaya kritika* [*Literary Criticism*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1985, 384 p. (In Russ.)
14. Druzhinin, A.V. *Povesti. Dnevnik* [*Stories. Diary*]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 512 p.
15. Panaeva (Golovacheva), A.Ya. *Vospominaniya* [*Memoirs*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, 487 p. (In Russ.)
16. Pushkin, A.S. *Poln. sobr. soch.* [*Complete Collection of Works*]: in 10 vols. Vol. X. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1966, 904 p. (In Russ.)
17. Turgenev, I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem* [*Complete Collection of Works and Letters*]: in 12 vols. Vol. 11. Moscow, Nauka Publ., 1983, 528 p. (In Russ.)
18. [Turgenev, I.S.] *Perepiska I.S. Turgeneva* [*The Correspondence of I.S. Turgenev*] Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, 542 p. (In Russ.)
19. Chernyshevsky, N.G. *Poln. sobr. soch.* [*Complete Collection of Works*]: in 15 vols. Vol. 2. Moscow, Goslitizdat Publ., 1949, 943 p. (In Russ.)

Н.В. Цветкова

© Цветкова Н.В., 2022

МОДЕЛЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ С.П. ШЕВЫРЁВА НАЧАЛА 1840-х ГОДОВ

Аннотация. В статье осмыслен цивилизационный подход С.П. Шевырёва к истории России и ее культуре. Философ и критик в разных трудах анализирует русскую историю и словесность, воспитание и образование в сравнении с западноевропейскими, приходя к выводу об их самобытном характере. Ученый считает главной задачей времени создание модели национальной культуры, сфера которой включает не только творчество, но и «духовное производство»: государственное и семейное воспитание и образование, в котором он выступает единомышленником теории «официальной народности» С.С. Уварова. В воспитании русского человека важную роль он возлагает на словесность в лице Пушкина и Гоголя, не принимая петербургской «промышленной литературы», представленной деятельностью Белинского, Булгарина, Греча, и противопоставляя им свои образовательные проекты в журнале «Москвитянин». Сделан вывод о соответствии содержания модели культуры Шевырёва теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского.

Ключевые слова: С.П. Шевырёв; история и культура России; западная история и культура; теория культурно-исторических типов; Н.Я. Данилевский.

Получено: 10.09.2021

Принято к печати: 12.10.2021

Информация об авторе: Цветкова Нина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180000, г. Псков, Россия.

E-mail: tsvetkova48@yandex.ru

Для цитирования: Цветкова Н.В. Модель русской культуры в работах С.П. Шевырёва начала 1840-х годов // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 32–54. DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.02

Nina V. Tsvetkova
© Tsvetkova N.V., 2022

MODEL OF RUSSIAN CULTURE IN S.P. SHEVYREV'S WORKS OF EARLY 1840s

Abstract. The article deals with the civilizational approach of S.P. Shevyrev to the history and culture of Russia. In his works the philosopher and critic analyzes Russian history, literature and education in comparison with Western European ones, and comes to the conclusion about their distinctive character. The scholar considers the main task of his time to create a model of national culture, whose scope includes not only creativity, but also “spiritual production”: state and family upbringing and education. In this he supports the theory of “official nationality” by S.S. Uvarov. He assigns Pushkin and Gogol an important role in the education of the Russian man, not accepting the St Petersburg “industrial literature” by Belinsky, Bulgarin, Grech and opposing them his educational projects in the magazine “Moskvityanin”. The conclusion is that Shevyrev’s model of culture corresponds to N.Y. Danilevsky’s theory of cultural and historical types.

Keywords: S.P. Shevyrev; history and culture of Russia; Western history and culture; theory of cultural and historical types; N.Y. Danilevsky.

Received: 10.09.2021

Accepted: 12.10.2021

Information about the author: *Nina V. Tsvetkova*, PhD in Philology, Associate Professor, Pskov State University, Lenin Square, 2, 180000, Pskov, Russia.

E-mail: tsvetkova48@yandex.ru

For citation: Tsvetkova, N.V. “Model of Russian Culture in S.P. Shevyrev’s Works of Early 1840s”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 32–54. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.02

Деятельность С.П. Шевырёва, мыслителя и ученого, профессора Московского университета, в начале 1840-х годов подготовлена общим вектором развития его русской идеи, которая подробно изложена им в программной статье журнала «Москвитянин» «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841). Шевырёв анализирует значение европейских достижений в области

образования и культуры, общественного развития, рассматривая их сквозь призму истории каждой страны, как результат исторического прошлого [25, с. 25–34]. Анализ приводит его к выводу о «драме современной истории», о «последнем слове истории», определенном им как «Запад и Россия».

В чем же смысл «драмы»? По мысли ученого, он состоит в отношении российского образования и культуры к европейскому, в сравнении исторической судьбы России и западных стран: «Увлечет ли нас он (Запад. – Н.Ц.) в своем всемирном стремлении? Усвоит ли себе? Пойдем ли мы в придачу к его образованию? Составим ли какое-то лишнее дополнение к его истории? – Или устоим мы в своей самобытности? образуем мир особый, по началам своим, а не тем же европейским? Вынесем из Европы шестую часть мира... зерно будущему развитию человечества?» [24, с. 9].

Шевырёв, таким образом, среди старших славянофилов первым определит проблему «Россия – Запад», раньше И.В. Киреевского и А.С. Хомякова сформулирует свое понимание основных постулатов, связанных с гуманитарной сферой жизни государства, которые в начале 1840-х годов и составляют его русскую идею. В статье он поставит свое отечество перед выбором, хотя в самих вопросах уже потенциально присутствует ответ, в котором звучит уверенность в самобытном историческом пути России. Задавая вопросы, Шевырёв тут же апеллирует к Пушкину, приводя строки стихотворения «Наполеон» (1821): «Хвала! Он русскому народу / Высокий жребий указал». Критик изначально убежден в «высоком жребии» России. Анализируя статью «Взгляд русского на современное образование Европы», А.А. Ширинянц справедливо говорит о ее главенствующем пафосе: «Россия освобождается от влияния умирающего в нравственном отношении Запада, для того чтобы спасти его и все человечество» [25, с. 25].

В статье Шевырёв тщательно анализирует современность европейских стран (Италии, Англии, Германии, Франции) сквозь призму их истории. По определению философов ХХI в., «современность как понятие философии культуры и политической теории обозначает проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей “картины мира” у членов этих обществ и

воспринимались ими в качестве высшей и объективной “онтологической” реальности (представляемой мифологически, религиозно, в виде универсальных моральных “законов природы” или иначе)» [9]. Совершенно очевидно, что Шевырёв, думая о России, хорошо понимая историю западных стран и ее уроки, видит на Западе момент «распада того строя высших ценностей», которые олицетворяла, в первую очередь, религия, и что отражалось в гуманитарной сфере: в просвещении, образовании, культуре, в общественной и семейной жизни, что можно определить словом «культура». Вот почему для него главной задачей в начале 1840-х годов станет создание модели русской самобытной культуры, фундаментальную основу которой составит православная вера. И эту задачу он разрешает в комплексе разнообразных гуманитарных проектов. Понимание Шевырёвым «культуры» вполне соответствует определению нашего времени. Как пишет современный ученый, это «...специфическая система норм, ценностей и смыслов, отличающая одно общество от другого (или различные части общества – социально-статусные или профессиональные), способствующая его интеграции и придающая ему самобытность» [5, с. 34].

Для Шевырёва совершенно очевидно, что «культура не является исключительно сферой досуга или сферой деятельности отдельных одаренных личностей, она формируется в сфере духовного производства и отвечает потребностям общества в создании разнообразных систем его жизнеобеспечения; говоря словами Б.С. Ерасова, культура составляет «“содержание духовного производства” – производства художественных и интеллектуальных ценностей» [26, с. 146]. В связи с таким пониманием культуры он строит собственную модель, учитывая гуманитарную сферу жизни и деятельности русского человека: духовную область, особенности истории, образование, воспитание, искусство (самое первое и важное словесное), традиции народа и т.д.

Служа отечеству, Шевырёв пристальное внимание обращает на Францию и Германию, оказывающих наибольшее влияние на Россию: на ее культуру, ее общественную и семейную жизнь. По мысли Шевырёва, распад нравственных ценностей во Франции и Германии происходит в результате исторических событий, имеющих много общего: в результате «реформации в Германии, революции во Франции». Он считает, что революция во Франции по-

рождает «разврат личной свободы, который всему государству угрожает совершенною дезорганизациею». Следствием происходящего во Франции стало то, что народ «уничтожил в себе чувство религии, обездушил искусство и обессмыслил науку» [24, с. 42].

Ученый заинтересованно анализирует положение в литературе Франции, которая «превращена в одно ремесло, продажное, как и всякое другое, с тою только разницею, что здесь продается священный дар Божий, слово, данное человеку для высших целей, и употребляется для удовлетворения мелких страстей и для совращения народа с пути истинного. Таковы отношения литературы к политической жизни во Франции. Она вымещает ей свое унижение, сея мятежный дух в народе и развращая его нравы» [24, с. 40].

Человек веры, историк древней русской литературы, Шевырёв говорит об искусстве слова, подразумевая его значение, о котором писал Ю.М. Лотман: «Одной из особенностей русской средневековой культуры был особый авторитет Слова. *Слово вмещает в себе и разум, и речь, и одно из наименований Сына Божия, и данный им людям закон.* <...> Слово никогда не ставится в один ряд с другими искусствами: они получают авторитет извне, от сакральных или феодальных ценностей. Слову же авторитетность присуща имманентно, как таковому. <...> В этом смысле естественно, что, *когда место религиозного авторитета оказалось вакантным, его заняло искусство Слова.* <...> *Заменяв сакральные тексты, литература унаследовала их культурную функцию* [11, с. 88–89] (курсив мой. – Н.Ц.). Такое понимание слова объясняет явное неприятие Шевырёвым массовой французской литературы, «неистой словесности», «неистой драмы Гюго», романов Сю, Сулье, Дюма и др.

Ученый видит неблагополучие во Франции в сфере «тех гуманических, бескорыстных наук, которые кладут основу человеческому воспитанию в народе, что касается до философии, филологии древней, словесности новой, истории всеобщей и даже истории Франции, то преподавание их находится в совершенном упадке <...>» [24, с. 38]. Осознание французского опыта обусловит деятельность Шевырёва в «Москвитянине» именно в «гуманической» сфере: он критик, теоретик литературы, создатель истории древней русской словесности (в 1844 г. в журнале опубликует «Введение в историю русской словесности»), в начале 1840-х вы-

ступает с чтением публичных лекций о древней русской литературе, воспринимающих его современниками (И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым, М.П. Погодиным, Н.М. Языковым) как акт национального самосознания.

В.В. Зеньковский, осмысляя путь нравственно-духовных исканий Гоголя, Жуковского, И. Киреевского и Хомякова, употребил термин «новый гуманизм», который в конце 30-х – начале 40-х годов для них в общем смысле означает «возврат к церковному мировоззрению» или «построение цельного мировоззрения на основе церковного сознания» [7]. Этот термин в самом главном близок шевырёвскому термину «гуманический», составляет его ядро, которое освещает разные стороны его деятельности. Шевырёв использует термин «гуманический», отграничивая его от термина «гуманистический», в начале XIX в. связанный с представлениями «о человеке как существе особого высшего порядка», для которого «отличительной чертой является обладание разумом», а «универсальный мотив человеческого поведения есть эгоизм», что получило у С.Л. Франка название «профанного гуманизма» [20, с. 42]. На рубеже 30–40-х годов у Шевырёва, как и других бывших любомудров и будущих славянофилов, происходит смена философской парадигмы, когда они выбирают «путь в Церковь, путь религиозного восстановления, – религиозный апокатастасис мысли и воли», – говорит Г. Флоровский, так как «в восприятии тогдашних поколений религия осознавалась, прежде всего, именно как возврат к цельности, как собирание души (разрядка автора. – Н.Ц.), как высвобождение из того тягостного состояния внутренней разорванности и распада, которое стало страданием века. Подобный же религиозный постулат обобщался и на историческую действительность» [19]. В самом общем смысле «новый гуманизм» (В.В. Зеньковский) или «возврат к цельности» (Г. Флоровский) означают серьезное переосмысление «немецкого идеализма».

Термин «гуманический» отвечает философской позиции Шевырёва с начала 1840-х годов. Ее он изложил в статье «Христианская философия. Беседы Баадера» («Москвитянин», 1841, № 6). Статья была написана по материалам бесед, продолжавшихся почти три месяца в Мюнхене в 1840 г. Шевырёва глубоко привлекает и личность Баадера, и его философское учение, которое, по

мысли В. Виндельбанда, продолжает философию Я. Бёме и «в сущности <...> является теософским истолкованием построения истории с религиозной точки зрения. Развитие и индивидуума, и мира определяется в начальном пункте грехопадением, в конечном – искуплением, и должно быть понято при помощи этих событий. В то же время это развитие содержит в себе самоосвобождение Божества от его темной первичной сущности, самоосвобождение, являющееся следствием полного и абсолютного самопознания» [2, т. 2, с. 372].

Слишком многое мысленно выстраданное и искомое сошлось для Шевырёва в философии Баадера, опирающегося на учение Я. Бёме: мысли о единении философии и религии, путь «построения истории» и, быть может, самое главное – представления о человеке в его отношениях к Богу.

Шевырёв в москвитянинской статье либо цитирует, либо пересказывает Баадера, либо комментирует его, проявляя интерес и сочувствие его учению, разделяя положения его учения и утверждаясь в своих философских убеждениях. Он откровенно говорит, что не воспроизводит слова философа буквально, но *«позволяет себе выводить иногда и последствия, истекающие из Баадерова учения и применять их к разным явлениям»* [24, с. 238] (курсив мой. – Н.Ц.). И Шевырёв действительно выполняет свое намерение как в самой статье, так и впоследствии в собственных делах. Он развивает баадеровские идеи в своих публичных лекциях по истории древней русской словесности, по истории искусств и поэзии, а также в научных трудах: «История русской словесности» (1846–1860), «Об отношении домашнего воспитания к государственному» (1842), в критических статьях журнала «Москвитянин» и т.д.

Русскому ученому немецкий философ близок в том, что сочувствует учению Восточной церкви, что полемичен в отношении к философии Гегеля, в котором видит «одну из крайностей протестантизма», и «не сочувствует» «Шеллингову учению, даже и в новом его виде», что его философия имеет «рапсодический характер» [24, с. 237]. Самое существенное для русского и немецкого мыслителей – связь современной философии с Евангелием и трудами Отцов Церкви. Не случайно Иаков Бёме (Philosophus Teutonicus) – единственный для обоих близкий и продуктивный в современ-

ности философ, потому что дал философии Германии «христианское направление» [24, с. 238].

Современный исследователь объясняет тесное сближение русского ученого и немецкого философа как духовную потребность и знак времени: «В середине XIX в. в России остро встал вопрос об отношении религии и философии. И здесь особую роль сыграл последователь Бёме Франц фон Баадер, с именем которого был связан новый всплеск интереса к немецкому мистику в Германии. Импульсом послужило сочинение французского теософа Луи де Сен-Мартена “О заблуждениях и истине”. Знакомство с этим произведением перевернуло мировоззрение Баадера, который ощутил в нем нечто, воплощающее в себе “завещание” Бёме. <...> особое впечатление произвело на Баадера предсказание Сен-Мартеном нового духовного возрождения мира <...>» [17, с. 9–10].

Шевырёву важно, что «книга, в которой Баадер почерпал дух своего учения была Евангелие. <...> Отцы Церкви ему также знакомы» [24, с. 237]. Так религиозная философия Баадера для Шевырёва стала и открытием, и примером для того, чтобы в современности могла существовать не просто идея христианской философии, но возможность ее существования и практического применения. Подобно Киреевскому, Шевырёв занимается созданием современной русской философии, подчеркивая ее христианские основы, разрабатывает проблемы антропологии, соотношения веры и знания и др. Подобно И.В. Киреевскому, Шевырёв стремится «приобщить русских людей к Европейской науке и философии, к методам познания и теоретизирования, созданным европейцами для возделывания собственной культурной среды» [8, с. 7].

«Что такое христианская философия?» – главный вопрос, которому посвящена статья Шевырёва «Христианская философия. Беседы Баадера» в «Москвитянине». Опираясь на высказывания Баадера и дополняя его, Шевырёв предвосхитит основную проблематику более поздних статей И.В. Киреевского («О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», 1852; «О необходимости и возможности новых начал для философии», 1856). Как и Киреевскому, ему важно утвердить, что начало знанию положило не сомнение, как говорил Декарт и картезианцы, а вера. Сомнение – это «отрицание, отвержение». Значит, «начало знанию вера, а не сомнение: этот пункт чрезвычайно важен. С него

начинается разделение философии на христианскую и нехристианскую» [24, с. 240].

Не случайно поэтому фон статьи «Христианская философия. Беседы Баадера» составляет критика немецкой философии (Канта, Фихте, Шеллинга, особенно Гегеля) по проблемам отношения духа и природы, знания и веры, антропологии и т.д. В противоположность названным философам Я. Бёме Шевырёвым позиционируется как объективно разрешивший вопрос об отношении духа и природы, учивший тому, «как идея открылась через природу», доказавший, что «откровение или осуществление идеи, как бытия для себя, обуславливается через бытие начала природы не для себя, а для идеи» [24, с. 248].

Я. Бёме, по мнению Шевырёва, открыл главную истину христианства, по которой «примирение идеи и природы, или правильное, начала природы» происходит «в Слове, λόγος» [24, с. 249]. В статью входят важнейшие понятия русской религиозной философии: «это Слово, искони бывшее в Боге и служащее посредником между идеею и природою, есть Сын. Искони, прежде всех веков, превечная Любовь Божия открылась в Сыне, равно как разум человеческий открывается в слове, которое ему единосущно» [24, с. 250]. Эти теоретические положения Шевырёв разовьет в критических статьях «Москвитянина», в своей научной монографии «История русской словесности», первая часть которой выйдет из печати в 1846 г. Впоследствии о проблемах русской христианской философии будут говорить религиозные философы России XX в. (В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев и др.).

Христианская философия преломляется в беседах Шевырёва и Баадера в практику жизни, в жизненные правила, построенные на отношениях Бога и человека, которому «предстоит троякая обязанность: освобождать природу от страданий, освобождать душу сочеловеков от страданий же и наконец вместе с самим Христом нести крест» [24, с. 427]. В такой логике заложена философия цельной жизни, определены ее главные смыслы, которые Шевырёву будут важны в его научной, педагогической, журналистской деятельности.

Концовка статьи Шевырёва «Христианская философия. Беседы Баадера» говорит о его идеале. Если в молодости им был Петр Великий, то теперь идеал связан с Богом. Об этом Шевырёв

говорит, целенаправленно противопоставляя Христа всем крупным деятелям мировой истории (в том числе Петру Великому), обладающим нравственными недостатками и человеческим несовершенством: «Возьмите Наполеона, Петра, Карла Великого, Юлия Цезаря, Александра Македонского. Всякой из них был предметом справедливого удивления и не менее справедливого порицания. Возьмите всех славнейших законодателей мира: не то же самое? <...> Везде есть слабая сторона, везде пята Ахиллова. Не видно ли по всему, что человек находится в состоянии греха, в состоянии падения? <...> Кто в истории человечества един совершенный? Только Христос, распятый на Голгофе» [24, с. 282].

И вся история человечества, находящаяся «в состоянии падения», по Шевырёву, может и должна собраться вокруг «идеи Христианства», «идеи Божественной». В 40-е годы его русская идея обращена к «будущему всемирному, всеобъемлющему развитию Христианства», которое может принадлежать такому народу, который «сохранил примерную верность своей церкви» и который способен «далее развивать Христианство в духе всечеловеческом» [24, с. 280].

В философии Баадера Шевырёв находит искомое им единство ее с религией, которая освещает и его представления об истории как России, так и европейских стран. С этой точки зрения история Германии для него представляет пример крайнего неблагополучия: «глубоко таящийся в ее внутреннем развитии» «разврат мысли – <...> невидимый недуг, порожденный в ней Реформациею», расколовшей «Германию в отношении к вопросу религиозному на две резкие половины: на северо-восточную и юго-западную <...>» [24, с. 47].

Шевырёв свои надежды обращает к России, которая, в отличие от Запада, «не делила с ним его недугов; она сохранила свое великое единство, и в роковую минуту, может быть, она же назначена от Провидения быть великим Его орудием к спасению человечества» [24, с. 61]. Подобно Пушкину, он считает, что в исторической судьбе России присутствует Провидение, что «мы должны поневоле ограничиться богатым протекшим Западом и искать своего в нашей древней истории» [24, с. 62].

Шевырёв имеет в виду самостоятельный исторический путь России. Он ссылается на С.С. Уварова, автора знаменитой триады

«Православие. Самодержавие. Народность», которую М. Шевченко считает перифразом старинного военного девиза «За Веру, Царя и Отечество!» [23] и «расшифровывает» по-своему ее составляющие: «древнее чувство религиозное»; «чувство ее государственного единства, вынесенное нами также из всей нашей истории»; «сознание нашей народности» [24, с. 64]. Для ученого народность – это обширный мир традиционных понятий, близкий, по нашему мнению, уваровскому, о котором пишет Н.А. Зверева: «...принцип традиционный, основанный на нравственном, моральном, культурном, духовном, социальном и политическом единстве. <...> По мысли Уварова, “народность” – это синоним исторического равноправия народа в среде других таких же. “Народность” – это всеобъединяющее начало, это душа нации, пронизывающая все сферы политической, социальной и культурной жизни государства» [6, с. 30].

Несомненно, что министра просвещения и молодого ученого сближала общая цель создания отечественной культуры. По нашему мнению, с опорой на таких ученых Московского университета, как Шевырёв, Погодин, И.И. Давыдов и др., Уваров мог реализовывать стратегию «просветительского взаимодействия власти и ученого сословия» [14, с. 28].

Основные смыслы программной статьи «Москвитянина» позиционируют Шевырёва как человека государственной идеологии, готового служить стране, хорошо зная ее интересы, цели и задачи. Его позицию можно соизмерить и сравнить с тем, как свое служение России понимали и Н.М. Карамзин, и в настоящем министр просвещения С.С. Уваров, и близкие друзья Погодин и Гоголь. И.А. Виноградов замечает, что «во главу угла славянофильства Гоголь ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность. Именно этим объясняется глубоко «охранительное» отношение Гоголя к русской государственности. В таком понимании значения России в славянском мире Гоголь был отнюдь не одинок. Среди его единомышленников можно назвать Н.М. Карамзина, С.С. Уварова, М.П. Погодина, С.П. Шевырёва (старейших представителей славянофильского движения)» [3, с. 43].

Интересы России определяют разностороннюю деятельность Шевырёва, связанную с воспитанием и образованием, которая серьезно сближает его с Уваровым, видевшим «в восстановлении в нас Святой Руси, но уже не в прежнем ограниченном виде, а в нынешнем, достойном великой Монархии и всеобщих успехов образованности» [6, с. 30].

Шевырёв сформулирует основные положения теории воспитания русского человека и гражданина отечества в статьях «Москвитянина»: «Об отношении семейного воспитания к государственному» («Москвитянин», 1842, № 7), «Приемные экзамены в Московском университете» («Москвитянин», 1841, № 9), «Экзамены в Московском университете» («Москвитянин», 1842, № 8) и др. публикациях.

В статье «Об отношении семейного воспитания к государственному» он разрабатывает теорию воспитания с мыслью о «всечеловеке». Он говорит о важности как семейного, так и государственного воспитания, подчеркивая главенствующую роль последнего. Мысль Шевырёва о преимуществе государственного воспитания перед домашним была близка Пушкину, который в записке «О народном воспитании» (1826) писал: «<...> должно увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удерживать, дать ему время <...> созреть в тишине училищ. <...> В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное» [12, с. 32].

С научной основательностью Шевырёв подходит к изучению сделанного до него в этой области педагогики. Он анализирует труды ученых от Пифагора до Песталоцци и других своих современников, опираясь на христианскую философию и антропологию: «Под именем воспитания должно разуметь возможно полное развитие всех телесных, душевных и духовных способностей человека, от Бога ему данных, развитие, согласное с высшим его назначением и применимое к народу и государству, среди которых Провидение назначило ему действовать» [24, с. 455]. Он считает, что «воспитание каждого народа должно быть создаваемо на коренных основах его бытия» [24, с. 518].

В Древней Руси, где особая роль принадлежала церкви, по мнению Шевырёва, воспитывала человека семья. В этот период семейная жизнь укрепляла государство. С воцарением Петра раз-

рушается «единство семьи и нации», в связи с чем ученый делает вывод: «В новом периоде жизни русская семья должна вмещать первый слой <...> основной христианский <...> средний... народный <...> третий... слой избранного европейского образования» [24, с. 510].

Филолог и педагог конца XIX в. И.П. Смельницкий в своих воспоминаниях писал о том, что «залог общественного и государственного благосостояния России Ш<евырё>в видел в свободе и просвещении народа. Всю жизнь и деятельность свою он принес в жертву особенно последней идее <...>». А в статье Шевырёва «Об отношении семейного воспитания к государственному» он справедливо отмечал главенство религиозного начала: «Основным идеальным положением Ш<евырё>ва является воспитание всего цельного человека <...> затем Ш<евырё>в <...> требует, чтобы воспитание было народным и соответствовало целям государства, в котором человеку определено судьбою действовать» [16, с. 345].

И.Б. Гаврилов выделяет мысль Шевырёва о том, что воспитание каждого народа должно созидаться на коренных основах его бытия. Важнейшим корнем бытия русского, «древней семейной святыней» [4, с. 316] для Шевырёва, как и для его единомышленников И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, М.П. Погодина и др., была первопрестольная православная Москва, сохранявшая свой заветный обычай семейной жизни, живую связь с семейным бытом допетровской Руси.

Религиозный философ, богослов и создатель теории воспитания П.И. Линицкий, в конце XIX в. подытоживая споры западников и славянофилов, делает вывод, с которым мог бы согласиться Шевырёв: «<...> с одной стороны, религиозное просвещение, которое, как справедливо заметил Достоевский, нам нет нужды заимствовать от западных народов, а с другой – строго-научное образование в том виде, как оно издавна существует на западе, вот те основания, на которых должно утверждаться наше вполне самобытное национальное развитие» [10, с. 254].

«Самобытное национальное развитие» России, о котором он думает, сообщает его программной статье в «Москвитянине» оптимизм и уверенность в будущем страны, ее провиденциальной роли. На Россию Шевырёв возлагает созидательную миссию в мировой истории и в выводах предвосхищает историософские

идеи Достоевского. Шевырёв пишет: «В гибельные эпохи переломов и рушений, какие представляет история человечества, Провидение посылает в лице иных народов силу, хранящую и соблюдающую: да будет же такою силою Россия в отношении к Западу! да сохранит она на благо всему человечеству сокровища его великого протекшего и да отринет благоразумно все то, что служит к разрушению, а не к созиданию! да найдет в самой себе и в своей прежней жизни источник своенародный, в котором все чужое, но человечески прекрасное сольется с русским духом, духом обширным, вселенским, христианским, духом всеобъемлющей терпимости и всемирного общения!» [24, с. 66–67].

Такие выводы Шевырёва оказываются близкими как А.С. Хомякову, который считал Россию «носителем нравственно-религиозных начал, призванных обновить мир», что «ей суждена великая роль в судьбах человечества», так и, повторимся, Достоевскому, который «отстаивал российскую самобытность – и в то же время был убежден, что “национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение”» [13, с. 77].

Как религиозный мыслитель, Шевырёв работает над проектами в области воспитания, образования и просвещения, современной литературы и считает православную веру и церковь, русскую религиозную философию теми началами, которые должны стать основой самобытного развития отечества и «обеспечить реализацию культурно-исторического потенциала России как государства» [8, с. 11]. Так считал его друг И.В. Киреевский.

Пробуждение в современнике духовного начала Шевырёв прежде всего связывает с воздействием на него словесного искусства, выделяя как великое достояние в русской литературе творчество Пушкина, Гоголя или сочинения, привлекающие высокими мыслями, образами. В эпоху расцвета «натуральной школы» он защищает литературу, ориентированную на высшие «классические <...> уровни» [1, с. 140]. Он считает, что «литература в России – дело государственное и частное, дело всех и каждого, кто только получил призвание к ней от Бога» [24, с. 632]. Он уверен, «что переходный период словесности современной представляет мало утешительного по причине *излишнего влияния духа торговли и корыстного журнализма* [курсив мой. – Н.Ц.]. Он с надеждой

говорит о русской литературе и о ее судьбе: «<...> не унываем нисколько, провидим много светлого в будущем, ожидаем великого развития и встречаем несколько отрадных явлений» [24, с. 8].

Шевырёв считает науку решающим фактором в развитии литературы. В современности в Европе, по мысли ученого, «литература свергла оковы науки и, овладев свободой книгопечатания, внесла в науку и в жизнь хаос личного произвола, смешение слов и понятий» [24, с. 10]. В России он предвидит противоположное: *«У нас будет напротив: у нас наука должна убить в литературе дух торговый, сообщить ей интерес мысли, обратить ее от легких и пустых занятий на вопросы важные, и истребить все низкие ее свойства и привычки духом благородства, уважения, терпимости и приличия, сопутствующих истине»* [24, с. 10–11] (курсив мой. – Н.Ц.).

Состояние некоторых явлений современной литературы вызывает у Шевырёва резкую критику. В статье 1842 г. «Взгляд на современное направление русской литературы (Вместо предисловия ко второму году “Москвитянина”）」 он показывает две ее противоположные стороны: «Статья первая. Сторона черная» и «Статья вторая. Сторона светлая. (Состояние русского языка и слога)». Говоря о «черной стороне» литературы, Шевырёв имеет в виду петербургскую литературу и журналистику: «Отечественные записки» А. Краевского и В. Белинского, «Северную пчелу» Ф. Булгарина и Н. Греча. Он не щадит «промышленное направление русской словесности» [24, с. 534], хотя считает, что общественная потребность порождает промышленную литературу. Но он хочет, чтобы в России только «вслед за бескорыстными художниками слова» выходили писатели-промышленники.

В подтверждение своей веры в русскую литературу Шевырёв в «Москвитянине» в 1844 г. начинает знакомство читателей со своей научной монографией «История русской словесности, преимущественно древней», публикуя «Введение в историю русской словесности». Заслуга ученого заключается в открытии огромного пласта древней русской словесности, в его описании, осмыслении и периодизации. Он приходит к выводу о цельности бытия русского народа, обусловленного верой, которая помогает переживать России разные исторические эпохи, в том числе и Петров-

ских реформ, и современность и которая станет краеугольным камнем его концепции русской словесности.

Языку современной литературы он посвящает свои размышления и выводы в обзоре «Москвитянина» 1842 г. По замечанию ученого, «Пушкин, который, первый, как художник, обратил внимание на русские песни и сказки и народную молвь поставил в число источников избранного языка. До Пушкина то же направление явилось, если хотите, и в басне Крылова. <...> Вслед за Пушкиным, многие романисты наши стали возделывать ту же руду» [24, с. 560]. В пробуждении народности, по мысли ученого, важны исторические события (Отечественная война 1812 года) и последние тома «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина. Шевырёв подробно говорит об авторах, разрабатывающих «народную устную стихию в русском языке»: Погодине, Загоскине, Дале, Вельтмане и др.

Он считает, что, «переходя от литературы собственно к другим отраслям языка русского, мы заметим, что у нас почти с самого начала христианской грамоты никогда не иссякало в проповеди церковной слово веры», что в литературный язык ученые вносят различную лексику, например, «философия обогатила народную терминологию, благодаря трудам наших духовных философов <...>, светских ученых <...>», а «язык естественных наук много обязан трудам покойного М.Г. Павлова, Максимовича <...>» [24, с. 581–582]. Таким образом, Шевырёв с удовлетворением говорит о таком русском литературном языке, который рождается в России, чтобы служить как собственно литературе, так и разным отраслям науки, общественной, культурной жизни и т.д. В начале XX в. Н.С. Трубецкой писал, что «литературный язык отражает культурную жизнь и цивилизацию (ход и результаты научной, философской и религиозной мысли, политической и социальной, юридической и административной деятельности)» [18, с. 166].

Стремление создать литературный язык России, отвечающий более широкой по своим областям научной и культурной жизни и развитой цивилизации, пронизывает статью Шевырёва о светлой стороне современного направления русской литературы. Он с надеждой пишет о будущем значении русского литературного языка в мировой культурной и цивилизационной истории: «Мысль еще не принадлежит нам до тех пор, пока она не сказалась в родном

нашем слове: облеченная в язык иноземный, она может принадлежать только частным лицам, но не перейдет еще в дух нации: чтобы быть в народе, она должна воплотиться в языке его. – Все мы, действующие мыслию и словом на образование народное, по разным ветвям поэзии, словесности, науки, как бы ни разделялись мнениями, должны помнить, что у всех нас одна задача: *выразить мысль всеобъемлющую, всемирную, всечеловеческую, христианскую, в самом русском слове*» [24, с. 584] (курсив автора. – Н. Ц.).

По мысли Шевырёва, Пушкин в своем творчестве смог выполнить эту задачу, выразив «всечеловеческое» содержание, поняв дух людей разных национальностей и эпох и породнившись с вечностью. В таком восприятии поэта критик предвосхитит Пушкинскую речь Достоевского [22, с. 127–150].

В методологии критики Шевырёв до Белинского (1842, «Речь о критике...») утверждает единство исторической и эстетической оценок в анализе художественного произведения, при этом направляя внимание на внутренний мир автора, его духовную составляющую. Этот принцип он положит в основу рассмотрения художественных произведений в монографических рецензиях о сочинениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, об отдельных произведениях русских и зарубежных авторов, применяя его и в годичных обзорах. Шевырёв, таким образом, делает «главным, центральным предметом науки о литературе – поэтическое произведение как таковое», начиная в России традицию интерпретации и предшествуя ее теориям в XX в., когда «учитываются специфические черты гуманитарного знания и принципы герменевтики – то, что стало в начале XX века предметом научно-философских штудий В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея, М. Вебера, В. Штерна; позже – Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина, а также Г.-Г. Гадамера» [21, с. 10, 14].

Хорошо понимая современный момент столкновения отечественной литературы с чужеродными для нее явлениями («промышленная литература»), Шевырёв, теоретик литературы и критик, остается верен ориентации на «классические уровни» [1, с. 140]. Такая позиция придает глубоко концептуальный характер его осмыслению Пушкина, которого критик воспринимает как национального русского поэта, национальную нравственную и эстетическую меру, как поэта, глубоко выразившего национальное бытие, имеющего мировое значение, как русского классика.

В восприятии Шевырёва Пушкин олицетворяет русского человека, неотделимого от своих национальных корней, от почвы, от жизни со своими гениальными порывами и достижениями и со своими недостатками, имплицитно присущими русскому быту и бытию. Критик соизмеряет личность и творчество Пушкина с Россией, ее историей и исторической судьбой. Шевырёв пишет: «<...> вся поэзия Пушкина, как современная ему Россия, представляет чудный, богатый эскиз недовершенного здания, которое народу русскому и многим векам его жизни предназначено долго, еще долго строить <...>» [24, с. 377].

Таким образом, Шевырёв первым в истории русской эстетической мысли рассматривает творчество Пушкина как основу традиций современной литературы России, как ее «классический уровень». Критик создает концепцию русской литературы, предвосхищая выводы почвенников: А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Ф.М. Достоевского. В утверждении Шевырёва о том, что «чуждое сочувствие Пушкин имел со всеми гениями поэзии всемирной» [24, с. 355] прослеживается близость к Пушкинской речи Ф. Достоевского.

«Москвитянин» он понимает и позиционирует как «кафедру, но воздвигнутую на всю неизмеримую Россию, действующую во всех концах ее, на все сословия, на все возрасты, на всю массу читающего народа» [24, с. 9], как «сборное место для всех ученых России, где бы они могли, каждый по своей части, сообщать мнения свои относительно замечательнейших явлений как на Западе, так и в нашем Отечестве» [24, с. 11]. В статье «Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год» он утверждает: «Великое дело предоставлено у нас науке и кругу ученых в отношении к литературе. <...> только одна наука может ее освободить из того отчасти печального и хаотического состояния, в котором она теперь находится. Настоит крайняя необходимость образовать и утвердить в литературе *мнение*, которого она не имеет. Основание этого мнения может быть утверждено только на основаниях самой науки, а совершить самое дело могут только все ученые вместе <...>» [24, с. 10].

Итак, журнал с художественными произведениями, с критическими и научными статьями Шевырёв позиционирует как орган сплочения ученых, писателей, поэтов, критиков и публицистов для

«гуманического» воспитания здоровых сил нации, в котором важную роль ученый отводит педагогике и современной литературе, истории русской литературы и русского языка, литературной критике и текстологии древнерусских текстов, гомилетике и истории литературного языка, музыковедению и искусствоведению и т.д.

Таким образом, в начале 1840-х годов Шевырѣв в своих трудах фундирует модель русской культуры, подробно представляя и описывая разные ее составляющие. И во всех работах С.П. Шевырѣва, филолога и философа, педагога и журналиста, создается то содержание, которое составило суть русского культурно-исторического типа, имеющего свой голос в масштабе всечеловеческом. Благодаря его трудам, В.В. Розанов мог сказать о Н.Я. Данилевском, создателе теории культурно-исторических типов: «<...> собственно для славянофильства как учения об особенностях русского народа и истории он ничего не сделал. Его роль была формально-классификаторская» [15, с. 252].

Список литературы

1. *Вершинина Н.Л.* Русская беллетристика 1830–1840-х годов. (Проблемы жанра и стиля). Псков: Псковский педагогический институт им. С.М. Кирова, 1977. 180 с.
2. *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: Т. 1: От Возрождения до просвещения. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 640 с.; Т. 2: От Канта до Ницше / пер. с нем. под ред. А. Введенского. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 512 с.
3. *Виноградов И.А.* Славянофил-государственник. Н.В. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Том 1. № 2. С. 36–61.
4. *Гаврилов И.Б.* К характеристике философии воспитания С.П. Шевырѣва // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 307–326.
5. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. Учебник для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 1996. 590 с.
6. *Зверева Н.А.* Общественно-политические взгляды С.С. Уварова: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2005. 34 с.
7. *Зеньковский В.В.* История русской философии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istorija-russkoj-filosofii/ (дата обращения: 08.09.2021).

8. *Зимин А.И.* В поисках мудрости и веры / Иеромонах Василий (Саяпин), Шарипов А.М. Иван Васильевич Киреевский: Возвращение к истокам / под ред. проф. А.И. Зимина. М.: Издательство Главархива Москвы, 2006. 408 с.
9. *Капустин Б.Г.* Современность // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 05.09.2021).
10. *Линицкий П.* Славянофилы и либерализм. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1882. 256 с.
11. *Лотман Ю.М.* Очерки по истории русской культуры XVIII века // *Лотман Ю.М., Живов В.М., Аверинцев С.С., Панченко А.М.* Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII – начало XIX века). М.: Языки русской культуры, 1996. 831 с.
12. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. VII. Л.: Наука, 1978. 544 с.
13. *Работяжев Н.В.* Консервативная геополитическая мысль в России: преемственность и обновление // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 5. С. 74–94.
14. *Ратников К.В.* Холопы или собеседники? Профессорские вояжи в Поречье (идеологическая стратегия графа С.С. Уварова и его единомышленников). Челябинск: Околица, 2006. 236 с.
15. *Розанов В.В.* Поздние фазы славянофильства. Н.Я. Данилевский // *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М.: Республика. 1996. С. 246–252.
16. *Смельницкий И.* С.П. Шевырёв и его взгляды на задачи общественного воспитания // Науки жрец и правды воин! / С.П. Шевырёв; [сост., вступ. ст., путеводитель и коммент. Е.Ю. Филькиной]. М.: Русский Мир, 2009. С. 34–348.
17. *Тиме Г.А.* «Святой отец Яков Бемен» (рецепция наследия немецкого мистика в России) // Русская литература. 2011. № 4. С. 9–10.
18. *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995. С. 12–195.
19. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. VI Философское пробуждение. URL: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/06.html> (дата обращения: 08.10.2021).
20. *Франк С.Л.* Свет во тьме. М.: Факториал, 1998. 255 с.
21. *Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В.* Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы): учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 176 с.
22. *Цветкова Н.В.* «Всечеловеческое» и «всечеловек»: от С.П. Шевырёва к Ф.М. Достоевскому // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 2. С. 127–150.

23. Шевченко М. «Каждый должен служить престолу!» С.С. Уваров. URL: <https://zapadrus.su/rusmir/istf/714-l-r-i.html> (дата обращения: 11.10.2021).
24. Шевырëв С.П. Полное собр. литературно-критических трудов: в 7 т. СПб.: Росток, 2022. Т. 3, кн. 1. В печати.
25. Шевырëв С.П. Полное собр. литературно-критических трудов: в 7 т. СПб.: Росток, 2022. Т. 3, кн. 2. В печати.
26. Шириняц А.А. Степан Петрович Шевырëв // Шевырëв С.П. Избранные труды / С.П. Шевырëв [К.В. Рясенцев, А.А. Шириняц; автор вст. ст. А.А. Шириняц]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5–67.

References

1. Vershinina, N.L. *Russkaya belletristika 1830–1840-kh godov. (Problemy zhanra i stilya)* [Russian Fiction of the 1830 s-1840 s. (Problems of Genre and Style)]. Pskov, Pskovskii pedagogicheskii institut im. S.M. Kirova Publ., 1977, 180 p. (In Russ.)
2. Vindel'band, V. *Istoriya novoi filosofii v ee svyazi s obshchei kul'turoi i odel'nymi naukami* [The History of New Philosophy in its Connection with General Culture and Individual Sciences]: Vol. 1: *Ot Vozrozhdeniya do Prosveshcheniya* [From Renaissance to Enlightenment]. 640 p. Vol. 2: *Ot Kanta do Nitsshe* [From Kant to Nietzsche]. Translation from German, ed. by A. Vvedenskogo, Moscow, Giperboreya Publ., Kuchkovo pole Publ., 2007, 512 p. (In Russ.)
3. Vinogradov, I.A. “Slavyanofil-gosudarstvennik. N.V. Gogol' v dvizheniyakh epokhi” [“Slavophile Statesman. N.V. Gogol in the Movements of the Epoch”]. *Dva veka russkoi klassiki*. Moscow, IMLI RAN Publ., vol. 1, no. 2, 2019, pp. 36–61. (In Russ.) DOI: 10.22455/2686–7494–2019–1–2–36–61
4. Gavrilov, I.B. “K kharakteristike filosofii vospitaniya S.P. Shevyreva” [“On the Characteristics of S.P. Shevyrev's Philosophy of Education”]. *Khristianskoe chtenie*, no. 4, 2017, pp. 307–326. (In Russ.)
5. Erasov, B.S. *Sotsial'naya kul'turologiya. Uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Social Cultural Studies. Textbook for Higher Educational Institutions Students]. 2nd ed., revised. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996, 590 p. (In Russ.)
6. Zvereva, N.A. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady S.S. Uvarova* [Socio-Political Views of S.S. Uvarov]. PhD in History Diss. Abstract, Volgograd, 2005, 34 p. (In Russ.)

7. Zen'kovskii, V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istoriya-russkoj-filosofii/ (accessed: 08.09.2021). (In Russ.)
8. Zimin, A.I. “V poiskakh mudrosti i very” [“In Search of Wisdom and Faith”]. *Ieromonakh Vasilii (Sayapin), Sharipov A.M. Ivan Vasil'evich Kireevskii: Vozvrashchenie k istokam* [Hieromonk Vasily (Sayapin), Sharipov A.M. Ivan Vasilyevich Kireevsky: Return to the Origins], ed. by prof. A.I Zimina. Moscow, Izdatel'stvo Glavarkhiva Moskvyy Publ., 2006, 408 p. (In Russ.)
9. Kapustin, B.G. “Sovremennost'” [“Modernity”]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> (accessed: 05.09.2021). (In Russ.)
10. Litskii, P. *Slavyanofily i liberalism* [The Slavophiles and Liberalism]. Kiev, Tip. G.T. Korchak-Novitskogo Publ., 1882, 256 p. (In Russ.)
11. Lotman, Yu.M. “Ocherki po istorii russkoi kul'tury XVIII veka” [“Essays on the History of Russian Culture of the XVIII Century”]. Lotman, Yu.M., Zhivov, V.M., Averintsev, S.S., Panchenko, A.M. *Iz istorii russkoi kul'tury. T. 4 (XVIII – nachalo XIX veka)* [From the History of Russian Culture. Vol. 4 (XVIII – Early XIX Century)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 831 p. (In Russ.)
12. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]: in 10 vols. Vol. VII. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 544 p. (In Russ.)
13. Rabotyazhev, N.V. “Konservativnaya geopoliticheskaya mysl' v Rossii: preemstvennost' i obnovenie” [“Conservative Geopolitical Thought in Russia: Continuity and Renewal”]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, no. 5, 2009, pp. 74–94. (In Russ.)
14. Ratnikov, K.V. *Kholopy ili sobesedniki? Professorskie voyazhi v Porech'e (ideologicheskaya strategiya grafa S.S. Uvarova i ego edinomyshlennikov)* [Slaves or Collocutors? Professorial Voyages to Porechye (the Ideological Strategy of Count S.S. Uvarov and His Associates)]. Chelyabinsk, Okolitsa Publ., 2006, 236 p. (In Russ.)
15. Rozanov, V.V. “Pozdnie fazy slavyanofil'stva. N.Ya. Danilevskii” [“Late Phases of Slavophilism. N.Y. Danilevsky”]. Rozanov, V.V. *Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo* [Legend of the Grand Inquisitor by F.M. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1996, pp. 246–252. (In Russ.)
16. Smel'nitskii, I. “S.P. Shevyrev i ego vzglyady na zadachi obshchestvennogo vospitaniya” [“S.P. Shevyrev and His Views on the Tasks of Public Education”]. *Nauki zhrets i pravdy voin!* [The Priest of Science and the Warrior of Truth!], S.P. Shevyrev [ed., preface and comm. E.Yu. Fil'kina]. Moscow, Russkii Mir Publ., 2009, pp. 341–348. (In Russ.)

17. Time, G.A. “Svyatoi otets Yakov Bemen’ (retseptsiya naslediya nemetskogo mistika v Rossii)” [“Holy Father Yakov Behmen’ (the Reception of the Heritage of the German Mystic in Russia)”]. *Russkaya literatura*, no. 4, 2011, pp. 9–10. (In Russ.)
18. Trubetskoi, N.S. “Obshechslavyanskii element v russkoi kul’ture” [“The common Slavic Element in Russian Culture”]. Trubetskoi, N.S. *Istoriya. Kul’tura. Yazyk. [History. Culture. Language]*. Moscow, 1995, pp. 12–195. (In Russ.)
19. Florovskii, G. “Puti russkogo bogosloviya. VI Filosofskoe probuzhdenie” [“The ways of Russian Theology. VI Philosophical Awakening”]. Available at: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/06.html> (accessed: 08.10.2021). (In Russ.)
20. Frank, S.L. *Svet vo t'me [Light in the Dark]*. Moscow, Faktorial Publ., 1998. 255 p. (In Russ.)
21. Khalizev, V.E., Kholikov A.A., Nikandrova O.V. *Russkoe akademicheskoe literaturovedenie: Istoriya i metodologiya (1900–1960-e gody) [Russian Academic Literary Studies: History and Methodology (1900–1960-s)]*: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow; St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, 176 p. (In Russ.)
22. Tsvetkova, N.V. “Vsechelovecheskoe’ i ‘vsechelovek’: ot S.P. Shevyreva k F.M. Dostoevskomu” [“‘The All-Humanly’ and ‘the All-Human’: from S.P. Shevyrev to F.M. Dostoevsky”]. *Dostoevskii i mirovaya kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2018, pp. 127–150. (In Russ.)
23. Shevchenko, M. “‘Kazhdyi dolzhen sluzhit’ prestolu!’ S.S. Uvarov”. [“‘Everyone Should Serve the Throne!’ S.S. Uvarov”]. Available at: <https://zapadrus.su/rusmir/istf/714-l-r-i.html> (accessed: 11.10.2021). (In Russ.)
24. Shevyrev, S.P. *Polnoe sobranie literaturno-kriticheskikh trudov [Complete Collection of Literary and Critical Works]*: in 7 vols. St Petersburg, Rostok Publ., vol. 3, b. 1, in print. (In Russ.)
25. Shevyrev, S.P. *Polnoe sobranie literaturno-kriticheskikh trudov [Complete Collection of Literary and Critical Works]*: in 7 vols. St Petersburg, Rostok Publ., vol. 3, b. 2, in print. (In Russ.)
26. Shirinyants, A.A. “Stepan Petrovich Shevyrev” [“Stepan Petrovich Shevyrev”]. Shevyrev, S.P. *Izbrannye Trudy [Selected Works]*, S.P. Shevyrev [K.V. Ryasentsev, A.A. Shirinyants; avtor vst. st. A.A. Shirinyants]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2010, pp. 5–67. (In Russ.)

А.В. Фёдоров

© Фёдоров А.В., 2022

**«Я ВЕДЬ ТОЖЕ НАРОД»:
АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ
И СЛАВЯНОФИЛЫ**

Аннотация. В статье рассматривается сложное отношение А.К. Толстого к славянофилам и их учению. Это отношение отразилось в творчестве и претерпело существенные изменения со временем. Относительная близость – середина 1850-х годов, диалог – конец 1850-х – начало 1860-х, полемика – конец 1860-х – 1870-е. Период единства был связан с его интересом как художника к народно-песенной стилистике и к идее славянского воссоединения. Затем в нем созревает стремление пояснить свою эстетическую позицию, которая расходится с представлениями славянофилов о смысле и цели искусства (стихотворное послание «И.С. Аксакову»). Впоследствии диалог перерастает в полемику с более широким кругом вопросов – Толстой не принимает утилитарное отношение к литературе, отстаивает свое понимание народа, переосмысливает роль Петра Великого в русской истории, разоблачает тягостные последствия «московского» периода, клеймит «татарщину» как мечту о новом хане и апологию тирании и рабства, не желает признавать превосходства над Западом в нравственно-религиозном отношении, наконец, парадоксально сближает нигилистов и славянофилов, показывая разрушительные последствия их идей («Поток-богатырь»).

Ключевые слова: А.К. Толстой; И.С. Аксаков; А.С. Хомяков; Б.М. Маркевич; славянофильство; панславизм; диалог; полемика; нигилизм.

Получено: 02.11.2021

Принято к печати: 02.12.2021

Информация об авторе: *Фёдоров* Алексей Владимирович, доктор филологических наук, главный редактор издательства «Русское слово»,

Овчинниковская наб., 20, стр. 2, 115035, Москва, Россия. Учитель литературы школы № 1516, ул. Хабаровская, 4 а, 107589, Москва, Россия.

E-mail: fedorov@russlo.ru

Для цитирования: Фёдоров А.В. «Я ведь тоже народ»: Алексей Константинович Толстой и славянофилы // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 55–77. DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.03

Aleksei V. Fedorov

© Fedorov A.B., 2022

“I’M A PEOPLE TOO”: ALEKSEY KONSTANTINOVICH TOLSTOY AND THE SLAVOPHILES

Abstract. The article examines the complex relationship of A.K. Tolstoy to the Slavophiles and their teachings. These relationships have been reflected in creativity and have undergone significant changes over time. Relative proximity – mid-1850s, dialogue – late 1850s-early 1860s, polemic – late 1860s-1870s. The period of unity was associated with his interest as an artist in folk song stylistics and the idea of Slavic reunification. Then the desire to explain his aesthetic position matures in him, which is at odds with the ideas of the Slavophiles about the meaning and purpose of art (a poetic message to “I.S. Aksakov”). Subsequently, the dialogue develops into a polemic with a wider range of issues – Tolstoy does not accept a utilitarian attitude to literature, defends his understanding of the people, rethinks the role of Peter the Great in Russian history, exposes the painful consequences of the “Moscow” period, stigmatizes “Tatarism” as a dream of a new khan and an apology for tyranny and slavery, does not want to recognize superiority over the West in moral and religious terms, finally, paradoxically brings nihilists and Slavophiles closer, showing the destructive consequences of their ideas (“Potok-bogatyr”).

Keywords: A.K. Tolstoy; I.S. Aksakov; A.S. Khomyakov; B.M. Markevich; Slavophilism; pan-Slavism; dialogue; polemics; nihilism.

Received: 02.11.2021

Accepted: 02.12.2021

Information about the author: Aleksei V. Fedorov, DSc in Philology, Editor-in-Chief of the Publishing House “Russkoe slovo”, Ovchinnikovskaya Embankment, 20, building 2, 115035, Moscow, Russia. The Teacher of Literature, School no. 1516, Khabarovskaya Street, 4 a, 107589, Moscow, Russia.

E-mail: fedorov@russlo.ru

For citation: Fedorov, A.B. “‘I’m a People Too’: Aleksey Konstantinovich Tolstoy and the Slavophiles”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 55–77. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.03

Граф Алексей Константинович Толстой с искренней симпатией относился к представителям отечественного славянофильства, особенно к братьям Аксаковым и А.С. Хомякову. Была ли эта симпатия связана с их воззрениями, представлениями об истории, судьбе и назначении России? На этот вопрос однозначно ответить невозможно, поскольку на протяжении своего творческого пути Толстой, «двух станов не боец, но только гость случайный», существенно менял акценты и оценки, относящиеся к славянофильству. Попробуем обозначить их следующим образом: Единство, Диалог, Polemika.

I

Вторая половина 1850-х годов – время наибольшего сближения писателя со славянофилами. Они горячо приветствовали его вхождение в литературу: Толстой, впервые выступивший в печати в далеком 1841 г. (повесть «Упырь»), становится заметным участником литературного процесса только начиная с публикаций 1854 г. Он активно сотрудничает с журналом «Русская беседа», общается и переписывается с К.С. и И.С. Аксаковыми, А.С. Хомяковым. Они высоко оценивают его стихотворения в народном духе (в частности, притчи «Ходит спесь, надувающихся» и «В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба...»), отвечавшие в полной мере их представлениям о целях и задачах современного художника слова. Сам Толстой в письме к С.А. Миллер от 7 сентября 1856 г. с удовлетворением признавался: «Хомяков мне сказал, что он, прочитав “Спесь” и “Колокол”, хотел мне написать письмо, – и они прибавили: “Ваши стихи такие самородные, в них такое отсутствие всякого подражания и такая сила и правда, что если бы Вы не подписали их, мы бы приняли их за старинные народные”. Эти слова для меня – самая лучшая хвала...» [10, т. 5, с. 71]¹.

¹ Отношение А.С. Хомякова к творческому дару А.К. Толстого передает его письмо от 14 июня 1857 г.: «Без шутки, я не понимаю (да и не я один, все так же, как и я) откуда и как Вам достался такой Русской язык. Просто за-

Кроме того, в некоторых стихотворениях А.К. Толстого находят лирическое воплощение важнейшие идеи славянофилов, в частности идея панславизма. Представление о России как духовной наследнице Византийской империи, особой объединительной миссии русского мира и русского императора по отношению ко всем славянским племенам развивалось начиная с 1830-х годов (М.П. Погодин, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский и др.), как в политическом аспекте (буквальное присоединение, расширение государственных границ), так и в духовно-поэтическом ключе (братское слияние)².

Особого внимания с этой точки зрения заслуживают историко-философские баллады Толстого «Колокольчики мои...» и «Ой, стоги, стоги!...». Их можно интерпретировать как лирическую диалогию.

«Колокольчики мои...», начатые в 1840-е годы, завершены были, скорее всего, в середине 1850-х годов благодаря внешним «импульсам», среди которых – юбилей воссоединения Украины с Россией (1854) и встреча с братом Львом Жемчужниковым, приехавшим из Малороссии (см. об этой встрече и о малороссийских песнях, которые «перевернули сердце» Толстого, в его письме к С.А. Миллер от 3 ноября 1853 г. [10, т. 5, с. 52]).

«Дикость» и «непокорство» «славянского коня» поэтически (возможно, иносказательно) представляют стихийность, иррациональность исторического движения, судьбы народов. Лирический всадник отдается этой увлекающей силе, в которой может явить себя Провидение, не случайно единственно возможный ответ на вопрос об итогах и целях пути имеется лишь у Бога. Поэтому «простор», открытый перед всадником, означает еще и освобождение

видно, а Аксаков в горе, что не может как-нибудь Вас приурочить к Москве... Старик Аксакову я Вами доставил праздник, да и кажется всем, кому читал, а читал я кому только мог. Добрый путь вперед! Что если бы какой-нибудь рассказ из старого, былого времени, из удалых схваток пограничных, или другого. Я уверен, что это Вам чудно бы удалось. Простите, если суюсь непрошенный хоть не с советом, а с намеком: мне кажется, что Вы не во весь рост выпрямляетесь, а хотелось бы полюбоваться Вами вполне...» (РГАЛИ. Ф. 212 (Достоевский). Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 1–1 об).

²Панславизму в его философском и литературном аспектах посвящено немало исследований, см., например, работы Б.Н. Тарасова, Г.В. Рокиной, А.А. Григорьевой, М.И. Сигачева.

дение от самонадеянного человеческого стремления познать непознаваемое, от «узкого» представления о должном и недолжном развитии событий. Вера в промыслительность стремительного движения определяет и дальнейший пафос баллады: несмотря на предположительные «распутья» – смерть от зноя или медной стрелы «киргиз-кайсака», именно «светлый град со кремлем престольным» [10, т. 1, с. 26] как итог получает поэтическое обоснование, являет собой апофеоз братского славянского единения.

С седьмой строфы стихотворение приобретает отчетливые признаки баллады: вместо риторических обращений и вопросов появляется повествовательное начало, точка зрения смещается в сторону объективного описания последовательности внешних действий, возникает диалог. Конечно, лирическое одушевление не исчезает – описанная картина близка сердцу лирического героя, она представляет собою воплощение его сокровенной мечты о судьбе народа и государства. На это указывают многочисленные оценочные эпитеты: «светлый» (трижды – о граде, о «посланье», о лице хозяина), «чудно», «величавый». Особый акцент сделан на Малороссии и Польше – булава как признак гетманской власти, кунтуш как традиционная верхняя одежда поляков и украинцев.

Идеальные представления об историческом единстве двух наций и гармоничном включении малороссов в состав Российской империи отразятся и в незавершенном стихотворении «Друзья, вы совершенно правы...» (1857), лирический герой которого тоскует от искусственного разделения того, что должно быть целым:

Да, он грустит во дни невзгоды,
Родному голосу внемля,
Что на два разные народа
Распалась русская земля... [10, т. 2, с. 314]

Правда, позднее эти представления «уравновесятся» в ироничной «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868), где «просвещенная» Екатерина «прикрепила / Украинцев к земле» [10, т. 2, с. 55]. Что касается Малороссии и Польши как составляющих империи, то в историческом контексте стихотворения «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» (1840-е) они предстают естественными врагами, причем Украина не от-

делена от России, великороссы и малороссы названы одним общим «корневым» именем: «Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи...» [10, т. 1, с. 24].

В исключенных позднее строфах «Колокольчиков...» «география» стихотворения существенно расширялась, усиливая его панславистский пафос:

На одних цвели полях
Древле наши деды,
Рус <и> чех, хорват и лях
Знали те ж победы!

Будь же солнцем наших стран
И княжи над нами!
Кто на Бога и славян
С русскими орлами! [10, т. 1, с. 336]

Как считает А.С. Курилов, «возможно, в глубине души он тогда и разделял эту идею, но вкладывать в уста гостей, что искали спасения и защиты как раз от ляхов, слова о единстве всех славян вместе с ляхами под “солнцем” одного “державного” было, мягко говоря, некорректно и неуместно. Толстой это почувствовал, строфа в печати не появилась и сохранилась лишь в нескольких списках, как мимолетное проявление желания поэта видеть все славянские народы в семье единой» [3, с. 134].

Тем не менее в балладе Толстого создается идеально-праздничная картина любовного, добровольного и братского единения славянских народов; образ всадника сменяется восторженным наблюдателем совершаемого действия, и становится ясно – таков чаемый итог его пути как в конкретно-историческом, так и в метафизическом плане. Мечта привела его, как и все славянские народы, – в светлый стольный град, где воплощается Господний замысел о России как духовной наследнице Византийской империи. Любопытно, что стилистика, в которой описываются Москва («престольный кремль» указывает именно на нее, актуализируя концепцию «Третьего Рима») и «величавый хозяин», впоследствии будет характерна для произведений Толстого, посвященных киевскому периоду русской истории. Обращение «Будь же солнцем

наших стран» вызывает в памяти и образ Владимира Красное Солнышко, как будто описывается не московский царь и не российский император, а великий князь Киевский. Не случайно «светлое посланье» идет «с запада», что впоследствии отзовется в «европейском славизме» как сознательной геополитической позиции А.К. Толстого (см., например, его письмо к Б.М. Маркевичу от 7 февраля 1869 г.), воспевавшего киевский период как гармонию исторически естественного единения Руси с западным миром. Таким образом, баллада «Колокольчики мои...» наполнена еще и глубоко символическим смыслом: движение всадника отражает духовный и исторический путь всего русского народа. Этот путь освещен авторским идеалом – представлением о Божественном Промысле в судьбе нации.

Стихотворение «Ой, стоги, стоги!..» начинается фактически так же, как и «Колокольчики мои...», – с обращения лирического героя к природному образу. Но если в первой балладе это обращение остается риторическим, т.е. колокольчики необходимы как «пейзажное условие» для вдохновенного монолога-прозрения всадника, то вторая баллада оформлена именно как диалог: на свой вопрос, обращенный к стогам, герой получает ответ.

«Добрый человек,
Были мы цветами,
Покосили нас
Острыми косами...» [10, т. 1, с. 18]

Развернутая метафора указывает на трагическую разобщенность родственных наций³, если принимать традиционное истолкование образа стога в данном стихотворении. Трагизм усиливается еще и тем, что стоги состоят из мертвых растений – условно говоря, засохших колокольчиков. То есть разрозненность и беззащитность перед внешними угрозами («в головах у нас черные вороны», «стая галок вьет поганые гнезда») смыкаются здесь с темой духовной гибели. Чтобы воскреснуть, славянскому братству необходимо соединиться вновь. На последних строфах в диалог

³ По мнению А.С. Курилова, эти два стихотворения составляют «Украинский цикл» и в образе стогов выражена разобщенность *внутри* Украины (Левобережная, Правобережная, Запорожье, Буковина, Подолье, Закарпатье, Галиция).

«доброго человека» и стогов вплетается и еще один разговорный план – обращение (мольба) стогов к «орлу, отцу далекому», который осознается как единственный защитник и избавитель. Эпитеты, его характеризующие, – «грозный, светлоокий», – напоминают образ величавого хозяина со «светлым лицом» в балладе «Колокольчики мои...», соединяя «любовь и страх» в нерасторжимое единство. Образ орла⁴ наполнен здесь отчетливыми «державными» ассоциациями как символ российской государственности (исключенные строфы «Колокольчиков», как мы помним, также актуализировали этот образ).

Обе баллады соотносятся друг с другом еще и по принципу контраста: «Колокольчики» рисуют отрадную картину – мечту о будущем, «Стоги» фиксируют печальную действительность настоящего (хотя возможно истолкование «Колокольчиков» как прославления цветущего живого славянского мира в прошлом, а «Стогов» как горестного напоминания о былом единстве). В целом этот комплекс соотнесений и антитез создает объемное художественное пространство, пронизанное стремлением привести реальность в соответствие с идеалом. Это стремление внутренне «скрепляет» оба стихотворения и через образ лирического героя – русского всадника.

«Славянский цикл» А.К. Толстого (см. также «Ты знаешь край, где все обильем дышит...») учитывает положения конкретной геополитической идеи – панславизма. Но эта «идеологическая» составляющая стихотворений почти растворена в лирическом одушевлении высказывания и символичности обеих баллад. Художественные размышления Толстого универсальнее, «метафизичнее» политической проблематики. Может быть, поэтому четких представлений о том, как достичь желанного единства, как сделать реальностью светлую радость «Колокольчиков» и как преодолеть трагичное положение «Стогов», у автора нет. Он как будто чувствует, что здесь почти ничего не зависит от каких-то рациональных решений, понимая, что историческая судьба народа есть тайна. И ее «знает Бог единый».

⁴ Образ орла в близком значении возникает в стихотворениях А.С. Хомякова «Ода (На Польский мятеж)» и «Орел».

II

Диалог А.К. Толстого со славянофилами на тему судьбы и назначения поэта художественно закреплен в лирическом послании «И.С. Аксакову» (1859). Стихотворение представляет собой своеобразный поэтический ответ другу-оппоненту (ср. «Б.М. Маркевичу»). Вероятно, тот «строгий суд», который вынес Аксаков стихам Толстого, прозвучал либо в не дошедшем до нас письме, либо в личном разговоре. По содержанию стихотворения суть претензий Ивана Сергеевича заключается в недостатке простоты, естественности языка и внимания к жизни простого народа, к родной природе, т.е. в недостатке демократизма (следовательно, по логике славянофила, – патриотизма). Обвинение суровое, и Толстой, решаясь на поэтический ответ, понимает важность разъяснения своей художнической позиции – причем не только для Аксакова, но и для читателей вообще.

Любопытно в этом ответе то, что две строфы прямо перенесены из более раннего и незавершенного стихотворения «Друзья, вы совершенно правы...» (1857), которое также представляло собой ответ – неким не названным «друзьям», только друзья эти – ложные, прямо противопоставленные лирическому герою, и в качестве лейтмотива поэт использует их обвинение в «квасном патриотизме»: «Я патриот, друзья, квасной» [10, т. 2, с. 312]. Подобное обвинение могло прозвучать либо из «прогрессистского», либо из либерального лагеря, сходящихся в ключевых воззрениях на прошлое и будущее России. В любом случае позиция лирического героя в стихотворении «Друзья, вы совершенно правы...» абсолютно непримирима по отношению к оппонентам, он подчеркнуто гордится тем, в чем его обвиняют, но при этом вносит существенные пояснения в свою социальную философию:

Нет, я не враг всего, что ново,
Я также с веком шел вперед,
Блюсти законов Годунова
Квасной не хочет патриот... [10, т. 2, с. 312]

Таким образом, ситуация поэтической дискуссии с оппонентами (и уточнения своей позиции) лишь внешним образом сбли-

жает два стихотворения. Во-первых, послание И.С. Аксакову действительно можно назвать дружеским (Толстой словно хочет подчеркнуть: расхождение взглядов во многом мнимое, одной из целей написания послания и становится устранение недоразумения, недопонимания между людьми «одного лагеря»), во-вторых, в нем в качестве основной звучит тема творчества, судьбы поэта как «посредника» между вечным и временным. Толстой здесь вновь обращается к образу Псалтыри как «инструмента» поэта (образу, впервые возникшему у него в стихотворении «Поэт», 1840).

Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил свой псалтырь.

Можно сказать, что «повседневная» роль поэта – «меж людей он добрый воин / Или мирный гражданин» («Поэт» [10, т. 2, с. 10]) также имеется в виду в послании к Аксакову, ведь Толстой не отрицает земного мира во имя «таинственной отчизны», одно не противоречит другому, как поэт не противоречит гражданину. Лирический герой стихотворения «И.С. Аксакову» отрицает ситуацию ложного выбора, перед которым его поставил адресат послания (ср. «Двух станов не боец, но только гость случайный...»). Тем не менее, уважая позицию своего «собеседника», поэт особое внимание уделяет именно тому, что ему дорого на земле; не случайно здесь возникает и реминисценция из лермонтовской «Родины», выделенная курсивом (*«И пляску с топотом и свистом / Под говор пьяных мужичков»*), и трижды повторенное «люблю» в обширном перечислении примет «здешней жизни».

Однако в стихотворении перед читателем разворачивается все-таки дискуссионное пространство, которое композиционно организовано тройственным «но»:

Но я не чужд и здешней жизни...

(от согласия с обвинением в избытке торжественности – к доказательству неправомерности выводов о гражданской индифферентности);

...Но все, что чисто и достойно,
Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель <...>
Есть грань высокого призванья?..

(от перечисления «дорогих явлений» земного бытия – к риторическому сомнению в их «окончательной» ценности для человека);

...Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа... [10, т. 1, с. 108–109]

(итог: общая формула творческого отношения к бытию в его «вертикальной» иерархии).

После этого вывода стихотворение завершается фактически тем же, с чего начиналось: речь вновь заходит о языке, только теперь аксаковский упрек в недостатке простоты и в избытке торжественности лишается основания по очевидной причине, в силу закона – язык должен соответствовать теме, как форма обязана быть органична содержанию. Иначе возникнет дисгармония, хуже того – профанация. И.А. Ильин подтверждает истинность поэтической мысли Толстого: «Поэт, начертавший эти слова, прав и мудр: есть Россия *земная* – русской душе естественно любить ее и противоестественно не любить ее. Ибо она – наше материнское лоно; наша детская *колыбель*; вскормившая нас природа; наше земное, отеческое *гнездо*; наше национальное *жилище*; наш, отведенный нам Богом, *сад*... Но за нею скрыта, в ней таится, в ней живет – не внешнее, внутреннее, сокровенное, духовное начало – *иное значение, иная красота, иной глас*. Для этого – вечного и священного, *Божьего* – внешняя Россия есть как бы *риза*, через которую *сияет эта духовная субстанция*... За *Россией земной* – живет, созерцает, поет, молится и творит Россия *духовная*...» [2, с. 169–170]⁵.

Стоит заметить, что в этом стихотворении, возможно, заключен и поэтически сформулирован результат внутренней борьбы поэта, ложного противопоставления земного и небесного, на-

⁵ Ср.: «Всматриваясь в жизнь современной России, приходишь к открытию весьма знаменательному. Открываешь, что есть в ней две России, между собою почти не имеющие ничего общего. Россия нравственная, или духовная, и Россия материальная, или реальная» [5, с. 5].

шедшего, к примеру, отражение в ранней редакции стихотворения «Ты знаешь, я люблю, там, за лазурным сводом...»:

Ты знаешь, жизнь меня к себе не привлекала,
На мир я никогда с любовью не глядел,
Душа во мне не раз по воле тосковала
И за вещественный стремилась предел. [10, т. 1, с. 384]

III

Началом серьезной полемики А.К. Толстого со славянофилами и в целом с консервативным течением русской общественной мысли можно считать «роковой вопрос», поставленный польским бунтом (1863–1864) перед многонациональной Империей.

Так называемая русификация окраин России, с одной стороны, предполагала насильственное включение «малых народов» как части в общее «целое», их растворение в русской стихии через полный отказ от собственного «лица», через утрату национальной самобытности. Последовательно эту позицию отстаивал друг и постоянный корреспондент А.К. Толстого Б.М. Маркевич: «Каждая национальность, если только потворствовать ее инстинктам, непременно будет стремиться сначала к автономии, а затем и к полной независимости... <...> России, дабы не быть поглощенной иностранным элементом, остается только самой поглощать и научиться переваривать иностранные элементы» [6, с. 114]. С другой стороны, «русификация» нужна и возможна только путем постепенного и «мягкого» приобщения иных народов к русскому миру на уровне общих юридических законов и централизующей роли русского языка и культуры при сохранении широкой национальной автономии. То есть в строгом смысле вторая точка зрения не может быть названа «русификаторской», поскольку не предполагала буквального обрусения других народов, видя залог единства империи в союзе равных, а не в обезличенном подчинении.

А.К. Толстой в этом вопросе занимал промежуточную позицию, видя крайности и недостатки каждой из спорящих сторон. Он прекрасно понимал, что «союз равных» возможен только как внесударственное образование и чреват утратой единства внутри Империи, ее кризисом и распадом. Солидаризуясь с теми, кто

стремился к русификаторству как конечной идеальной цели, он расходился с ними в отношении к методам достижения этой цели, подчеркивая, что нетерпеливость и силовая жесткость могут лишь повредить, ибо вызовут естественное противодействие. Недвусмысленный намек на важность политического такта в решении польского вопроса содержится в знаменитом тосте, произнесенном Толстым в Одессе 14 марта 1869 г.: «Во имя нашего славного прошедшего и светлого будущего, позвольте мне, мм. гг., выпить за благоденствие всей русской земли, за все русское государство, во всем его объеме, от края до края, и за всех подданных Государя Императора, к какой бы национальности они ни принадлежали!»⁶

Наиболее последовательно свой взгляд на эту проблему Толстой излагает в письмах к Б.М. Маркевичу, используя эпистолярный жанр для выражения мнения по ключевым политическим и общественным вопросам своего времени. Тем не менее эти вопросы в художественно преображенном виде получали осмысление и в его литературном творчестве, не случайно в одном из писем он ссылается на фрагмент из собственной драмы «Дон Жуан». «Какой русский не желал бы полного поглощения польского элемента русским? Но этого же не достичь запретом говорить по-польски *на улицах и в кофейнях и в аптеках!* <...> Вы вместе с бедным *Щербиной* говорите: “Разных национальностей в могущественном государстве допустить нельзя!” Милые дети! Посмотрите в лексикон! <...> Вы смешиваете *государства* с национальностями! Нельзя допустить разных государств, но не от вас зависит допустить или не допустить *национальностей!*.. Несмотря на нелюбовь к ссылкам на самого себя, не нахожу лучшего аргумента, чем у Лепорелло в моем “Дон Жуане”:

Он говорил, что мавры и мориски
Народ полезный был и работающий,
Что их не следовало гнать, ни жечь,
Что никого не вгонишь в рай дубиной,
Что, коль они исправно платят подать,
То этого довольно королю!⁷

⁶ Опубликовано: Одесский вестник. 1869. № 60. 18 марта [9, т. 4, с. 273].

⁷ Еще одна ссылка на эти слова из драмы «Дон Жуан» содержится в письме Толстого к М.М. Стасюлевичу от 7 февраля 1869 г. [10, т. 5, с. 321].

Прежде всего удовольствуйтесь налогами, которые вам платят, а потом, пожалуйста, попробуйте целым рядом искусных мер русифицировать различные национальности в вашей империи, но главное, будьте искусны в достижении своих целей, а не будьте ни глупы, ни грубы...» (Б.М. Маркевичу от 26 апреля 1869 г. [10, т. 5, с. 334–335]). Стратегическая близость и тактическое расхождение обозначены и в другом письме тому же адресату – и другу, и оппоненту в этом вопросе: «Вы хотите единства России – я тоже. Вам было бы приятно, чтобы различные национальности, которых Вы отрицаете, но которые тем не менее существуют и образуют Российскую империю, слились с русской национальностью, – мне тоже. Но Вы хотите достичь этого принудительными средствами... – тут уж наши дороги разделяются и совершенно расходятся. <...> Словом, у нас одинаковый взгляд на конечные цели, но мы не согласны насчет средств. Ваш взгляд резюмируется так: навязать *всеми средствами* русскую национальность. Мой же взгляд таков: сделать так, чтобы ее хотели. <...> Мне кажется, что Ваша система – никуда не годная и не потому, что она безнравственная, а потому, что она действует в направлении, диаметрально противоположном цели» (Б.М. Маркевичу от 24 мая 1869 г. [10, т. 5, с. 356–357]).

В сатирически заостренной форме полемика Толстого с радикальными «русификаторами» выразилась «Песней о Каткове, о Черкасском, о Самарине, о Маркевиче и о арапах» (1869). В неприятии насильственного «уравнения», неестественность которого особенно комично показана на примере арапов, которым пришлось бы удлинять нос и тереть «мелом их черные зады» [10, т. 2, с. 69], чтобы достичь полного единообразия с остальными подданными империи, скорее всего, отразилось принципиальное для А.К. Толстого отрицание деспотизма, уничтожающего свободную индивидуальность как отдельного человека, так и целых народов. Не случайно упомянут «московский облик», т.е. славянофильское представление о «сильной руке», способной «собрать землю». Эта полемика затрагивает, в том числе, исторические представления Толстого, его ненависть к «московскому периоду» русской истории и к «татарскому хану» в облике Иоанна Грозного

Программная баллада «Поток-богатырь» (1871) свое сатирическое острие направила прежде всего на эмансипаторов-ниги-

листов и вызвала небывалый ажиотаж в «демократической» среде. Однако изображение нигилизма в балладе не ограничивается сатирой на «освобожденных женщин», которые «потрошат чье-то мертвое тело». В одном эпизоде неким «аптекарем, не то патриотом» формулируются основные постулаты нигилистического учения:

Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует Господь,
То Он только есть вид кислорода⁸,
Вся же суть в безначалье народа. [10, т. 1, с. 203]

Здесь в других выражениях представлено уже обозначенное в «Пантелее-целителе» (1866) «грязноватое учение» – отрицание духовности как таковой. Однако недоумение вызывает контекстуальная синонимичность «аптекаря» (явный аналог нигилиста – поклонника естественно-научного познания мира, да к тому же нередко медика по образованию) и «патриота» (патриотизм в прогрессистскую «концептосферу» не входил). И если первые три строчки публичной проповеди «учения» имеют прямое отношение к «аптекарю», то о «безначалье народа» говорит уже «патриот». В следующей строфе тема «народа» получает развитие – и именно «патриот» сурово обращается к Потоку, призывая уважать «мужика вообще».

Что же за «патриот» имеется в виду? Скорее всего, этот выпад направлен против так называемого «консервативного» направления народнического движения – против почвенников и славянофилов. То есть против последовательных оппонентов нигилистов! Почти в то же время Толстой пишет стихотворение (в тексте письма Стасюлевичу от 19 февраля 1869 г.), в котором весьма скептически отзываясь на известное тютчевское «Эти бедные селенья...» [10, т. 5, с. 325]. Может быть, это просто художническая реакция на ставшую слишком модной «народную тему», которую принялись эксплуатировать все кому не лень, при этом весьма умозрительно и отдаленно представляя себе, кто же это такой – русский народ?

⁸ Ср. со словами Ахиллы Десницына, героя романа Лескова «Соборяне»: «У них Бог, говорят, “кислород”...» [4, т. 4, с. 351].

Для Толстого неприемлемы нарочитое «выделение» из комплексного понятия «народ» определенного сословия и попытка выдать часть за целое, сословие – за народ⁹.

«Феодал! – закричал на него патриот. –
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?» [10, т. 1, с. 203]

Такое понимание единства личности и нации как гармонического целого не предполагает поглощения, обезличенности – и вряд ли совпадает с соборностью, как ее представляли славянофилы. Толстой и здесь стремится к согласию несогласимого (см. стихотворение «В совести искал я долго обвиненья...» 1858), показывая, что выбор между частным и общим, между индивидуальностью и народом – ложный выбор.

Обращает на себя внимание одна примечательная особенность в перечислении «прогрессивных» концептов, которые обрушиваются на Потока, не понимающего их значения. *«Почва, гуманность, коммуна, прогресс, заеден средою, общее дело, меньшая братья...»* В этом ряду слов-паролей, если присмотреться, обнаруживается одно «лишнее», во всяком случае «странное» в данной компании: перед вполне «нигилистическими» «гуманностью», «коммуной», «прогрессом», формулой «среда заела» (вспомним, какую бескомпромиссную борьбу с этой формулой, которая по сути означает отказ от нравственной ответственности личности за содеянное, вел Ф.М. Достоевский в своих романах и публицистике) вдруг оказывается «почва» – знаковое понятие для совсем другого «стана»: А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, братьев Достоевских (см. также исключенные строфы: [10, т. 1, с. 432]). Как ранее патриот и аптекарь неожиданно стали синонимами, обозначением одного и того же собирательного «передового» деятеля, так и

⁹ Интересное совпадение (а может, скрытая отсылка к наблюдению Гегеля?): «Предположение, согласно которому только народу присущи разум, понимание и знание того, что справедливо, оказывается опасным и неправильным, потому что всякая часть народа может объявить себя народом...» [1, т. 8, с. 41–42].

здесь общий поток «прогрессиистских» концептов объединяет ложных, кажущихся оппонентов.

Таким образом, баллада «Поток-богатырь» сатирически задевает не только нигилистов, но и их противников, точнее, обнаруживает «точки схождения» радикальных демократов с яркими консерваторами, нигилистов со славянофилами. Однако «сходятся» мнимые противники именно на «территории» нигилистов, как показывает А. Толстой, — и «аптекарь-патриот», восхваляющий мужика и отрицающий Бога, помогает обнаружить, что славянофилы объективно служат той идее, с которой теоретически пытаются бороться.

В письмах этого же периода (конец 1860-х — первая половина 1870-х) Толстой по отношению к славянофилам становится почти непримиримым. Кажется, первый и единственный раз он «торжественно» отрекается от написанного когда-то. «Хотя я враг всякой предвзятой мысли в искусстве, всякой *тенденции*, но мои убеждения высказались *невольно* в “Царе Борисе” и я *невольно* заявил мою антипатию к русопетам, становящимся спиною к Европе. <...> Мой добрый приятель и глубоко уважаемый друг, Аксаков, должно быть, не подозревает, что Русь, которую он хотел бы воскресить, не имеет ничего общего с настоящею Русью. Кучерская одежда, в которой щеголяли его брат, Константин Аксаков, и Хомяков, так же мало изображает настоящую русскую Русь, как и их допетровские теории; и Петр I, несмотря на его палку, был более *русский*, чем они, потому что он был ближе к дотатарскому периоду. Отрекаюсь торжественно от моей песни, которая в свое время имела большой успех:

Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?

Гнусная палка Петра Алексеевича был найдена не им. Он получил ее в наследство, но употреблял ее, чтобы вогнать Россию в ее *прежнюю, родную* колею» (М.М. Стасюлевичу от 12 ноября 1869 г. [10, т. 5, с. 379]).

Приведем еще несколько показательных цитат. «...Я не презираю славян, напротив, я сочувствую им, но лишь постольку,

поскольку они стремятся к свободе или независимости или поскольку они занимаются историческими исследованиями или выпускают археологические сборники. Но я становлюсь их отъявленным врагом, когда они воюют с европеизмом и свою проклятую общину противопоставляют принципу индивидуальности, единственному принципу, при котором может развиваться цивилизация вообще и искусство в частности. <...> Итак, я становлюсь врагом славянства, когда оно превращается в проводника социализма или равенства. Я западник с головы до пят, и подлинное славянство – тоже западное, а не восточное» (Б.М. Маркевичу от 28 декабря 1869 г. [10, т. 5, с. 393]).

«...Я не презираю славян, к несчастью, я не имею на то права, но считаю, что им многое смирение подошло бы больше, но не то смирение, которого мы имеем слишком много и которое состоит в том, чтобы сложить все десять пальцев на животе и вздохнуть, возводя глаза к небу: “Божья воля! Поделом нам, говнюкам, за грехи наши! Несть бато́гов, аще не от Бога!” и т.д., а иного смирения, полезного, которое заключается в признании своего несовершенства, чтобы избавиться от него. Это – противоположность тому самодовольству, которое говорит: “Я горжусь простором русской земли и широтою русской натуры, которая не может и не хочет ничем стесняться! Всякое ограничение противно русской природе (ограничение противно!), нам не нужно ни заборов, ни классов! Гуляй душа! Раззудись плечо! Не хочешь ли этого?” Славизм *Хомякова* вызывает у меня тошноту, когда он ставит нас выше Запада по причине нашего *Православия*» (Б.М. Маркевичу от 2 января 1870 г. [10, т. 5, с. 395–396]).

Наиболее резко это отмежевание от прежних друзей проявилось в «Церемониале погребения тела в Бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Козьмича П...», включенном в произведения Козьмы Пруtkова и не публиковавшемся при жизни А.К. Толстого.

28

Идут славянофилы и нигилисты,

У тех и у других ногти не чисты,

29

Ибо если они не сходятся в теории вероятности,

То сходятся в неопрятности.

30

И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее
Русского безбожия и православия.

31

На краю разверстой могилы
Имеют спорить нигилисты и славянофилы.

32

Первые утверждают, что кто умрет,
Тот весь обращается в кислород.

33

Вторые – что он входит в небесные угодия
И делается братчиком Кирилла-Мефодия. [10, т. 2, с. 143–144]

Никакого «двойного дна» (характерного для произведений Козьмы Прутков) в «Церемониале...» нет, все сказано предельно жестко и недвусмысленно. Почему «неопрятность» оказывается более важным признаком сходства, чем различия в «теории вероятности»? Может быть, такое отождествление связано с историко-софской концепцией писателя, и в его сознании «славянофилы и нигилисты» восходят к единому истоку – «татарскому (московскому)» периоду русской истории¹⁰, являются его «реинкарнацией»? На первый взгляд, это странно, так как российских нигилистов сложно заподозрить в симпатиях к «азиатской» составляющей русского мира, скорее, наоборот, по своим устремлениям и ориентирам они – логическое завершение «западнического» движения отечественной общественно-политической мысли. Однако Толстой, возможно, имеет в виду не теорию, а реальную практику ниги-

¹⁰ Любопытна в этом отношении полемика Толстого со своим приятелем Б. Маркевичем, который пишет ему 15 февраля 1869 г.: «...к московскому же периоду ни вы, ни я, ни К. (имеется в виду Катков. – А. Ф.) ... не питаем ни малейшей симпатии. Тем не менее, нельзя отрицать историю. <...> Разница между нами та, что вы, мой друг, гадливо от нее отворачиваетесь, мы же решаемся смотреть ей прямо в лицо и в ее варварских, если хотите, чертах, узнаем однако же грубую, но мощную (этого вы не можете отрицать) силу, создавшую 80-миллионное государство, опираясь на которое, джентльмен Александр I устоял против целой Европейской коалиции. <...> Благодаря этому Московскому периоду Европа могла быть освобождена от “Корсиканского чудовища”, а в более или менее близком будущем получают свободу несчастные христиане, которых европейская цивилизация до сих пор упорно держит под магометанским игом...» [6, с. 93].

листов, которые в борьбе за собственное понимание свободы нередко прибегали к прямому интеллектуальному насилию. Подавление личности во имя «общины», прославление деспотического «собираения» земли и чванливое отношение к Западу являются отличительными чертами славянофилов, с точки зрения А.К. Толстого. «Татарский деспотизм», по мнению писателя, является «местом встречи» социалистов и почвенников (ср.: «Свободных мыслей коноводы / Восточным деспотам сродни» – П.А. Вяземский). И «обожание мужика», к которому призывает Потока «аптекарь, не то патриот», вызвано тем же самым духом, что и «потребность лежать... на брюхе» перед «московским ханом». А tirания и рабство – пара взаимосвязанная.

Но не только «татарщина» объединила в сознании Толстого «русское безбожие и православие». Важен и «внешний вид» представителей разных «станов». Если нигилисты в принципе «звона не терпят гусярного, / Подавай им товара базарного» («Пантелей-Целитель» [10, т. 1, с. 159]), то славянофилы искусство воспринимают лишь как средство. Получается, и те и другие – утилитаристы по отношению к художеству как таковому, ведь оно, по мнению писателя, не может иметь никаких целей, вне себя лежащих, – даже таких высоких, как гражданские добродетели, национальная самобытность и нравственные уроки. Поэтому скорее всего, «неопрятность», в которой «сходятся» славянофилы и нигилисты в «Церемониале», связана с антиэстетической сущностью двух общественных движений. Так что более раннее стихотворение «И.С. Аксакову», несмотря на дружеский характер послания, содержит в себе «зерна» той серьезной полемики, которая в итоге разведет Толстого и его бывших приятелей по разные стороны «баррикад»¹¹.

Нередко бывает так, что явные противники по общественно-политическим вопросам в реальности вдруг оказываются союзниками, двигаясь к одному итогу, только с разных сторон – «справа» и «слева». Нигилизм как угроза Российской государственности, как отрицание ее корневых начал мог парадоксально смыкаться со

¹¹ В одном из писем К.К. Павловой Толстой признается: «Впрочем, Аксаков, которого всем сердцем люблю и уважаю, скорее с у р о в ы й г р а ж д а н и н, чем художник, и только с Вами, милостивая государыня, я могу погружаться в искусство по самые уши...» (от 25 октября 1861 г. [10, т. 5, с. 144]).

славянофильским отрицанием современной русской монархии¹² – правда, во имя других идеалов. Но какая разница – во имя чего, если разрушительный результат совпадает! Д.Н. Свербеев в 1864 г. замечает, что «доктрина славянофилов, без их ведома, изобрела порох для огнедышащих против России орудий другой доктрины Бакуниных, Огаревых, Герценов, Чернышевских и т.д., дала им в руки самые лучшие спички для их поджогов, приспособила самые прочные колеса для того паровоза, на котором Бакунин, Огарев и проч. желают мчать нас в пропасть...» [цит. по: 8, с. 198]. Фактически Толстой сражается не с двумя станами, находясь «между» ними, а с одним *противником в двух разных обличиях*.

Итак, отношение А.К. Толстого к славянофилам и их учению претерпело существенную эволюцию. Период единства был связан с его интересом как художника к народно-песенной стилистике и к идее славянского воссоединения. Однако постепенно в нем созревает стремление пояснить свою эстетическую позицию, которая расходится с представлениями славянофилов о смысле и цели искусства. Впоследствии этот диалог перерастает в полемику с более широким кругом вопросов – Толстой не принимает утилитарного отношения к литературе, отстаивает свое понимание народа, переосмысливает роль Петра Великого в русской истории, разоблачает тягостные последствия «московского» периода, клеймит «татарщину» как мечту о новом хане и апологию тирании и рабства, не желает признавать превосходства над западом в нравственно-религиозном отношении, наконец, парадоксально сближает нигилистов и славянофилов, показывая разрушительные последствия их идей. Конечно, в полемическом задоре Толстой нередко утрирует мнения своих оппонентов, упрощая и огрубляя их мысли. Что повлияло на такое изменение в отношении к бывшим друзьям? На этот вопрос вряд ли возможен точный ответ. Крымская война и ее итоги? Великие реформы, издержки которых Толстой видел очень ясно? Покушения на Царя-освободителя? В любом случае, внешняя, общественно-политическая

¹² «Недовольство современною русскою действительностью... было общим не только среди крайних и умеренных западников, но и среди славянофилов; при этом недовольстве... как у западников, так и у славянофилов, были уже наготове для будущего теоретически выработанные планы переустройства русской жизни...» [7, с. 182–183].

действительность давала художнику материал для тех умозаключений, к которым он постепенно пришел.

В этом, казалось бы, частном наблюдении кроется одна из возможных причин, по которым радикально-прогрессистское движение оказало такое колоссальное влияние на историко-культурный процесс второй половины XIX столетия. Это движение, при всех «расколах в стане нигилистов», было относительно единым – как в своих целях, так и в своих методах. А вот обширное и могучее по своим интеллектуальным возможностям, публицистическим и художественным талантам противоположное «крыло» не сумело нивелировать разрушительные последствия воздействия нигилистических доктрин на общественное сознание. Потому что подлинной общности, которая заставила бы забыть все мнимые расхождения, в этом «стане» так и не сложилось.

Объективно Алексей Константинович Толстой являлся союзником консервативно-почвеннического, славянофильского движения отечественной социально-философской мысли, стремясь освободить ее от крайностей, сближаясь в стратегии, но расходясь в тактике. Но в итоге личное, индивидуальное, обособленное оказалось сильнее «сотрудничества» на общей ниве, «соратничества» в общей борьбе. И борьба была проиграна – во всяком случае, на том отрезке нашего исторического бытия.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1929–1959. Т. 8: Философия истории. 1935. 468 с.
2. Ильин И.А. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. 347 с. Серия «История эстетики в памятниках и документах».
3. Курилов А.С. Когда и о чем звенели колокольчики? К вопросу о датировке стихотворений А.К. Толстого // Литературоведческий журнал. 2016. № 39. С. 114–142.
4. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Экран, 1993. Т. 4. 640 с.
5. [Мещерский В.П.] Две России // Гражданин. 1874. № 1. С. 5. Подпись: М.
6. Письма Б.М. Маркевича к графу А.К. Толстому, П.К. Щербальскому и др. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1888. 369 с.

7. Полевой П.Н. Век нынешний и век минувший. (Из очерков будущей истории литературы) // Исторический вестник. 1887. № 4. С. 169–186.
8. Симонова И.А. Федор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002. 365 с. Серия «Жизнь замечательных людей».
9. Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1964. 584 с.
10. Толстой А.К. Полное собрание сочинений и письма: в 5 т. М.: Классика. Т. 5. М., 2018. 752 с.

References

1. Gegel', G.V.F. *Sochinenia [Works]*: in 14 vols. Moscow; Leningrad, Sotsekghez Publ., 1929–1959. Vol. 8: Philosophy of History, 1935, 468 p. (In Russ.)
2. Il'in, I.A. *Odinokii khudozhnik: Stat'i, rechi, lektsii [The Lonely Artist]*. Moscow, Iskustvo Publ., 1993, 347 p. (In Russ.)
3. Kurilov, A.S. “Kogda i o chem zveneli kolokol'chiki? K voprosu o datirovke stikhotvorenii A.K. Tolstogo” [“When and About What the Bells Were Ringing? To the Question of Dating A.K. Tolstoi's Poems”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 39, 2016, pp. 114–142. (In Russ.)
4. Leskov, N.S. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*: in 6 vols. Moscow, Ekran Publ., 1993, vol. 4, 640 p. (In Russ.)
5. [Meshcherskii, V.P.] “Dve Rossii” [“Two Russias”]. *Grazhdanin*, no. 1, 1874. p. 5. Signed: M. (In Russ.)
6. *Pis'ma B.M. Markevicha k grafu A.K. Tolstomu, P.K. Shebal'skomu i gr. [V.M. Markevich's Letters to Count A.K. Tolstoi, P.K. Shebal'skii et al.]*. St Petersburg, Obshestvennaya pol'sa Publ., 1888, 369 p. (In Russ.)
7. Polevoi, P.N. “Vek nyneshnii i vek minuvshii (Iz ocherkov budushei istorii literatury)” [“Present Century and Past Century (From the Essays on Literary History of the Future)”]. *Istoricheskii Vestnik*, no. 4, 1887, p. 169–186. (In Russ.)
8. Simonova, I.A. *Fedor Chizhov [Fedor Chizhov]*. Moscow, Molodaya gvardia, 2002, 365 p. (In Russ.)
9. Tolstoi, A.K. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*: in 4 vols. Moscow, Khudozestvennaya literature Publ., 1964, Vol. 4, 584 p. (In Russ.)
10. Tolstoi, A.K. *Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma [Complete Works and Letters]*: in 5 vols. Moscow, 2018, Vol. 5, 752 p. (In Russ.)

Т.М. Миллионщикова

АНГЛИЙСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ СЛАВИСТИКА О СЛАВЯНОФИЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются славистические работы Англии и США, в которых исследуются философско-религиозные и историко-культурные аспекты славянофильства. Внимание сосредоточено также на идеях, связанных со славянофильским движением: «западничество», «почва», «русская идея», «деятельная любовь», «соборность». Цель статьи – показать, как славянофильство интерпретируется в другой национальной среде – в славистических исследованиях Англии и США и выявить типологические параллели между русскими идеями славянофильства / западничество и аналогичными историко-культурными концептами США: коммунитаризм – либерализм / либертианизм.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; Л.Н. Толстой; славянофильство; западничество; православие; католицизм; соборность; почвенничество; русская идея; деятельная любовь; всеединство; коммунитаризм; либерализм / либертианизм.

Получено: 10.08.2021

Принято к печати: 09.11.2021

Информация об авторе: *Миллионщикова* Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литературоведения, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Нахимовский проспект, 51/21, 117418, Москва, Россия.

E-mail: millionshchikova14@mail.ru

Для цитирования: *Миллионщикова Т.М.* Английская и американская славистика о славянофильстве // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 78–97. DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.04

Tatyana M. Millionshchikova

THE SLAVISTS OF GREAT BRITAIN AND USA ABOUT THE IDEAS OF SLAVOPHILISM

Abstract. The present paper concentrates on the American and English Slavic studies on the philosophical, religious and cultural Russian national aspects of the Slavophilism. The present paper also focuses on the ideas are connected with the Slavophilism's movement: Westernism, "soil science", "Russian messianic idea", "active love", all-unity. The aim of the paper is to show how the Slavophilism is interpreted in the alien cultural environment – in the Slavic researches of USA and. England and to draw the typological parallels between the Russian ideas of Slavophilism / Westernism and with the analogical historical and cultural concepts of the USA: Communitarianism – Liberalism / Libertarianism.

Keywords: F.M. Dostoevsky; L.N. Tolstoy; Slavophilism; Westernism; Orthodox, Catholicism; collegiality; soil science; Russian messianic idea; active love; all-unity; Communitarianism; Liberalism / Libertarianism.

Received: 10.08.2021

Accepted: 09.11.2021

Information about the author: *Tatyana M. Millionshchikova*, PhD in Philology, Senior Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovskii Prospekt, 51/21, 117418, Moscow, Russia.

E-mail: millionshchikova14@mail.ru

For citation: Millionshchikova, T.M. "The Slavists of Great Britain and USA About the Ideas of Slavophilism". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 78–97. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.04

Минуло почти 200 лет с того времени, когда в русском историко-культурном процессе XIX в. явственно обозначились искания писателей и мыслителей «самобытно-русских начал».

В XXI в. интерес литературоведов, философов, историков, писателей и общественных деятелей к идеям славянофильства не только не угас, но существенно усилился как в России, так и за рубежом.

Определяющую роль в изучении феномена славянофильства в современном литературоведении играет предпринятое в первые десятилетия XXI в. издание трудов основоположников этого направления. Впервые, изданные А.Н. Дмитриевым, Д.Л. Фёдоровым и А.Н. Николюкиным, собрания сочинений И.С. Аксакова [1],

И.В. Киреевского [6], Ю.Ф. Самарина [10] и С.П. Шевырёва [15] наиболее полно представляют художественное и научное наследие выдающихся деятелей русской религиозно-философской и филологической мысли славянофильской направленности.

В 1989 г. в США Роберт Бёрд (Robert Bird) и Борис Яким (Boris Jakim) издали антологию, впервые объединившую переведенные на английский язык работы основателей русской религиозной философии – А.С. Хомякова и И.В. Киреевского «Духовное единство».

В предисловии к ней профессор Университета Чикаго Р. Бёрд отмечает, что оба основателя славянофильского движения начали свою интеллектуальную карьеру в русском историко-культурном контексте 1820-х годов. До этого Хомяков был в течение многих лет известен русскому читателю как поэт пушкинской школы, а Киреевский – как литературный критик. Собранные в антологии тексты призваны познакомить западного читателя с идеями славянофильского движения первой половины XIX в. и определить личный вклад этих мыслителей, внесших в мировую религиозно-философскую мысль концепты «соборности» и «универсального знания», основанные на идее «сердечного» и «духовного» человеческого единства.

Составители антологии сочли необходимым включить в это собрание текстов и два «ответа» на славянофильские идеи Хомякова и Киреевского, высказанные выдающимися русскими религиозными философами XX в. – Н.А. Бердяевым (1874–1948) и П.А. Флоренским (1882–1937).

На Западе, прежде всего в Англии и США, внимание славистов акцентировано на истоках и национальной специфике славянофильской идеологии в концептах «свой» – «чужой» и на воплощении ее в произведениях русских писателей XIX столетия. В качестве объекта научного анализа славянофильство в трудах английских и американских литературоведов и философов изучается вместе с идеями – «почвенничество», «деятельная любовь», «соборность», «русская идея», «всеединство».

По наблюдению академика РАН Ю.С. Степанова, «мы часто не отдаем себе отчета в том, до какой степени оппозиция “славянофилы – западники”, если не в прямой, то в редуцированной форме, пронизывает всю нашу жизнь. В конечном счете это про-

типовопоставление можно расценивать и как различие “двух языков” в одной культуре, но каждый язык имеет свою семантику, и, в данном случае, речь идет далеко не только о различии “стилей” как “форм”» [12, с. 186].

Однако именно идеи славянофилов в настоящее время продолжают оказывать огромное влияние на постсоветскую Россию, в то время как западничество во многом утратило свои позиции. Профессор Батского университета в Великобритании Розалинд Марш (Rosalind Marsh) объясняет это тем, что именно западническая идеология существенным образом повлияла на мировоззренческие позиции Ленина и установление тоталитарного режима в СССР [7, с. 11].

Обособление двух культур – «восточной» (православной) и «западной» (католической), выросших из единого корня, произошло в XI столетии. В результате этого «великого раскола» 1054 г. Россия стала подразумевать под «Западом» всю Западную Европу, а затем и США [там же]. К XI в. восходит и глубокое убеждение в уникальности России, воплощенное в сочинении Илариона Киевского «Слово о законе и благодати» (не ранее 1037 г.), уточняет профессор философии Университета Центральной Флориды (США) Джон Райзер (John Riser) [9, с. 43].

Предмет ожесточенных дискуссий между западниками и славянофилами, с точки зрения Р. Марш, составили «цена и последствия петровских преобразований», расколовших «российское общество и народное сознание на элиту, образованную волей Петра I по западному образцу, и остальных людей», которых реформы затронули в незначительной мере [7, с. 12]. В России разделение на две оппозиционные культурные традиции, по ее мнению, проходило «мучительнее и сложнее», чем на Западе. Так, например, «когда русские говорят о своем врожденном отличии от Запада, они тем самым признают ту значительную роль, которую играл и играет Запад в их жизни» [7, с. 11].

Исследовательница подчеркивает, что славянофилы, хотя и не отрицали значимость для России Запада, но относились к нему с определенными опасениями. В качестве примера Р. Марш приводит высказывание из статьи «О характере просвещения Европы и о его отношении к православию в России» И.В. Киреевского, утверждавшего в 1852 г.: «Конечно, мало вопросов, которые в на-

стоящее время были бы важнее этого вопроса – об отношении русского просвещения к западному. От того, как он разрешается в умах наших, зависит не только господствующее направление нашей литературы, но, может быть, и направление всей нашей умственной деятельности, и смысл нашей частной жизни, и характер общежительных отношений» [6, т. 3, с. 3].

Бурная полемика в разных аспектах – историко-культурном, философском, литературоведческом, возникшая в российском обществе в 1820–1840-е годы, связана прежде всего с оппозициями «заимствованное» – «собственное», «иностранный» – «отечественный».

Профессор Отделения славянских литератур Университета Южная Калифорния Сара Пратт (Sarah Pratt) подчеркивает, что для писателей, творивших в России в конце XVIII – начале XIX в., это было очень трудное время, когда существовали многочисленные течения, группировки и объединения, «сплетенные в один не распутываемый клубок» [25, р. 22].

Дискуссию между обществом «Беседа любителей русского слова» (1811–1816) и кружком «Арзамас» (1815–1818) освещает профессор Уильям Браун (William Brown). Вслед за Ю.Н. Тыняновым [14] он усматривает сущность этой полемики в противостоянии «русского начала» – «иностранный». Преклонение «старых архаистов» – Г.Р. Державина и И.А. Крылова – перед образом жизни и «неиспорченным языком» русского крестьянина и привело, по его мнению, к возникновению славянофильского движения. В эти литературные петербургские объединения входили как поэты «с активной гражданской позицией», многие из которых примкнули к декабристскому движению, так и «метафизические поэты», более склонные к уединенному, созерцательному существованию [17, с. 121].

У. Браун освещает историю тайного кружка «Общества любителей», организованного в конце 1823 г. в Москве. «Любомудры» – В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, В.П. Титов, С.П. Шевырëв, Н.А. Мельгунов, М.П. Погодин и Н.М. Рожалин – пытались перевести на русскую почву философско-эстетическое учение Шеллинга, ставившее в центр философии *процесс* познания. Однако вскоре любомудры стали

отказываться от идей немецкой философии, противопоставляя им «самобытно русские» концепции религиозного мышления.

По убеждению У. Брауна, русская литература на фоне общеевропейского историко-культурного контекста конца XVIII – начала XIX в. развивалась на глубоко национальной почве, творчески осваивая художественный опыт других европейских литератур, и потому утверждения о «подражательном характере» русской литературы неправомерны [17, с. 187].

Сходную точку зрения высказывает профессор Мичиганского университета Джон Мерсеро-мл. (John Mercereau Jr.). При этом он еще более категоричен в оценке самобытности русской литературы периода романтизма. С его точки зрения, хотя русская поэзия многое заимствовала у западных романтиков, ее необходимо рассматривать в качестве самостоятельного художественного явления [23, р. 511]. Профессор Иллинойского университета Лорен Лейтон (Lauren Leighton) акцентирует внимание на том, что при существенном отставании от Англии и Германии, русская литература периода романтизма в своих художественных достижениях значительно опережала Францию и США [23, р. 142]. Противоположную точку зрения высказывает Сара Пратт, по мнению которой произведения русской литературы рубежа веков были отмечены «нестираемой печатью: “импортная продукция”», вопреки стремлениям их авторов выражать исконно русское национальное начало [25, р. 35].

Утверждение о том, что в России отсутствует «самобытная национальная литература», по мнению профессора университета Южной Калифорния Маркуса Левитта (Marcus Levitt), резко акцентировалось к 1820-м годам. Освещая полемику, возникшую в российской культурной среде того времени, он рассматривает ее в виде оппозиций: «заимствованное / собственное», «иностранное / отечественное» [22, р. 221].

Американский славист приводит фрагменты работ В.К. Кюхельбекера, Д.В. Веневитинова и П.Я. Чаадаева, выразивших недовольство состоянием дел в современной им русской культуре и литературе. В идейных ссорах, обострившихся после этих публикаций, в особенности философического письма Чаадаева, в основном и сложились взгляды славянофилов.

В качестве представителя одного из основных интеллектуальных направлений в России второй половины XIX в. – «религиозного консерватизма с отчетливо выраженной славянофильской окраской» – американский философ-славист Джеймс Сканлан (James Scanlan) рассматривает Достоевского.

Анализируя художественную прозу, публицистику и эпистолярное наследие Достоевского, исследователь прослеживает эволюцию общественно-политических пристрастий русского писателя. Дж. Сканлан подчеркивает, что в период, предшествовавший сибирской каторге, писатель был одним из самых влиятельных представителей славянофильского движения конца XIX в. [11, с. 272]. В 40-е годы, выступая как типичный «западник», Достоевский высмеивал национальный шовинизм, свойственный «московским славянофилам», но к 1861 г. превратился в представителя русского консервативного движения, получившего название *почвенничество*. Позднее, в 1877 г., в «Дневнике писателя» он признавался, что он «во многом убеждений чисто славянофильских».

Восемь лет каторги и ссылки в Сибири, проведенные по большей части среди простого народа, заставили Достоевского остро почувствовать огромный разрыв между «малочисленной прозападной элитой» и «неграмотными народными массами», сохранившими традиции русской православной культуры, подчеркивает профессор Гарвардского университета Уильям Миллс Тодд III (William Mills Todd III) [13, с. 195].

Достоевский глубоко сожалел об этом разрыве, так как в народной жизни ему виделись несокрушимые ценности. Он пытался примирить две группы русских интеллектуалов: тех, кто ориентировался на современный им Запад (западников), и тех, кто оглядывался на прошлое России (славянофилов). Идея слияния «просвещенного общества» с «национальной почвой» на основе традиционализма и православия в конечном счете должна была обеспечить духовное и социальное развитие России.

Принципы и идеи почвенничества в своем недолго существовавшем журнале «Время» Достоевский высказывал не как «любитель-памфлетист из дворян или салонный болтун», а в качестве «профессионального литератора» [13, с. 195–196], подчеркивает У. Тодд III.

С точки зрения Дж. Сканлана, мировоззренческие позиции Достоевского в значительной мере отражают те изменения, которые претерпело славянофильское движение на всем протяжении своего существования. К исторически значимым событиям, происходившим в России начиная с 60-х годов XIX в. и повлиявшим на мировоззренческие позиции Достоевского, американский славист относит реформы 1860-х годов, Франко-прусскую войну 1870–1871 гг., взрыв русского патриотизма во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., нарастающее радикальное движение западничества [11, с. 123].

Американский философ, профессор Бойс Гибсон (Bojce Gibson), преподававший в университетах США и Австралии, рассматривает идею «соборности», входящую в комплекс славянофильской проблематики Достоевского. Он утверждает, что концепция «соборности» истолкована русским писателем не только как утопическая мечта о «соединении в Церкви», но и как новая «идеальная форма» общественных отношений, основанных на религиозно-нравственном альтруизме. Достоевский выдвинул идею «братской соборности» – «самопожертвования себя в пользу всех», выразителем которой суждено стать русскому народу. Именно Достоевский обосновал восходящее к славянофилам понятие «почвенничества», утверждающее идеи о необходимости соединения с народом на основе православия и о совершенно особом, самобытном, пути развития России [19, р. 32].

Литературно-критическое и философско-эстетическое направление «почвенничество», сложившееся в атмосфере острых идеологических конфликтов 1860-х годов, специфически модифицировало отдельные постулаты славянофильского учения.

Главным историческим фактом в представлении Достоевского, отстаивавшего специфические особенности «русской почвы», по мнению Дж. Сканлана, было сохранение Россией «истинного христианства» на основе идеи русского православия. Писатель, полностью разделявший точку зрения славянофилов, полагал, что в расколе христианского мира на «западный» и «восточный» повинен Рим, самовольно отошедший от «вселенского единения», и что у русских сохранилась и укрепилась суть христианства в значительно большей степени, чем у других народов [11, с. 188].

Фактически Достоевский утверждал, что русские понимают потребности каждого народа лучше, чем сами эти народы, – позиция, схожая по иронии судьбы с точкой зрения Великого инквизитора, чью гордыню писатель разоблачал в «Братьях Карамазовых». Подобно Великому инквизитору, Достоевский считал власть просвещенной и великодушной России над другими народами наивысшим выражением любви и братства: она берет на себя бремя их защиты и воспитания. Он приписывает России привилегированное интеллектуальное, политическое положение, а также нравственное превосходство. Достоевским «был забыт принцип почвенничества о недопустимости принуждения других народов к принятию ценностей и институтов чуждой «почвы» [11, с. 193].

Петербуржец, Достоевский был враждебно настроен к «московскому» славянофильству в свой «радикальный», «досибирский», период. Сохранив такое отношение в первые годы после возвращения из ссылки, Достоевский, наряду со своим высокопоставленным другом К. Победоносцевым, был одним из наиболее ярких и влиятельных представителей неославянофильства конца XIX в. [11, с. 198].

В последний период своей жизни Достоевский развивал всеобъемлющую философию истории, венчающуюся представлением о мессианской роли России как единственно «богоносной» нации. Здесь он, по мнению американского философа, отошел от гуманистического универсализма своей христианской морали и социальной философии в сторону «узкого национализма и этнического шовинизма», хотя сам писатель не соглашался с такой трактовкой своих убеждений.

Дж. Сканлан отмечает, что Достоевский называл свою «националистическую концепцию» «русской идеей», и подчеркивает, что этому словосочетанию суждено было играть роковую роль в русской общественно-политической и интеллектуальной жизни вплоть до настоящего времени [11, с. 201].

Дж. Сканлан подверг резкой критике «православный мессианизм» Достоевского. «Национализм», как он утверждает, свойственный русскому писателю, позволяет рассматривать его в качестве представителя одного из основных интеллектуальных направлений в России второй половины XIX в. – религиозного консерватизма с отчетливо славянофильской окраской. Славянофилы, издавна оза-

боченные проблемой самобытности, всецело отрицали существование сколько-нибудь законных оснований для сугубо личностной автономии [11, с. 195].

Самой неприемлемой для Достоевского была теория Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева и других русских позитивистов того времени, утверждавших, что все действия человека должны быть направлены на максимальное удовлетворение его личных интересов. Прямая или скрытая критика этой теории, названной впоследствии «разумным эгоизмом», содержится во всех сочинениях Достоевского, но наиболее последовательно она выражена в «Записках из подполья».

Одним из аспектов полемики между западниками и славянофилами, в которую оказались вовлечены Самарин, Хомяков, Герцен, Шевырѐв и другие русские мыслители, было отношение к понятию личности, выработанному Западом, отмечает профессор Университета Брауна (США) Владимир Гольштейн (Vladimir Golstein). Он приводит высказывание К.Д. Кавелина из работы «Взгляд на юридический быт древней России» (1847) о том, что «необходимым условием всякого духовного развития народа» является осознание личностью своего «безусловного достоинства» [4, с. 111]. Нападками на «обособление», «разъединение», «неспособность к братству», «своеволие» и прочие черты, связанные с понятием индивидуализма, изобилуют произведения Достоевского [4, с. 117].

Аналогии и различия славянофильства и западничества в России, с одной стороны, и коммунитаризма (Communitarianism) и либерализма / либертианизма (Liberalism / Libertarianism) в США – с другой, рассматривает Джон Райзер.

Коммунитарии (Communitarians) – приверженцы коммунитаризма – направления, зародившегося в 1980-е годы в США и составившего оппозицию американскому течению либерализма. Коммунитаризм в современной общественной жизни США и других англоязычных странах Запада выступает за возвращение к общественному укладу жизни с учетом требований естественной модернизации. Его идеология представляет собой систему философских, экономических, политических взглядов и нравственно-эстетических установок, выражающих мировоззрение среднего класса американцев [8, с. 190].

Одно из основных положений коммунитаризма заключается в идее «общности», восходящей к традициям «гражданского общества» первопроходцев США – пуритан, селившихся общинами. В качестве своих ценностных ориентаций они избрали такие основополагающие явления общественной жизни, как «семья», «добро-соседство», «религия», «раса», «этнос» и «пол». Многие поколения американцев рождены и воспитаны в «питательной среде» именно таких образований [8, с. 190].

Чувство общности и взаимосвязанности, уважение к традициям, здоровый консерватизм, любовь к «малой родине» – вот те ценности, которые отстаивают коммунитарии в спорах с либералами, упрекая последних в недооценке и даже игнорировании общины как обязательной и органичной системы, обеспечивающей жизнедеятельность каждого индивида [8, с. 193].

По мысли Дж. Райзера, в интерпретации славянофилами человеческой индивидуальности она составляет не сущность личности, а скорее служит источником ее саморазрушения: «Подлинная личность – это неделимая целостность внутренних способностей индивида: умственных, нравственных и эстетических» [8, с. 190]. Именно это положение славянофильской доктрины предвосхитило концепцию личности, которую отстаивают современные коммунитарии. Вместе с тем, с точки зрения американского философа, необходимо указать на определенное сходство концепции «братства» в ее толковании коммунитариями и славянофилами [там же].

Если русские «западники» выглядят более радикально настроенными в сравнении с современными либералами, то славянофилы более консервативны и религиозны в сравнении с нынешними коммунитариями. Критика современными коммунитариями США либералов за их терпимость в отношении современного распада традиционных ценностей весьма напоминает славянофильскую критику «обусловленной западным влиянием модернизации», приведшей общество к нравственному и культурному вырождению. «Не слышим ли мы здесь явные отголоски мировоззренческих положений Ф. Достоевского?» [8, с. 192], – задается вопросом Дж. Райзер.

«Инакомыслие» западников подкреплялось их усиленной ориентацией на независимость личности, примером чему, по мне-

нию Дж. Райзера, служит негативное отношение Белинского к «консервативному романтическому историзму» и «культу традиции» – при одновременном провозглашении установки на освобождение личности как «эмансипацию разума» [8, с. 192]. В качестве подтверждения этой мысли американский философ приводит образ героя романа Кормака Маккарти (Cormac McCarthy) «Кони, кони» / *All the pretty Horses* (1992), человека культурного, духовного и биологического «порубежья», пытающегося обрести идентичность на границе двух миров – США (по месту рождения) и Мексики (куда он сбегает от власти родных) [8, с. 195].

Пolemические высказывания Достоевского в адрес западноевропейского католицизма и института папства приводит Уильям Брумфилд (William Brumfield), профессор компаративистики Принстонского университета.

«Антикатолицизм» формирует одну из старейших традиций русской полемической мысли, обретая обновленное значение в славянофильском споре XIX в., однако специфическая интерпретация Достоевским этой полемики и ее важность в рамках его творчества, по мнению У. Брумфелда, не могут быть объяснены исключительно в терминах славянофильской оппозиции этим институтам, определяя католицизм как «силу ада». В произведениях позднего периода – романах и публицистике – он упоминает о католицизме «безбожной Европы», имея в виду прежде всего «развратные книжонки» маркиза де Сада и порочных аббатов, ожидающих момента, чтобы «броситься в революцию» [18, p. 237].

Соединение непристойностей развратных священнослужителей Римско-католической церкви с социализмом и революцией резко контрастирует с духовными принципами православных священнослужителей, задуманных Достоевским в образах Тихона (неосуществленный роман «Житие великого грешника») и Зосимы («Братья Карамазовы»). Резко негативно охарактеризовав институт папства, Достоевский пришел к выводу о необходимости обращения к идеям русского духовенства, проповедующего «братство» [18, p. 39].

Ричард Густафсон (Richard Gustafson), профессор Принстонского университета (США), рассматривает концепт «всеединства» в романах «Братья Карамазовы» и «Война и мир». Американский славист отмечает, что мысль о «людской общей целостности» Дос-

товский проповедует устами старца Зосимы: человек, действующий как «единица», отъединенный «от целого», может найти спасение только в подвиге «исполненного любви братского общения». По мысли старца, «уединение» произошло от «искажения» образа Божия и правды Его в католической традиции Запада, представленной в «Братьях Карамазовых» образом Великого инквизитора [20, р. 453].

Искания трех братьев из романа Достоевского, обретающих спасение в спонтанном акте любви к другому, сходно с богословским пониманием «идеи спасения» в эпопее Толстого [20, р. 454]. «Деятельная любовь», «как Божья любовь в нас», о которой говорит в своих «Поучениях» Зосима, по мнению Р. Густафсона, всецело согласуется с толстовским учением о «спасительной любви». Отлученный от Церкви и, метафорически, от монастыря Зосимы, проповедующего в своих «Поучениях» идею «дейательной любви» в качестве спасительного акта, Толстой продолжает свою жизнь в мире старца Достоевского [там же].

Прослеживая религиозно-философские взгляды Достоевского в целом и в частности выраженные в образе и «поучениях» старца Зосимы, Дмитрий Григорьев (Dimitriy Grigoriev) – протоиерей, почетный настоятель Свято-Никольского кафедрального собора Православной церкви в Америке, заслуженный профессор университета Джорджтаун – доказывает, что истоки их, так же как и корни славянофильства, восходят к древней православной традиции.

Религиозно-философские взгляды Достоевского и его отношение к традиционному православию часто вызывают противоречивые суждения. Их амплитуда весьма велика: Достоевского считали и великим «христианским писателем», и «розовым» христианином, и «фантастическим вольнодумцем». Многие исследователи творчества писателя, как русские, так и иностранные, высказывали подобные мысли и искали корни его религиозных взглядов и в западном гуманизме, и в протестантизме, и в русском сектантстве [5, с. 152].

Не происходят ли такие высказывания из-за недостаточного внимания к истокам религиозно-философских взглядов Достоевского, которые, по мнению Д. Григорьева, лежат в древнерусской православной традиции, в церковно-идеологических диспутах Московской Руси, связанных, в свою очередь, с идеологическими

процессами в Византии и еще более древними, проходившими в эпоху христологических споров?

Духовное наследие преподобного Нила Сорского отразилось на религиозно-философских взглядах Достоевского, особенно в романе «Братья Карамазовы» в образе и поучениях старца Зосимы. Работая над образом старца, Достоевский не придумал ничего совершенно нового, до того не существовавшего. Образ этот воплощался писателем в то время, когда в России оживились созерцательное монашество, старчество и начали ставиться вопросы о христианской жизни и «личном пути» человека [5, с. 163].

Зосима чужд обычной строгости и суровости монаха-подвижника, его поучения состоят не в развитии отвлеченных, книжных идей, а в пробуждении подлинного религиозного опыта и свободного религиозно-созерцательного размышления. Корни «Поучений» старца, по мнению американского теолога, следует искать в учении исихастов, зародившемся на Крите в XIV в. и распространившемся в греческом и южнославянском мире благодаря деятельности преподобного Нила Сорского (1433–1508). Учение исихастов об универсализме христианства и Вселенской церкви противостояло зарождавшемуся византийскому гуманизму – эллинизму.

Исихазм оказал значительное влияние на концепции славянофилов. Темы духовной жизни и молитвы, опыта непосредственного общения с Богом (созерцание Фаворского света) и углубления понятия Богочеловечества стали главными темами произведений Достоевского.

Английский славист, профессор общественной и политической теории Исая Берлин (Isaiah Berlin) (Оксфорд) в работе «Ёж и Лис: Очерк о взглядах Толстого на историю» исходит из убеждения, что на русского писателя оказывали влияние его современники славянофилы, «романтики и консерваторы»; с некоторыми из них – особенно с М.П. Погодиным и Ю.Ф. Самариным – Толстой был близок. В середине 1860-х годов, работая над «Войной и миром», писатель разделял их враждебность метафизическому позитивизму Огюста Конта и его последователей и более материалистическим воззрениям Чернышевского и Писарева, доктринам Бокля, Милля и Герберта Спенсера. Именно славянофилы, особенно Тютчев, поэзией которого Толстой глубоко восхищался, сумели

развенчать в его глазах исторические теории, бравшие пример с естествознания. Кроме того, славянофилам, как романтическим поклонникам Средневековья, удалось укрепить врожденные «антиинтеллектуализм» и «антилиберализм» Толстого [2, с. 113].

Хотя и славянофилы, и Толстой боролись против общего врага, их воззрения резко различались и даже контрастировали, отмечает И. Берлин. Учение славянофилов имеет свои корни в германском идеализме, в частности в утверждении Шеллинга, что истинное знание добывается посредством не ума, а самоотожествления с центральным принципом вселенной – «душой миропорядка». Некоторые славянофилы видели в этом наитие свыше, родственное откровениям православной веры, мистическим традициям Русской православной церкви, завещая свои взгляды русским поэтам-символистам. Толстой находился «на другом полюсе»: он исходил из убеждения, что знание можно добыть «лишь посредством прилежного эмпирического наблюдения», хотя и такое знание будет несовершенным [2, с. 114].

Славянофилы, преклоняясь перед историческим методом, рассматривали его в качестве единственного способа раскрыть истинную природу, которая проявлялась «лишь по мере неощутимого ее развития во времени, – как отдельных учреждений, так и фундаментальных наук» [2, с. 115]. «Это было Толстому по вкусу, – отмечает И. Берлин, – а вот положительное славянофильское учение оказалось ему нелюбопытно: Толстой отрицал непроницаемые тайны, отрицал туманы давности, отрицал всякую попытку изъясняться тарабарщиной: страницы “Войны и мира”, ядовито повествующие о масонах, весьма характерны – и эти взгляды Толстой сохранил на всю жизнь» [там же].

В очерке «Толстой и Просвещение» [3] И. Берлин подчеркивает, что писатель не принадлежал ни к одному из идейных течений, разделявших русское общественное мнение в годы его юности: он не был ни западником; не был и славянофилом, верящим в народную, православную монархию. Подобно радикалам-западникам, Толстой осуждал политический произвол и экономический гнет, порождающие общественное неравенство, однако все прочие «западнические» доктрины он отвергал. Писатель «глядел на либералов и социалистов с презрением, а на тогдашние «правые» партии – с неподдельной ненавистью» [3, с. 392–393], уютнее

чувствуя себя среди славянофилов, не расторгших связей с землей, крестьянством и исконно русским образом жизни. Вместе с тем славянофилам была глубоко присуща «вера в Православную Церковь, в историческую избранность русского народа, в непогрешимость истории и в великое мистическое целое: слитые воедино Церковь и общество, состоящее из православных людей – ушедших, ныне здравствующих и еще не родившихся на земле. Ум Толстого противился таким воззрениям, а душа тянулась им навстречу изо всех сил» [3, с. 395].

Толстой всецело разделял славянофильское недоверие ко всем научным и теоретическим обобщениям как таковым – оно и стало связующей нитью, сделавшей отношения писателя с московскими славянофилами приятельскими. Но разум Толстого-мыслителя оставался глубоко родственным философам XVIII в., видевших «в патриархальном Государстве Российском и Православной Церкви любезных славянофилам, организованное и лицемерное общество заговорщиков» [там же], заключает английский славист.

Дж. Райзер уверен, что «верным выражением русской национальной идентичности и поисковой сферой ее самоопределения» [9, с. 50] останется русская философия («в широком смысле слова: и литература, и искусство»): «Россия издавна известна как страна поэтов и мыслителей, и именно ее философия призвана упрочить и приумножить эту традицию в новом XXI столетии» [там же].

Список литературы

1. Аксаков И.С. Славянский вопрос / Издание подготовлено: А.Н. Дмитриев и Д.Л. Фёдоров; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2015. Кн. 1–2.
2. Берлин И. Ёж и Лис: Очерк о взглядах Толстого на историю // Берлин И. Русские мыслители / пер. с англ. С. Александровского, В. Глушкова. М.: Энциклопедия – ру, 2017. С. 65–155.
3. Берлин И. Толстой и просвещение // Берлин И. Русские мыслители / пер. с англ. С. Александровского, В. Глушкова. М.: Энциклопедия – ру, 2017. С. 390–424.
4. Гольштейн В. Достоевский и индивидуализм: Pro et contra // Достоевский и мировая культура / гл. ред. К.А. Степанян. Альманах № 12. М.: Раритет – Классика плюс, 1999. С. 109–119.

5. *Григорьев Д.* Преподобный Амвросий и старец Зосима у Достоевского (У истоков религиозно-философских взглядов писателя). Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. Юбилейный сборник. СПб.: Наука, 2001. С. 151–164.
6. *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч.: в 3 т. / сост., вступит. статья А.Н. Николоюкина; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. СПб.: Росток, 2018.
7. *Марш Р.* Россия и Запад в исторической перспективе // Россия и Запад в начале нового тысячелетия / отв. ред. и пер. с англ.: А. Большакова. М.: Наука, 2007. С. 11–40.
8. *Райзер Дж.* Западники и славянофилы в России, либералы и коммунитарии в Америке // Россия и Запад в начале нового тысячелетия / отв. ред. и пер. с англ.: А. Большакова. М.: Наука, 2007. С. 190–209.
9. *Райзер Дж.* Русская философия и русская идентичность // Россия и Запад в начале нового тысячелетия / отв. ред. и пер. с англ.: А. Большакова. М.: Наука, 2007. С. 40–52.
10. *Самарин Ю.Ф.* Собр. соч.: в 5 т. / под общ. ред. сост. А.Н. Николоюкина; подг. текста М.А. Бирюковой и И.В. Логвиновой. Комментар. А.Н. Николоюкина и А.П. Дмитриева; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. СПб.: Росток, 2019.
11. *Сканлан Дж.* Достоевский как мыслитель / пер. с англ. Л. Васильева и Н. Киреевой. СПб.: Академический проект, 2006. 256 с. (Современная западная русистика, т. 57).
12. *Степанов Ю.С.* «Свои» или «чужие»? Славянофилы и западники в создании концепта цивилизации // Россия и Запад в начале нового тысячелетия / отв. ред. и пер. с англ.: А. Большакова. М.: Наука, 2007. С. 179–188.
13. *Todd У.М.* Социология литературы. СПб.: БиблиоРоссика, 2020. 352 с.
14. *Тынянов Ю.Н.* Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. 598 с.
15. *Шевырёв С.П.* Полн. собр. литературно-критических трудов: в 7 т. / под общ. ред. сост. А.Н. Николоюкина. Вступ. ст. А.М. Ранчина. Подг. текста М.А. Бирюковой и И.В. Логвиновой. Комментар. А.Н. Николоюкина, Н.В. Цветковой; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. СПб.: Росток, 2019.
16. *Brown W.E.* A History of Russian Literature of the Romantic Period – Ann Arbor (Mich.): Ardis. 1986. Vol. 1–4. 1600 p.
17. *Brumfield W.C.* Theresé-philosophe and Dostoevski's Grand Sinner // Comparative literature. Univ. of Oregon, 1980. Vol. 3. No. 53. P. 238–252.
18. *Gibson B.* The Religion of Dostoevsky. Philad.: Westminster press, 1973. 224 p.
19. *Gustafson R.F.* Leo Tolstoy: Resident and Stranger: A study in fiction and theology. Princeton, N.J., 1986. 504 p.

20. Leighton L.G. Romanticism // Handbook of Russian literature. Ed. V. Terras. New Haven, 1985. 372 p.
21. Levitt M. The Visual Dominant in Eighteenth-century Russia. Boston: Northern univ. press. 2011. 362 p.
22. Mercereau J.Jr. Commentary // The Ardis Antology of Russian Romanticism. Ed. Ch. Rydel. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1984. 536 p.
23. On spiritual unity: A Slavophile Reader by Aleksey Khomiakov and Ivan Kireevsky. Ed. by B. Jakim and R. Bird. Chicago: Chicago univ. press, 1998. 352 p.
24. Pratt S. Russian Metaphysical Romanticism: The Poetry of Tiutchev and Boratynskii. Stanford, CA: Stanford univ. press, 1984. 253 p.

References

1. Aksakov, I.S. “Slavyanskii Vopros” [“The Slavic Problem”]: in 2 vols. Ed. by B.F. Egorov. St Petersburg, Rostok Publ., 2015. (In Russ.)
2. Berlin, I. “Yozh i Lis: Ocherk o vzglyadakh Tolstogo na istoriyu” [“The Hedgehog and the Fox: An Essay on the Tolstoy’s Views on History”]. Berlin, I. *Russkie mysliteli* [Russian Thinkers]. Transl. by S. Aleksandrovskii, V. Glushkov. Moscow, Entsiklopediya – ru. Publ., 2017, pp. 65–155. (In Russ.)
3. Berlin, I. “Tolstoi i prosveshchenie” [“Tolstoy and Enlightenment”]. Berlin, I. *Russkie mysliteli* [Russian Thinkers]. Transl. by S. Aleksandrovskii, V. Glushkov. Moscow, Entsiklopediya – ru. Publ., 2017, pp. 390–424. (In Russ.)
4. Gol'shtein, V. “Dostoevskii i individualizm: Pro et contra” [“Dostoevsky and Individualism: Pro et contra”]. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and the World Culture]. Issue 12. Ed. by K.A. Stepanyan. Moscow, Raritet – Klassika plus. Publ., 1999, pp. 109–119. (In Russ.)
5. Grigor'ev, D. “Prepodobnyi Amvrosii i starets Zosima u Dostoevskogo (U istokov religiozno-filosofskikh vzglyadov pisatelya)” [“The Reverend Ambrose and the Monk Zosima in Dostoevsky (At the Heart of Religios and Philosopical Views of the Writer)”]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and research]. Vol. 16. St Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 151–164. (In Russ.)
6. Kireevskii, I.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works]: in 3 vols. Ed. and preface by A.N. Nikolyukin. St Petersburg, Rostok Publ., 2018. (In Russ.)
7. Marsh, R. “Rossiya i Zapad v istoricheskoi perspektive” [“Russia and the West in the Historical Perspective”]. *Rossiya i Zapad v nachale novogo tysyacheletiya* [Russia and the West in the Beginning of the New Millenium]. Ed. and transl. by A. Bol'shakova. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 11–40. (In Russ.)

8. Raizer, Dzh. "Zapadniki i slavyanofily v Rossii, liberaly i kommunitarii v Amerike" ["Westernisers and Slavophiles in Russia, Liberals and Communitarians in America"]. *Rossiya i Zapad v nachale novogo tysyacheletiya* [*Russia and the West in the Beginning of the New Millenium*]. Ed. and transl. by A. Bol'shakova. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 190–209. (In Russ.)
9. Raizer, Dzh. "Russkaya filosofiya i russkaya identichnost'" ["Russian Philosophy and Russian Identity"]. *Rossiya i Zapad v nachale novogo tysyacheletiya* [*Russia and the West in the Beginning of the New Millenium*]. Ed. and transl. by A. Bol'shakova. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 40–52. (In Russ.)
10. Samarin, Yu.F. *Sobranie sochinenii* [*The Collected Works*]: in 5 vols. Ed. by A.N. Nikolyukin; text preparation by M.A. Biryukova, I.V. Logvinova; comments by A.N. Nikolyukin and A.P. Dmitriev. St Petersburg, Rostok Publ., 2019. (In Russ.)
11. Skanlan, Dzh. "Dostoevskii kak myslitel'" ["Dostoevsky the thinker"]. Transl. by L. Vasil'eva and N. Kireevoy. St Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 256 p. (*Sovremennaya zapadnaya rusistika*, vol. 57). (In Russ.)
12. Stepanov, Yu.S. "'Svoi' ili 'chuzhie'? Slavyanofily i zapadniki v sozdanii kontsepta tsivilizatsii" ["'Outhers' or 'Others'? Slavphiles and Westernisers in the Creation of a Concept of Civilization"]. *Rossiya i Zapad v nachale novogo tysyacheletiya* [*Russia and the West in the Beginning of the New Millenium*]. Ed. and transl. by A. Bol'shakova. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 179–188. (In Russ.)
13. Todd, W.M. "Sotsiologiya literaturey" ["Sociology of literature"]. St Petersburg, BiblioRossika Publ., 2020, 352 p. (In Russ.)
14. Tynyanov, Yu.N. "Arkhaisty i novatory" ["Arkhaists and Innovators"]. London, Priboj Publ., 1929, 598 p. (In Russ.)
15. Shevyrev, S.P. *Polnoe sobranie literaturno-kriticheskikh trudov* [*The Complete Literary and Philosophical Works*]: in 7 vols. Ed. by A.N. Nikolyukin; preface by A.M. Ranchin, text prep. by M.A. Biryukova, I.V. Logvinova; comments by A.N. Nikolyukin, N.V. Tsvetkova. St Petersburg, Rostok Publ., 2019. (In Russ.)
16. Brown, W.E. *A History of Russian Literature of the Romantic Period* – Ann Arbor (Mich.), Ardis. 1986, Vol. 1–4, 1600 p. (In English)
17. Brumfield, W.C. "Theresé-philosophe and Dostoevski's Grand Sinner". *Comparative literature*. Univ. of Oregon, 1980, Vol. 3, no. 53, pp. 238–252. (In English)
18. Gibson, B. *The Religion of Dostoevsky*. Philadelphia, Westminster press, 1973, 224 p. (In English)
19. Gustafson, R.F. *Leo Tolstoy: Resident and Stranger: A study in fiction and theology*. Princeton, N.J., 1986, 504 p. (In English)

-
20. Leighton, L.G. *Romantism. Handbook of Russian literature*. Ed. V. Terras. New Haven, 1985, 372 p. (In English)
 21. Levitt, M. *The Visual Dominant in Eighteenth-century Russia*. Boston, Northern univ. press, 2011, 362 p. (In English)
 22. Mercereau, J.Jr. "Commentary". *The Ardis Antology of Russian Romanticism*. Ed. Ch. Rydel. Ann Arbor (Mich.), Ardis, 1984, 536 p. (In English)
 23. *On spiritual unity: A Slavophile Reader by Aleksey Khomiakov and Ivan Kireevsky*. Ed. by B. Jakim and R. Bird. Chicago, Chicago univ. press, 1998, 352 p. (In English)
 24. Pratt, S. *Russian Metaphysical Romanticism: The Poetry of Tiutchev and Boratynskii*. Stanford (CA), Stanford univ. press, 1984, 253 p. (In English)

И.В. Логвинова

© Логвинова И.В., 2022

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗДАНИИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДОВ
М.П. ПОГОДИНА**

Статья печатается при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 19-012-00310 А «М.П. Погодин. Полное собрание историко-филологических трудов. В 9 т. Т. 1–3».

Аннотация. Статья посвящена результатам работы научного коллектива по подготовке к публикации первых двух томов полного собрания историко-филологических трудов М.П. Погодина в 2019–2020 гг. при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00310 А).

Ключевые слова: М.П. Погодин; русская литература; текстология; история; журналистика XIX в.; славянофилы.

Получено: 04.10.2021

Принято к печати: 06.12.2021

Информация об авторе: Логвинова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, истории, теории культуры и искусства Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования г. Москвы «Московский государственный институт музыки имени А.Г. Шнитке», ул. Маршала Соколовского, 10, 123060, Москва, Россия.

E-mail: lo-grina@yandex.ru

Для цитирования: Логвинова И.В. К вопросу об издании полного собрания историко-филологических трудов М.П. Погодина // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 98–108.

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.05

Irina V. Logvinova
© Logvinova I.V., 2022

**ON THE ISSUE OF THE COMPLETE COLLECTION
OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL WORKS OF
M.P. POGODIN**

Aknowlegments. *This study was carried out with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-012-00310 A).*

Abstract. The article is devoted to the results of the work of the research team on the preparation for publication of the first two volumes of the complete collection of historical and philological works of M.P. Pogodin in 2019–2020 with the financial support of the Russ Foundation for Basic Research (project No. 19-012-00310 A).

Keywords: M.P. Pogodin; Russian literature; textual studies; history; journalism of the 19th century; Slavophiles.

Received: 04.10.2021

Accepted: 06.12.2021

Information about the author: *Irina V. Logvinova*, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Theory of Culture and Art of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow “Moscow State Institute of Music named after A.G. Schnittke”, Marshala Sokolovskogo Street, 10, 123060, Moscow, Russia.

E-mail: lo-grina@yandex.ru

For citation: Logvinova, I.V. “On the issue of the Complete Collection of Historical and Philological Works of M.P. Pogodin”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 98–108. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.05

В последние десятилетия издаются академические собрания трудов М.Н. Каткова, И.В. Киреевского, В.В. Розанова, Ю.Ф. Самарина, С.П. Шевырёва и др. Однако до сих пор не было создано серьезного научно откомментированного полного собрания историко-филологических сочинений М.П. Погодина (1800–1875), несмотря на огромный интерес к его творческому наследию. М.П. Погодин – крупнейший историк и литератор первой половины XIX в., автор книг и многочисленных статей по вопросам истории и политики, русской и зарубежной литературы. При жизни основные исторические произведения М.П. Погодина вошли в соб-

вание исторических трудов в пяти томах (1872–1876), а также сборники писем и речей (1872, 1874). После смерти М.П. Погодина предпринимались попытки издания отдельных его книг и сборников статей по истории и политологии с научными комментариями. Из нескольких сотен статей и книг М.П. Погодина, изданных в последние годы, представлены в основном его главные исторические и политические труды. Это достаточно для первоначального знакомства с наследием М.П. Погодина, но недостаточно для исследователей русской литературы и истории и для понимания роли М.П. Погодина в литературном процессе XIX в. Остается еще множество статей, заметок, критических разборов и рецензий по русской истории, напечатанных почти во всех русских периодических изданиях того времени (1821–1875), а также рукописи М.П. Погодина, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Российском государственном архиве литературы и искусства и других архивохранилищах. Необходимость издания полного корпуса историко-филологических трудов М.П. Погодина становится совершенно очевидна в наше время. До сих пор мы имеем полные собрания сочинений критиков и мыслителей только определенного, «ленинского» образа мыслей (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский). Мыслители и критики другого направления в советское время игнорировались или получали несправедливые отрицательные оценки. Издание трудов М.П. Погодина призвано заполнить брешь, образовавшуюся в истории русской литературы в связи с избирательным идеологическим подходом к наследию русской культуры прошлого.

В 2019 г. коллектив ученых (Д.Н. Верхотуров, В.Г. Кузнецов, И.В. Логвинова, Д.В. Неустроев, Е.М. Орлова, А.А. Ширинянц) при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19–012–00310 А) начал работу по подготовке к публикации полного издания историко-филологических трудов М.П. Погодина в девяти томах с вариантами и научными комментариями. В результате реализации проекта ожидается издание девяти томов статей, рецензий, книг, неизданных рукописей М.П. Погодина, расположенных в хронологическом порядке. Будущее издание не просто даст представление о научном творчестве М.П. Погодина, но и будет способствовать развитию и пони-

манию у исследователей и читателей роли и значения М.П. Погодина в истории литературной жизни России XIX в.

Научным коллективом был разработан общий план издания. В собранной библиографии М.П. Погодина были учтены все его труды. Принцип расположения материала хронологический, в первом разделе каждого тома идут по хронологии статьи М.П. Погодина, затем во втором разделе – книги. В каждом томе собрания сочинений будут опубликованы варианты (при их наличии) и научные комментарии. Кроме того, тома будут снабжены списками сокращений, указателями имен и списком исполнителей текстологической работы.

Том первый (1819–1838) включает книги «О происхождении Руси. Рассуждение, сочиненное Императорского Московского университета кандидатом словесных наук Михаилом Погодиным для получения степени магистра» (1825); «Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира» (1835–1836); «Исторические афоризмы» (1836); а также статьи и рецензии 1819–1838 гг., опубликованные в «Вестнике Европы», «Московском Телеграфе», «Сыне Отечества», «Северном Архиве», «Отечественных Записках», «Московском Вестнике», «Северной Лире», «Молве», «Телескопе», «Ученых Записках Императорского Московского Университета», «Библиотеке для Чтения», «Журнале Министерства Народного Просвещения», «Московском Наблюдателе», «Современнике», «Московских Ведомостях».

Второй том (1839–1845) состоит из следующих книг: «Год в чужих краях. Дорожный дневник М. Погодина» (1844), а также статей и рецензий, опубликованных в 1839–1845 гг. в «Отечественных Записках», «Москвитянине», «Московских Ведомостях».

В третий том (1846–1849) войдут книги «Об источниках древней русской истории, преимущественно о Несторе» (1846), «О происхождении Варягов-Руси. О Славянах» (1846), «Норманский период» (1846), а также статьи и рецензии 1846–1849 гг., опубликованные в «Москвитянине», «Московском сборнике», «Московских Ведомостях».

В четвертый том (1850–1855) будут включены книги «Период удельный, 1054–1240» (1850, 1855), «Воспоминание о М.И. Крашенинникове» (1851), «О месте погребения князя Дмитрия Михай-

ловича Пожарского. Исследование» (1852), статьи и рецензии 1850–1855 гг., опубликованные в «Москвитянине».

Пятый том (1856–1858) включит книги «О древнем языке русском [Письмо к И.И. Срезневскому]» (1856), «Период удельный» (1856), «Удельный период» (1857) и статьи 1856–1858 гг., опубликованные в «Русской Беседе» и «Атенее».

В шестой том (1859–1864) войдут книги «Прогулка в Новгород» (1859), «Норманский период русской истории» (1859), «Красное яичко для крестьян [Сборник об освобождении крестьян]» (1861), «Нестерово житие святого Феодосия как исторический источник» (1861), «Царевич Алексей Петрович, по свидетельствам вновь открытым» (1861), «О поучении Мономаховом» (1862), «К славянам» (1862), «Алексей Петрович Ермолов» (1864), «Г. Геденон и его система о происхождении варягов и Руси» (1864), статьи и рецензии 1859–1864 гг., опубликованные в «Русской Беседе», «Русской газете», «Парусе», «Колоколе», «Сельском хозяйстве», «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России», «Русском Вестнике», «Современной Летописи», «Русских Ведомостях», «Московских Ведомостях».

Состав седьмого тома (1865–1871): книги «Ход исторических работ Карамзина в Петербурге. 1819–1826» (1865), «Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников» (1866), «Воспоминания о Степане Петровиче Шевырёве» (1869), «Судьбы археологии в России» (1869), «Славянские нужды» (1870), а также статьи и рецензии, опубликованные в 1865–1871 гг. в «Русском Архиве», «Вестнике Европы», «Заре», «Журнале Министерства Народного Просвещения», «Записках Академии Наук», «Православном обозрении», сборнике «Утро» и газете «Русский».

В восьмой том (1872–1874) будут включены книги «Древняя русская история, до Монгольского ига» (1872), «Речи, произнесенные М.П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях. 1830–1872» (1872), «Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856» (1874), «Воспоминание об Алексее Матвеевиче Бухарева (Архимандрит Феодор)» (1874), статьи и рецензии 1872–1874 гг., опубликованные в «Русском Архиве», «Русской Старине», «Гражданине», «Русском Вестнике» и др.

Девятый том (1875–1876) будет состоять из книг «Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями» (1874), «Простая речь о мудреных вещах» (1875), «Сборник, служащий дополнением к Простой речи о мудрых вещах» (1875), «Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689» (1875), «Сочинения М.П. Погодина. Том 5. Статьи политические и польский вопрос. 1856–1867», статьи 1875 г., опубликованные в «Русском Вестнике».

Члены научного коллектива провели текстологическую и исследовательскую работу с рукописями М.П. Погодина ранних лет (до 1839 г.) и рукописями, не имеющими датировки в архивах Москвы (Российский государственный архив литературы и искусства, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея) и Санкт-Петербурга (Российский государственный исторический архив, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки), а также с открытыми электронными базами данных (оцифрованные журналы и газеты Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки и Президентской библиотеки Б.Н. Ельцина). Ранее не публиковавшиеся рукописи сочинений М.П. Погодина были включены в оглавление томов под знаком «*».

В результате работы над текстами первых двух томов обширное документальное наследие М.П. Погодина было упорядочено и существенно пополнено статьями, обнаруженными при целенаправленном просмотре журналов, в которых публиковался М.П. Погодин, уточнена их хронология и составлена краткая хронология жизни и творчества М.П. Погодина за 1800–1845 гг., которая полностью войдет в состав девятого тома.

Была выявлена ранее не опубликованная статья М.П. Погодина «<окончание статьи о мордве> (1827)», не публиковавшийся ранее автограф коллективного обращения к А.Ф. Мерзлякову «<План перевода иностранных книг>» (1825). Таким образом, количество работ М.П. Погодина, включенных в первый том, увеличилось на две публикации. Была проведена большая работа по уточнению количества публикаций, входящих в первый (1822–1836) и второй (1839–1845) том, поскольку многие статьи М.П. Погодин включал в дальнейшем в сборники. Поэтому было принято ре-

шение публиковать их в составе этих сборников в соответствующих томах собрания сочинений. Ввиду того что ранний период творчества М.П. Погодина представлен в основном статьями и заметками, было принято решение его учебники истории перенести во второй том.

Была произведена корректировка по датировке статей и книг, входящих в первый и второй том, учтены работы, написанные под псевдонимами. Выяснилось, что М.П. Погодин начал печататься в 1822 г. Н.П. Барсуков в первом томе «Жизни и трудов М.П. Погодина» указывает именно эту дату [1], и приписываемая М.П. Погодину публикация в «Вестнике Европы» за 1819 г. под псевдонимом «Житель Девичьего поля», как утверждает И.Ф. Масанов [10; 378], ему не принадлежит. В случае сомнений относительно авторства некоторых других статей, опубликованных под разными псевдонимами, было принято решение такие статьи включить в раздел *Dubia* в девятом томе.

Также было установлено, что статья без подписи «Погребение князя Голицына» в журнале «Москвитянин» (1844, № 6) принадлежит С.П. Шевырёву. Оказались интересными примечания М.П. Погодина-редактора к статьям в публикуемом им «Москвитянине», и они были включены во второй том с привязками из текста и с комментариями, поскольку они информативны и содержат дополнительную информацию о том, чем интересовался и что исследовал М.П. Погодин, какие имел взгляды.

Параллельно со сбором и комментированием текстов М.П. Погодина велась исследовательская работа по освоению его научного наследия, что отражено в выступлениях членов научного коллектива на десяти научных конференциях: международная научно-практическая конференция «*Musica iberica: взаимодействие культур*» (Москва, Московский государственный институт музыки имени А.Г. Шнитке, 23 марта 2019 г.), VII Международная научно-практическая конференция «*Культура в фокусе научных парадигм*» (Донецк, Донецкий национальный университет, 10–11 апреля 2019 г.), IV Международная научная конференция «*Актуальные проблемы изучения славянских языков*» (Донецк, Донецкий национальный университет, 12 апреля 2019 г.), XX Международная научно-практическая конференция «*Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: Кирилло-Мефодиевские чтения*» (Москва,

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 22–24 мая 2019 г.), III Крымский международный форум «Книга в культуре детства» (Симферополь, Крымский федеральный университет, 16–20 сентября 2019 г.); круглый стол «Наследие М.П. Погодина: история и текстология. К 220-летию со дня рождения» (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 17 июня 2020 г.), конференция молодых ученых «Поэтика текста литературы и культуры» (Тверь, Тверской государственный университет, 16 мая 2020 г., Zoom), Международная научно-методическая конференция «XVIII Пасхальные чтения. Гуманитарные науки и православная культура» (Москва, Московский педагогический государственный университет, 24–25 апреля 2020 г.), VIII Международная научно-практическая конференция «Культура в фокусе научных парадигм» (Донецк, Донецкий национальный университет, 7–8 апреля 2020 г.), VII Международные научные чтения студентов и молодых ученых памяти Г.И. Рихтера «Новые горизонты русистики» (Донецк, Донецкий национальный университет, 26 марта 2020 г.). Кроме того, были опубликованы восемь статей, посвященных творческому наследию М.П. Погодина в научных изданиях, включенных в списки РИНЦ (7) и ВАК (2). В 2019 г. И.В. Логвиновой была написана глава монографии «М.Н. Погодин о книгах для детей и юношества». В 2020 г. вышли из печати сборник избранных трудов М.Н. Погодина с комментариями А.А. Ширинянца [11], а также книга Д.Н. Верхотурова «Три века спора о варягах» [2], которую автор начал создавать задолго до начала работы над проектом по М.П. Погодину.

Таким образом, в 2019–2020 гг. были подготовлены к изданию первые два тома полного издания историко-филологических трудов М.П. Погодина.

Список литературы

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 т. Т. 1. СПб., 1888. 344 с.
2. Верхотуров Д.Н. Три века спора о варягах: летопись и варяги. М.: Вече, 2020. 319 с.

3. Логвинова И.В. Детское чтение и филологические штудии М.П. Погодина 1820–1830-х годов // Новые горизонты русистики: Научный журнал Донецкого национального университета. Вып. 9. Донецк, 2020. С. 131–137.
4. Логвинова И.В. «Письмо о русских романах» М.П. Погодина и проблема формирования культуры чтения в XIX в. // Культура в фокусе научных парадигм. Культурология. Филология. Журналистика: Научный журнал Донецкого национального университета. Т. 9. Донецк, 2019. С. 110–114.
5. Логвинова И.В. Ранние филологические статьи М.П. Погодина // Новые горизонты русистики: Научный журнал Донецкого национального университета. Вып. 7. Донецк, 2019. С. 35–41.
6. Логвинова И.В. Ю.Ф. Самарин, М.П. Погодин, С.П. Шевырёв и идея народности // Тетради по консерватизму: Альманах. № 2. М.: Институт социально-экономических и политических исследований, 2019. С. 68–70.
7. Логвинова И.В., Кузнецов В.Г. М.П. Погодин и Донецкий кряж: К вопросу об авторстве рецензии на статью Ковалевского в «Горном журнале» // Культура в фокусе научных парадигм. Культурология. Филология. Журналистика: Научный журнал Донецкого национального университета. Т. 10–11. Донецк, 2020. С. 253–257.
8. Логвинова И.В., Неустроев Д.В. Театр и детское воспитание искусством. По поводу одного рассуждения М.П. Погодина // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. ст. / под науч. ред. В.Ю. Боровко, Е.В. Крикливец. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. С. 137–139.
9. Логвинова И.В., Орлова Е.М. М.Н. Погодин об И.А. Крылове // Литературоведческий журнал. № 46. М., 2019. С. 149–153.
10. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1956. 442 с.
11. Погодин М.П. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент.: А.А. Ширинянец, К.В. Рясенцев; подгот. текстов: А.А. Ширинянец, К.В. Рясенцев, Е.П. Харченко. М.: РОССПЭН, 2010. 775 с.
12. Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 823 с.
13. Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М.: Бриз; Лепта, 2009. 510 с.
14. Ширинянец А.А. «Патриотический труд» Ю.Ф. Самарина // Тетради по консерватизму: Альманах. № 2. М.: Институт социально-экономических и политических исследований, 2019. С. 22–34.

References

1. Barsukov, N.P. *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina* [Pogodin's Life and Works]: in 22 vols. Vol. 1. St Petersburg, 1888, 344 p. (In Russ.)
2. Verkhotur, D.N. *Tri veka spora o varyagakh: letopis' i varyagi* [Three Centuries of Dispute about the Varangians: the Chronicle and the Varangians]. Moscow, Veche Publ., 2020, 319 p. (In Russ.)
3. Logvinova, I.V. "Detskoe chtenie i filologicheskie shtudii M.P. Pogodina 1820–1830-x godov" ["Children's Reading and Philological Studies by M.P. Pogodin of the 1820 s-1830 s"]. *Novye gorizonty rusistiki: Nauchnyi zhurnal Doneczkogo nacional'nogo universiteta*. Donetsk, vol. 9, 2020, pp. 131–137. (In Russ.)
4. Logvinova, I.V. "Pis'mo o russkikh romanakh' M.P. Pogodina i problema formirovaniya kul'tury chteniya v XIX v." ["A Letter about Russian Novels' by M.P. Pogodin and the Problem of the Formation of Reading Culture in the XIX Century."]. *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm. Kul'turologiya. Filologiya. Zhurnalistika: Nauchnyi zhurnal Doneczkogo nacional'nogo universiteta*. Donetsk, vol. 9, 2019, pp. 110–114. (In Russ.)
5. Logvinova, I.V. "Rannie filologicheskie stat'i M.P. Pogodina" ["Early Philological Articles by M.P. Pogodin"]. *Novye gorizonty rusistiki: Nauchnyi zhurnal Doneczkogo nacional'nogo universiteta*. Donetsk, vol. 7, 2019, pp. 35–41. (In Russ.)
6. Logvinova, I.V. "Yu.F. Samarin, M.P. Pogodin, S.P. Shevy'ryov i ideya narodnosti" ["Yu.F. Samarin, M.P. Pogodin, S.P. Shevyrev and the Idea of Nationality"]. *Tetradi po konservatizmu: Al'manakh*, no. 2, 2019, pp. 68–70. (In Russ.)
7. Logvinova, I.V., Kuznecov, V.G. "M.P. Pogodin i Doneczkii kryazh: K voprosu ob avtorstve recenzii na stat'yu Kovalevskogo v 'Gornom zhurnale'" ["M.P. Pogodin and the Donetsk Ridge: On the Question of the Authorship of the Review of Kovalevsky's Article in the 'Mining Journal'"]. *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm. Kul'turologiya. Filologiya. Zhurnalistika: Nauchnyi zhurnal Doneczkogo nacional'nogo universiteta*. Donetsk, vol. 10–11, 2020, pp. 253–257. (In Russ.)
8. Logvinova, I.V., Neustroev D.V. "Teatr i detskoe vospitanie iskusstvom. Po povodu odnogo rassuzhdeniya M.P. Pogodina" ["Theater and Children's Education by Art. About One of M.P. Pogodin's Arguments"]. *Aksiologicheskii diapazon khudozhestvennoj literatury: Sbornik nauchnykh statei*, ed. by V.Yu. Borovko, E.V. Kriklivecz. Vitebsk, VGU im. P.M. Masherova Publ., 2020, pp. 137–139. (In Russ.)
9. Logvinova, I.V., Orlova, E.M. "M.N. Pogodin ob I.A. Kry'love" ["M.P. Pogodin about I.A. Krylov"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*. Moscow, no. 46, 2019, pp. 149–153. (In Russ.)

10. Masanov, I.F. *Slovar' psevdonomov russkikh pisatelej, uchenykh i obshhestvennykh deyatelej* ["Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures]: in 4 vols. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoi knizhnoi palaty Publ., 1956, 442 p. (In Russ.)
11. Pogodin, M.P. *Izbrannye trudy* [Selected Works], ed. by A.A. Shirinyanz, K.V. Ryasencev. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 775 p. (In Russ.)
12. Pogodin, M.P. "*Vechnoe nachalo. Russkii dukh*" ["The Eternal Beginning. Russian Spirit"]. Moscow, In-t russkoj civilizacii Publ., 2011, 823 p. (In Russ.)
13. Pogodin, M.P. "*Prostaya rech' o mudrenykh veshhakh*" ["A Simple Speech about Tricky Things"]. Moscow, Briz; Lepta Publ., 2009, 510 p. (In Russ.)
14. Shirinyanz, A.A. "'Patrioticheskiy trud' Yu.F. Samarina" ["'Patriotic Labor' by Yu.F. Samarin"]. *Tetrad' po konservatizmu: Al'manakh*, no. 2, 2019, pp. 22–34. (In Russ.)

А.М. Ранчин

© Ранчин А.М., 2022

**СТИХОТВОРЕНИЕ ЭЛЕЙКИНА
ИЗ КОМЕДИИ Е.П. РОСТОПЧИНОЙ
«ВОЗВРАТ ЧАЦКОГО В МОСКВУ <...>»
КАК ПАРОДИЯ НА СЛАВЯНОФИЛЬСКУЮ ПОЭЗИЮ**

Аннотация. В комедии Е.П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву <...>» выведен персонаж-славянофил с говорящей фамилией Элейкин, прототипом которого является А.С. Хомяков. Слова Элейкина «Я должен выплакать все мерзости России!!!!» – аллюзия на знаменитое стихотворение Хомякова «России» (1854), с негодованием воспринятое писательницей сразу после появления. В комедии Элейкину приписано стихотворение, представляющее собой сатиру на славянофильскую доктрину и содержащее ряд пародийных переключек с лирическими произведениями Хомякова, а также аллюзию на его раннюю трагедию «Дмитрий Самозванец». Острые сатиры, в которой взгляды славянофилов шаржируются и частично искажаются, направлено одновременно как против панславистских идей, так и против идеализации патриархального уклада и ценностей старой Руси. Появление стихотворения было связано, видимо, с активизацией деятельности славянофилов, связанной с учреждением журнала «Русская Беседа».

Ключевые слова: Е.П. Ростопчина; славянофильство; А.С. Хомяков; поэзия; пародия; сатира.

Получено: 08.11.2021

Принято к печати: 06.12.2021

Информация об авторе: Ранчин Андрей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гумани-

тарных факультетов, МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 119991, Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

Для цитирования: Ранчин А.М. Стихотворение Элейкина из комедии Е.П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву <...>» как пародия на славянофильскую поэзию // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 109–124. DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.06

Andrey M. Ranchin

© Ranchin A.M., 2022

**ELEIKIN'S POEM FROM
THE COMEDY BY E.P. ROSTOPCHINA
"RETURN OF CHATSKY TO MOSCOW <...>"
AS A PARODY OF SLAVOPHIL POETRY**

Abstract. In the comedy "The Return of Chatsky to Moscow <...>" by E.P. Rostopchina is a Slavophile character with the speaking surname Eleikin (elei – church oil), the prototype of which is A.S. Khomyakov. Eleikin's words "I must cry all the abominations of Russia!!!" are an allusion to Khomyakov's famous poem "To Russia" (1854), which the author of the comedy took with indignation immediately after its appearance. There is a poem, which is attributed to Eleikin in the comedy, which is a satire on Slavophil doctrine and contains a number of parodic echoes with the lyric works of Khomyakov, as well as an allusion to his early tragedy "Dimitri the Pretender". The edge of satire, in which the views of the Slavophiles are caricatured and partially distorted, is directed both against the Pan-Slavist ideas and against the idealization of the patriarchal order and values of old Russia. The appearance of the poem was apparently connected with the intensification of the activities of the Slavophiles manifested in the establishment of the journal "Russkaya Beseda".

Keywords: E.P. Rostopchina; Slavophilism; A.S. Khomyakov; poetry; parody; satire.

Received: 08.11.2021

Accepted: 06.12.2021

Information about the author: *Andrei M. Ranchin*, DSc of Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1st building of humanitarian faculties, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP-1, 119991, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

For citation: Ranchin, A.M. “Eleikin’s poem from the comedy by E.P. Rostopchina ‘Return of Chatsky to Moscow <...>’ as a parody of Slavophil poetry”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no.1(55), 2022, pp. 109–124. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.06

Комедия Е.П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. Разговор в стихах. Продолжение комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”» (1856¹, опубликована посмертно в 1865) – яркий памфлет против как радикальных западников, так и славянофилов. Духовный вождь славянофильской партии в пьесе – персонаж с говорящей фамилией Элейкин, производной от слова *элей* (елей) и указывающей на ханжескую церковность. Образ Элейкина, несомненно, портретный. Его реплика «Я должен выплатить все мерзости России!!!...» [8, с. 643] – явная аллюзия на знаменитое стихотворение А.С. Хомякова «России» (23 марта 1854), впервые опубликованное только в 1860 г., но сразу после создания распространенное в списках. «Стихотворение разошлось в громадном количестве списков и пользовалось большим успехом в прогрессивных кругах общества» [3, с. 570]. Автору комедии этот текст был знаком: Ростопчина почти сразу же откликнулась на него поэтическим обличением «Ответ некоторым безымянным стихотвореньям» («Сам Бог сказал: “Чти мать свою!”», 9 апреля 1854)². Слова Элейкина соотносятся со строками поэта-славянофила, обличающего грехи Отечества и призывающего страну к покаянию:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна! [14, с. 136]

¹ Дата подтверждается указанием самого автора в списке произведений, составленном Ростопчиной; копия рукой ее дочери Лидии (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. Л. 9 об.): «Возврат Чацкого в Москву – Вороново, 1856». Вороново – подмосковное имение Ростопчиных.

² См. его текст в собрании стихотворений Ростопчиной [7, т. 2, с. 379–380].

Резкая, крайне неприязненная реакция писательницы на произведение Хомякова отражена в ее письме М.П. Погодину: стихотворение названо ею «гнусными клеветами против России и ее народа». Вторая часть хомяковского диптиха, «Раскаявшейся России» (3 апреля 1854), была оценена так же негативно: «Хорош патриотизм!.. Долой маски, человек высказался весь» [1, т. 13, 44, 46–47]. Интересно, что выражение «Долой маски», но не по-русски, а по-французски («*A bas les masques!*») [8, с. 563], курсив в издании) из письма Погодину стало эпиграфом к комедии.

В ростопчинской пьесе содержится стихотворение Элейкина «Вставайте... собирайтесь, народы...». Вот его полный текст (знаком купирования отмечены реплики слушателей и вводящие их ремарки):

Вставайте... собирайтесь, народы,
Услыша железный трезвон!..
Ветвь с ветвью сплетайте, – о! роды,
От корня славянских племен!..
Срок минул жестоким изгнаниям!
Пора плен чужбины разбить,
И вновь, по старинным преданьям
Одною семьею зажить!..
<...>
Примеру благому послушны,
Пусть наши и ваши поля
Сойдутся, – в день встречи радушной
Взыграет родная земля!..
Ты, Волга, целуйся с Дунаем!
Урал, – ты Карпат обнимай!
Пляшите, как братья, край с краем, –
И все, что не мы, – пропадай!..

* * *

Прочь, ложь и соблазны науки,
Искусства и мудрость людей!..
Словенские души и руки
Невинней без ваших затей!
Зачем нам уменье чужое?..

Своим мы богаты умом!
От Запада разве лишь злое
И вредное мы перейдем!
<...>
Что проку от грешной музыки,
От статуй и голых картин!
Скупайте их златом, языки!..
Пусть плюнет на них Славянин!
Сожжемте на вече творенья
Всех, всех чужеземных писак!
Вот Нестор, – мои песнопенья!
В чтецы – вот приходский вам дяк!

* * *

Опустим бородки до чресел,
В нагольный тулуп облачась, –
И в лес все пойдемте!.. Как весел,
Как светл обновления час!
Да здравствуют наши трущобы,
Разгул, старина, простота..
Без распрей, без лести, без злобы,
Здесь жизнь и сладка и чиста!

* * *

С медведем мы пустимся в битвы,
За мед и за шкуру его, –
И всяк, возвращаясь с ловитвы,
Съест гордо врага своего!.. [8, с. 648–650]

Идейным объектом ростопчинской пародии являются два славянофильских тезиса: провозглашение славянского единства и противопоставление органичного, естественного общественного устройства и высоких ценностей старой (допетровской, а во многом и домосковской) Руси ложным, искаженным в своих основах политическому устройству и социальным отношениям, присущим новой, европеизированной России. Дискредитация первого, панславистского тезиса (строго говоря, не специфичного для оппонентов поэтессы) осуществляется скорее не идеологическими, а стилисти-

ческими средствами. Одно из них – демагогические, лишённые конкретизации призывы к народам: «Вставайте... собирайтесь», «Ветвь с ветвью сплетайте». Ещё один прием – алогизм, превращение пожелания в абсурд: «Примеру благому послушны, / Пусть наши и ваши поля / Сойдутся» – неясно, ни что это за «благой пример», ни как могут «сойтись» поля. Метафора, восходящая к Псалтири и к торжественным одам, – олицетворение предмета из мира природы – выглядит комически, поскольку в литературной традиции поля не персонифицировались. Метафорический колокол братства обозначен с помощью выражения «железный трезвон», также порождающего смеховой эффект. Он создается благодаря нарушению принципа сочетаемости: эпитет *железный* не подходит к определяемому слову *трезвон*. Комически воспринимается и призыв обняться к рекам, обозначающим границы славянского мира. Персонификация рек – традиционный прием, характерный для торжественных од и заимствованный из Псалтири; ср., например, строки «Брега Невы руками плещут» и «Руками, реки, восплещите!» из ломоносовской «Оды на прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» [5, с. 85, 91] и его прообраз «Реки восплещут рукою вкупе, горы возрадуются» (Пс. 97: 8)³. В середине XIX столетия такая образность, несомненно, должна была восприниматься как безнадежно устаревшая, как литературная архаика.

Призыв вернуться к счастливой древней жизни отчасти тоже дискредитируется благодаря стилистическим приемам. Это и семантически не мотивированная метафора *вече творенья*, и стилистические контрасты книжной лексики церковнославянского происхождения (то же *вече*, *злато*, *ловитва*, *облачась*, *чресло*, *языки* – т.е. народы) с лексикой «низкой» (*плюнет*, *нагольный тулуп*).

Но основной способ дискредитации славянофильской идеи как утопической и вместе с тем вредоносной – это превращение ее в проповедь воинственного, агрессивно-варварского антиевропеизма и пассаизма совершенно ретроградного толка. Хотя Элейкин упоминает древнерусского книжника Нестора и приходского дьяка (т.е. диакона), в его лице вымышленного поэта славянофилам при-

³ Библийский источник указан И.И. Солосиным [10, с. 249, 252].

писывается стремление вернуться почти что к первобытному состоянию, едва ли не к дохристианской дикости: упоминается не крестьянский труд и не столь ценимая Хомяковым и его единомышленниками сельская община, а собирательство и «ловитва»-охота, добывание меда и шкур.

Среди славянофилов были поэты и помимо Хомякова – братья И.С. и К.С. Аксаковы. Однако стихотворение Элейкина призвано отсылать посвященных читателей, по-видимому, прежде всего именно к хомяковской поэзии. Прямых соответствий, впрочем, немного: в плане идейном это декларация славянского единства в стихотворении Хомякова «Не гордись перед Белградом...» (1847), впервые напечатанном во 2-м номере журнала «Русская Беседа» за 1856 г, т.е. именно в год написания комедии:

Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной,
Братьям братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой! [14, с. 125]

Также это содержащиеся в стихотворении «Вставайте! оковы распались...» (1853, опубли. 1861) череда призывов к единению славянских народов и обращение к южным славянам, угнетенным Османской империей, сбросить иго:

Вставайте! оковы распались,
Проржавела старая цепь!
Уж Нил и Ливан взволновались,
Проснулась Сирийская степь!

Вставайте, славянские братья,
Болгарин, и серб, и хорват!
Скорее друг к другу в объятья,
Скорей за отцовский булат!

Скажите: «Нам в старые годы
В наследство господь даровал
И степи, и быстрые воды,
И лес, и ущелия скал!»

Скажите: «Мы люди свободны, —
Да будет свободна земля,
И горы, и глубины подводны,
И доли, и лес, и поля! [14, с. 133]

Нельзя исключить знакомства писательницы с этим текстом в рукописи. Лексема *поля* и призыв к братскому единению славян из этого стихотворения могли отразиться в строках Ростопчиной «Пусть наши и ваши поля / Сойдутся». Метрика стихотворений Элейкина и Хомякова одинакова: трехиктный амфибрахий. В обоих текстах также совпадает рифмовка: она перекрестная, с чередованием женских и мужских рифм.

Построение на основе серии призывов, выраженных глаголом «сбирайтесь», характерно для стихотворения «Суд Божий» (1854). Оно было впервые напечатано только в 1859 г., но, возможно, Ростопчина познакомилась с этим сочинением в рукописи. Правда, в смысловом отношении эти обращения поэта не похожи на элейкинские, это изъявление воли Бога привести народы на Божий суд в Крымской войне:

«Сбирайтесь на праведный суд,
Сбирайтесь к Востоку, народы!»
<...>

Глас [Б]ожий: «Сбирайтесь из дальних сторон!
Великое время пришло
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен,
В сраженьи бросайтесь смело». [14, с. 134]

Для стихотворения Хомякова «Беззвездная полночь дышала прохладой...» (1847), впервые опубликованного по-русски как раз в начале 1856 г. («Русская Беседа», № 1), характерно обильное использование названий западно- и южнославянских рек: «И с неба картину я зрел величаву, / В уборе и блеске весь Западный край, / Морава, и Лаба, и дальняя Слава, / Гремящий и синий Дунай»; «И клир, воспевая небесную славу, / Звал милость господню на Западный край, / На Лабу, Мораву, на дальнюю Славу, / На шумный и синий Дунай» [14, с. 126].

Дунай присутствует и в уже упоминавшемся стихотворении «России»: «Бог тебя зовет / Чрез волны гневного Дуная» [14, с. 136].

«Языческое» по духу воспевание счастливого быта древних славян, в том числе удачной «ловитвы» – охоты на медведя – как будто бы не соотносится с какими-либо поэтическими сочинениями славянофилов. Изображение быта и нравов древних восточных славян есть лишь в драматической пародии юного К.С. Аксакова «Олег под Константинополем» (1835–1839) – отклике на научную позицию представителя так называемой скептической школы университетского профессора истории М.Т. Каченовского. Однако из этой пьесы, не имеющей отношения к славянофильству, до 1856 г. был опубликован лишь небольшой отрывок, полностью она была издана только в 1858 г. Предполагать знакомство писательницы с этим сочинением, предназначенным для узкого круга читателей, в рукописи вроде бы нет никаких оснований. Между тем простран- ный фрагмент (пожалуй, непомерно большой в сравнении с общим объемом текста), посвященный воспоминанию о поединке с медведем и обсуждению этой схватки, имеется в ранней трагедии Хомякова «Дмитрий Самозванец» (опубл. 1833).

Ростопчина, вероятно, должна была этот фрагмент запомнить не только по причине его непропорционально большого объема, но и потому, что он открывает текст пьесы. Приведем его:

Слуга

Потом был пущен
Тот старший брат, что беса изломал.
Ты понимаешь, что ль?

Первый стрелец

Медведь, известно.

Слуга

Из муромских лесов, космач, глухарь.
Ужасно было поглядеть. Охотник,
Известный удалец, старик Валуй,
С рогатиной к нему пошел навстречу,
Ударил в грудь: медведь взревел, и вмиг
Рогатины не стало, и охотник

Лежал уж смятый под медведем... Тут-то
Послушайте!.. Как вскочит царь, как схватит
Рогатину и меч!..

Первый стрелец

Кто? Государь?

Слуга

Да, государь. Мы обмерли, и крикнуть
Никто не мог. Очнулись – уж космач
Лежал в крови, с отсеченною лапой,
С разрубленною мордой, и над ним
Стоял наш царь, веселый и спокойный.
Князья сбежались, что-то говорили
Про царство, про опасность; он в ответ
Им показал охотника и молвил:
«Вы видите, что мой слуга спасен
От смерти мною. Это день счастливый». [14, с. 285]

Поэтессу эти строки, вероятно, по-своему впечатлили. Правда, в хомяковской трагедии представлена отнюдь не охота, а забава, удалое и опасное развлечение, которому предается Самозванец, причем один из собеседников, «старый слуга придворный», осуждает выход властителя на бой с медведем как не царское дело: «И без царя зарезали б медведя. / А если б грех случился?.. Нет, по мне, / Не царское то дело» [14, с. 286]. Но для Ростопчиной напоминание о диалоге двух стрельцов и слуги было, вероятно, значимо как легко опознаваемая отсылка к личности и творчеству автора трагедии.

Почему комедия Ростопчиной была создана именно в 1856 г., что явилось стимулом к ее написанию? Свидетельство брата автора пьесы С.П. Сушкова, что «Возврат Чацкого в Москву <...>» «был написан совершенно случайно, по поводу кем-то высказанной о том мысли на одном из литературных вечеров у Н.В. Сушкова» [11, с. XXV], не объясняет, почему Ростопчина ухватилась за эту мысль. К сожалению, сведений о точных датах начала и завершения пьесы, насколько мне известно, нет, и потому высказанные ниже предположения не претендуют на бесспорность. Однако можно высказать ряд предположений. Что касается

инвектив в адрес западников, то они могли быть вызваны не только идеологическими расхождениями, но и личной обидой. Как раз в 1856 г. в журнале Н.А. Некрасова и И.И. Панаева «Современник» появилась большая исполненная сарказма иронически комплиментарная рецензия на первые два тома «Стихотворений» Ростопчиной⁴. Отклик был бесподписным, его автором являлся Н.Г. Чернышевский. В «Возврате Чацкого в Москву <...>» идейным вождем западников представлен персонаж по фамилии Феолагинский, производной от слова феолагия / теология и намекающей, очевидно, на Н.Г. Чернышевского – выходца из духовного сословия, носящего фамилию сходной структуры: на -ский. Скорее всего, писательница не знала, кто именно был автором язвительной рецензии. По свидетельству С.П. Сушкова, он узнал об авторстве Чернышевского только в 1889 г. [11, с. XXX], и есть основания предполагать, что факт принадлежности рецензии Чернышевскому сестре Сушкова известен не был. Тем не менее о его значимой роли в «Современнике» создательница комедии была, естественно, осведомлена⁵.

В случае со славянофилами побудительным мотивом могло быть учреждение ими как раз в 1856 г. журнала «Русская Беседа». В редакционной статье, начинающейся обращением «Любезный читатель!» и подписанной вместо фамилии автора названием журнала, содержалось противопоставление кириллицы как «азбуки разумной» латинскому алфавиту у западных народов, не соответствующему фонетике их языков (12, с. II), осуждение «самоуничужения перед мыслию иноземною» (12, с. III), провозглашалось превосходство русской сельской общины, соответствующей духу православия, над другими формами общественной организации и утверждалась необходимость ревизии основ просвещения в России: «Русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму

⁴ См.: [15, с. 1–18; 16, с. 72–77]. Об авторстве Чернышевского см.: [17, с. 833].

⁵ В 1856 г. произошло еще одно событие, относящееся к развитию западной журналистики: началось издание М.Н. Катковым журнала «Русский Вестник», который первоначально придерживался либерального направления, однако это событие едва ли было для Ростопчиной значимым. В отличие от тогда же образованной славянофильской «Русской Беседы» журнал не декларировал столь же отчетливо и однозначно свою позицию в программной редакционной статье: такой статьи в его первом томе попросту не было.

общежительности в тесных пределах; Русский дух понял святость семьи и поставил ее, как чистейшую и незыблемую основу всего общественного здания: он выработал в народе все его нравственные силы, веру в святую истину, терпение несокрушимое и полное смирение. Таковы были его дела, плоды милости Божией, озарившей его полным светом Православия. Теперь, когда мысль окрепла в знании, когда самый ход Истории, раскрывающей тайные начала общественных явлений, обличил во многом ложь западного мира и когда наше сознание оценило (хотя, может быть, еще не вполне) силу и красоту наших исконных начал, нам предлежит снова пересмотреть все те положения, все те выводы, сделанные западною наукою, которым мы верили так безусловно; нам предлежит подвергнуть все шаткое здание нашего просвещения бесстрастной критике наших собственных духовных начал и тем самым дать ему несокрушимую прочность. В то же время на нас лежит обязанность разумно усваивать себе всякий новый плод мысли западной, еще столько богатой и достойной изучения, дабы не оказаться в то время, когда богатство наших данных возлагает на нас обязанность стремиться к первому месту в рядах просвещающегося человечества» (12, с. III–IV). Ярко выраженный антиевропеизм этого текста мог привлечь внимание Ростопчиной. Статья принадлежала Хомякову⁶, но о его авторстве, возможно, писательница не знала.

Возможно, написание комедии было также ответом на недоброжелательные или порочащие слухи, которые, как утверждала Ростопчина в письме М.П. Погодину, относящемся к тому же 1856 г., распространялись в том числе и в славянофильских кругах, причем их инициатором якобы был Хомяков: «Хомяков вооружил против меня Аксаковых и всю братию; они провозгласили меня *западницею*, и начали преследовать, Бог весть за что, забывая мою *царевну Софию*, и мое с ними по многому единомыслие. <...> Тогда я осмотрелась кругом и поняла, что я *одна*, т.е., беспристрастна, независима, а против меня — *партии*, сильные только своею многочисленностью, и что они затирают меня между собою, как две глыбы льда бедную лодку. До меня доходило и то, что у Черкасских кричалось против меня; и то, что Киреевы разглашали,

⁶ См.: [4, с. 587].

и то, что проповедывалось у графини Сальяс, и в пьяных оргиях *Современника*... Тогда я подняла перчатку, – и с Донкишотским самоотвержением пошла *одна* против всех, вдохновляясь только чистотою моих намерений и неподкупностью моих убеждений.

Я вспомнила, что я принадлежу и сердцем, и направлением не нашему времени, а другому, благороднейшему <...>» [1, т. 14, с. 383–384] (курсив в издании).

Хотя Ростопчина в письме А.В. Дружинину от 27 мая 1854 г. и оценивала учение Хомякова и его единомышленников резко отрицательно, заявляя, что славянофилы «сочинили нам какую-то мнимую древнюю Русь, к которой они хотят возвратить нас, несмотря на ход времени и просвещения» [6, с. 268], в ее «исторической сцене» «Монахиня» (1842)⁷ и в стихотворении «Боярин» (1855)⁸ с симпатией представлены черты быта и ценности допетровской России. Написала она, вскоре после начала Крымской войны, и стихотворение «Нашим братьям, Юго-Восточным Православным» (18 июня 1853) – призыв к балканским славянам, находившимся под турецким игом, – произведение, перекликающееся со стихотворными текстами Хомякова⁹. Приписывание славянофилам в лице карикатурного поэта Элейкина ультраретроградных воззрений и воинствующего неприятия европейской культуры было безусловной сатирической гиперболизацией, не лишенной откровенного искажения доктрины, исповедуемой приверженцами русской самобытности. В случае с Хомяковым это искажение особенно очевидно: прототип Элейкина был, например, англоманом и апологетом и даже отчасти панегиристом «старой доброй Англии», о чем свидетельствует статья «Письмо об Англии», впервые опубликованная в 1848 г.¹⁰ Тем не менее едва ли справедливо считать, что «основой» «личного противостояния» Ростопчиной и Хомякова «была все-таки не идеология», как утверждает Н.К. Гаврюшин

⁷ См. ее текст: [7, т. 2, с. 145–176]. Впервые напечатана в 9-м номере журнала «Москвитянин» за 1843 г. Именно это произведение подразумевает Ростопчина, упоминая в письме Дружинину *царевну Софию*: царевна – его главная героиня.

⁸ Первая редакция опубликована в издании [9, с. 605], позднейшая – в [7, т. 2, с. 126–128].

⁹ См. его текст в издании: [7, т. 2, с. 347–349].

¹⁰ См.: [13, с. 105–142].

[2, с. 87]. Идеализация Ростопчиной отдельных сторон русской старины не превращалась в отрицание основ русской послепетровской или западноевропейской цивилизации.

Список литературы

1. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1888–1910. Кн. 1–22.
2. *Гаврюшин Н.К.* «Признак настоящей веры»: А.С. Хомяков и Е.П. Ростопчина // Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сборник статей по материалам международной научной конференции, состоявшейся 14–17 апреля 2004 года в городе Москве в Литературном институте им. А.М. Горького. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1 / отв. ред. Б.Н. Тарасов. С. 77–88.
3. *Егоров Б.Ф.* Примечания // *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы / вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л.: Советский писатель; Ленинградское отделение, 1969. С. 541–585 («Библиотека поэта. Большая серия». 2-е изд.).
4. *Кошелев В.А., Серебренников Н.В., Чернов А.В.* Примечания // *Хомяков А.С.* Сочинения: в 2 т. М.: Московский философский фонд; Издательство «Медиум», 1994. Т. 1: Работы по историософии / вступит. ст., сост. и подгот. текста В.А. Кошелева; примеч. В.А. Кошелева, Н.В. Серебренникова, А.В. Чернова. С. 534–589.
5. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения / вступит. ст., сост., примеч. А.А. Морозова; подгот. текста М.П. Лепехина и А.А. Морозова. Л.: Советский писатель, 1986. 558 с. («Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд.).
6. Письма к А.В. Дружину (1850–1863) / ред. и коммент. П.С. Попова. М.: Типография «Красный пролетарий»; типография «Советская Латвия», 1948. 423 с.
7. <*Ростопчина Е.П.*> Стихотворенья графини Ростопчиной. СПб.: Издание придворн<ого> книгопрод<авца> А. Смирдина (сына), 1856–1859. Т. 1–4.
8. *Ростопчина Е.П.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Дмитрий Сечин, 2020. Т. 4. Кн. 2 / сост., коммент. А.М. Ранчина. 697 с.
9. Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 1855. № 117. 31 мая.
10. *Солосин И.И.* Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1913. Т. 8. Кн. 2. С. 238–293.
11. *Сушков С.* Биографический очерк // <*Ростопчина Е.П.*> Сочинения графини Е.П. Ростопчиной. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1890. Т. 1: Стихи. С. III–XLVIII.

12. <Хомяков А.С.> Любезный читатель! // Русская Беседа. 1856. Кн. 1. С. I–VI.
13. <Хомяков А.С.> Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. 3-е изд., доп. М.: Университетская типография, 1900. Т. 1. 408 с.
14. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л.: Советский писатель; Ленинградское отделение, 1969. 596 с. («Библиотека поэта. Большая серия». 2-е изд.).
15. Чернышевская Н.М. Текстологический и библиографический комментарий // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. / под ред. В.Я. Кирпотина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. Т. 3 / под ред. В.Я. Кирпотина; подгот. текста и коммент. Н.М. Чернышевской; редакция текста С.С. Борщевского. С. 815–868.
16. <Чернышевский Н.Г.> Стихотворения графини Ростопчиной. Том первый. СПб., 1856 // Современник. 1856. № 3. Отд. IV. Библиография. С. 1–18.
17. <Чернышевский Н.Г.> Стихотворения графини Ростопчиной. Том второй. СПб., 1856 // Современник. 1856. № 10. Отд. IV. Библиография. С. 72–77.

References

1. Barsukov, N.P. *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina [Life and Works of M.P. Pogodin]*. St Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1888–1910, vols. 1–22. (In Russ.)
2. Gavryushin, N.K. “Priznak nastoyashchei very”: A.S. Khomyakov i E.P. Rostopchina” [“Sign of True Faith”: A.S. Khomyakov and E.P. Rostopchina”], *Khomyakov – myslitel', poet, publitsist: Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoyavsheysya 14–17 aprelya 2004 goda v gorode Moskve v Literaturnom institute im. A.M. Gor'kogo [Khomyakov as a Thinker, Poet, Publicist: Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference Held on April 14–17, 2004 in Moscow at the A.M. Gorky Literary Institute]*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007, vol. 1, ed. B.N. Tarasov, pp. 77–88. (In Russ.)
3. Egorov, B.F. *Primechaniya [Commentary]*, Khomyakov, A.S. *Stikhotvoreniya i dramy [Poems and Dramas]*, ed. B.F. Egorov. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1969, pp. 541–585. (In Russ.)
4. Koshelev, V.A., Serebrennikov N.V., Chernov A.V. *Primechaniya [Commentary]*, Khomyakov, A.S. *Sochineniya [Works]*: in 2 vols. Moscow, Moskovskii filosofskii fond; Izdatel'stvo “Medium” Publ., 1994, vol. 1, ed. V.A. Koshelev, commentary by V.A. Koshelev, N.V. Serebrennikov, A.V. Chernov, pp. 534–589. (In Russ.)

5. Lomonosov, M.V. *Izbrannye proizvedeniya* [Collected Works], eds. A.A. Morozov, M.P. Lepekhin. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, 558 p. (In Russ.)
6. *Pis'ma k A.V. Druzhininu (1850–1863)* [Letters to A.V. Druzhinin (1850–1863)], ed. P.S. Popov. Moscow, Krasnyi proletarii, Sovetskaya Latviya Publ., 1948, 423 p. (In Russ.)
7. <Rostopchina, E.P.> *Stikhotvoren'ya grafini Rostopchinoi* [Poems by Countess Rostopchina]. St Petersburg, Izdanie pridvorn<ogo> knigoprod<avtsa> A. Smirdina (syna) Publ., 1856–1859, vols. 1–4. (In Russ.)
8. Rostopchina, E.P. *Sobranie sochinenii* [Collective Works]: in 6 vols. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2020, vol. 4, part 2, ed. A.M. Ranchin. 697 p. (In Russ.)
9. *Severnaya Pchela. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*, no. 117, 1855. (In Russ.)
10. Solosin, I.I. "Otrazhenie yazyka i obrazov Sv. Pisaniya i knig bogoslužebnykh v stikhotvoreniyakh Lomonosova" ["Reflection of the language and images of the Holy Scriptures and the books of liturgical services in the poems by Lomonosov"]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. St Petersburg, vol. 8, no. 2, 1913, pp. 238–293. (In Russ.)
11. Sushkov, S. "Biograficheskii ocherk" ["Biographical Essay"]. <Rostopchina, E.P.> *Sochineniya grafini E.P. Rostopchinoi* [Works by Countess Rostopchina]. St Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova Publ., 1890, vol. 1, pp. III–XLVIII. (In Russ.)
12. <Khomyakov, A.S.> "Lyubeznyy chitatel'!" ["Dear Reader!"]. *Russkaya Beseda*, no. 1, 1856, pp. I–VI. (In Russ.)
13. <Khomyakov, A.S.> *Polnoe sobranie sochinenii Aleksey Stepanovicha Khomyakova* [Complete Works of Alexei Stepanovich Khomyakov]. 3rd ed., Additional. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900, vol. 1. 408 p. (In Russ.)
14. Khomyakov, A.S. *Stikhotvoreniya i dramy* [Poems and Dramas], ed. B.F. Egorov. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1969. 596 p. (In Russ.)
15. Chernyshevskaya, N.M. "Tekstologicheskii i bibliograficheskii kommentarii" ["Textological and bibliographic commentary"]. Chernyshevskii, N.G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]: in 15 vols., ed. V.Ya. Kirpotin. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1947, vol. 3, pp. 815–868. (In Russ.)
16. <Chernyshevskii, N.G.> "Stikhotvoreniya grafini Rostopchinoi. Tom pervyi. SPb. 1856" ["Poems by Countess Rostopchina, vol. 2. St Petersburg, 1856"]. *Sovremennik*, no. 3, 1856, pp. 1–18. (In Russ.)
17. <Chernyshevskii, N.G.> "Stikhotvoreniya grafini Rostopchinoi. Tom vtoroi. SPb. 1856" ["Poems by Countess Rostopchina, vol. 2. St Petersburg, 1856"]. *Sovremennik*, no. 10, 1856, pp. 72–77. (In Russ.)

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 83.3(0)

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.07

С.А. Шульц
© Шульц С.А., 2022

Н. ГОТОРН, А.Н. ОСТРОВСКИЙ, А.П. ЧЕХОВ, А.А. БЛОК: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА СНЕГУРОЧКИ

Аннотация. Статья посвящена развитию образа Снегурочки в одноименных произведениях Н. Готорна, А.Н. Островского, а также трансформации образа в драме Чехова «Три сестры», лирическом цикле А.А. Блока «Кармен». Для мифопоэтического уровня имеет значение, что существует поверье о превращении воды в вино, в кровь Христа. Отсюда, можно увидеть близость таяния Снегурочки, ее превращения в воду – обряду евхаристии, причащению крови и плоти Христа. Соотнесение с мотивом крови Христа также заставляет сблизить миф о Снегурочке с западноевропейской историей о святом Граале. Поэтому в аллегорическом (условном) аспекте сюжета финал пьесы-сказки Островского прочитывается не только как победа Ярилы, но также как закат язычества, отход от первобытности к христианству. Эволюция образа Снегурочки от Готорна и Островского через Чехова к Блоку демонстрирует буквализацию образа, его полный перевод в мифопоэтический план, лишенный всякой аллегоризации или условности.

Ключевые слова: Н. Готорн; А.Н. Островский; А.П. Чехов; А.А. Блок; Снегурочка; мифопоэтика.

Получено: 02.10.2021

Принято к печати: 01.12.2021

Информация об авторе: Шульц Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, независимый исследователь, Ростов-на-Дону, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>

E-mail: s_shulz@mail.ru

Для цитирования: Шульц С.А. Н. Готорн, А.Н. Островский, А.П. Чехов, А.А. Блок: эволюция образа Снегурочки // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 125–139.

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.07

Sergei A. Shul'ts

© Shul'ts S.A., 2022

**N. HAWTHORNE, A.N. OSTROVSKY,
A.P. CHEKHOV, A.A. BLOK:
EVOLUTION OF THE IMAGE OF SNOW MAIDEN**

Abstract. The article is devoted to the development of the image of the Snow Maiden in the works of the same name by N. Hawthorne, A.N. Ostrovsky, as well as the transformation of the image in Chekhov's drama "Three Sisters", lyric cycle by A.A. Blok "Carmen". For the mythopoetic level, it is significant that there is a belief about the transformation of water into wine, into the blood of Christ. From here, you can see the proximity of the Snow Maiden's melting, her transformation into water – the rite of the Eucharist, the communion of the blood and flesh of Christ. Correlation with the motive of the blood of Christ also makes the myth of the Snow Maiden closer to the Western European story of the Grail. Therefore, in the allegorical (conditional) aspect of the plot, the ending of Ostrovsky's fairy tale play is read not only as Yarila's victory, but also as the decline of paganism, a departure from primitiveness to Christianity. The evolution of the Snow Maiden's image from Hawthorne and Ostrovsky through Chekhov to Blok demonstrates the literalization of the image, its complete translation into a mythopoetic plan, devoid of any allegorization or convention.

Keywords: N. Hawthorne; A.N. Ostrovsky; A.P. Chekhov; A.A. Blok; Snow Maiden; mythopoetics.

Received: 02.10.2021

Accepted: 01.12.2021

Information about the author: Sergei A. Shul'ts, DSc in Philology, Independent Researcher, Rostov-on-Don, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>

E-mail: s_shulz@mail.ru

For citation: Shul'ts, S.A. "N. Hawthorne, A.N. Ostrovsky, A.P. Chekhov, A.A. Blok: Evolution of the Image of Snow Maiden". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 125–139. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.07

Статья посвящена развитию образа Снегурочки в одноименных произведениях Н. Готорна, А.Н. Островского, а также трансформации образа в драме Чехова «Три сестры», лирическом цикле А.А. Блока «Кармен». В статье затрагиваются прежде всего условный и мифопоэтический аспекты названного образа.

Новелла Н. Готорна «Снегурочка» (1850) уже в 1853 г. была переведена на русский язык, но не с языка оригинала, а с французского. В данной публикации новелла озаглавлена «Снежная статуя. Американская сказка» [10, с. 501]¹. Название новеллы в оригинале – «The snow image», т.е. «Снежный образ». Тем самым статус главного персонажа новеллы – вылепленной двумя детьми «снежной девочки» – сразу подан автором как некая сознательно произведенная условность, видимость, некое художественное допущение. Между тем на страницах самого произведения автор не столь строг в онтологической дефиниции Снегурочки. Налицо балансирование художественного смысла между идеей кажимости Снегурочки и утверждением ее мифопоэтической реальности. Дети воспринимают вылепленную ими героиню в качестве живой, но на то они и дети, с их верой в сказку.

В авторском замечании сразу указано: «По правде говоря, если когда-нибудь и произойдет чудо, то это будет только тогда, когда наши руки возьмутся за работу под влиянием точно такого же искреннего порыва, с каким Фиалка и Пион (т.е. дети, затеявшие лепку “снежной девочки”. – С. Ш.) сейчас взялись сотворить это чудо, даже не подозревая о нем» [9, с. 386]. Далее сразу приводится мнение матери детей: «Мать думала об этом; она думала и о том, что как раз из такого чистого, только что с небес упавшего снега и можно было бы создавать новые существа, если он не был таким холодным» [там же].

Тем самым допускается реальность Снегурочки, но это реальность преимущественно духовного порядка. Мать не оспаривает «мистические» устремления детей, но и не соглашается с ними. Когда дети бегают вместе с вылепленной ими Снегурочкой по зимнему саду, то та предстает в облике «снежного вихря» [9, с. 391], который нанес «свежий западный ветер» [9, с. 390].

¹ В цитируемом далее русском переводе Э. Великановой новелла названа «Снегурочка (Как дети сотворили чудо)».

Символика последнего в новелле восходит, несомненно, к «Оде западному ветру» (1819) П.Б. Шелли, где осенний ветер представлен обновляюще-созидающим творческим началом, навевающим зиму; но зато за нею, по словам поэта, «Весна в пути» [21, с. 477]. «Весна» для Шелли предпочтительнее «Зимы». Шеллиевское соединение «зимней» темы с «весенней» предвосхищает мотивы пьесы-сказки А.Н. Островского «Снегурочка», как предвосхищает последнюю также вся рассматриваемая новелла Готорна.

Группе персонажей, включающей помимо матери и двух детей, также и Снегурочку наряду с западным ветром, всей этой группе в новелле Готорна противостоит отец, с иронией поименованный повествователем «весьма благоразумным человеком» [9, с. 393]. Отец, торговец мистер Линдси, наделен пресловутым «здравым смыслом» [9, с. 398], означающим позитивистское отвержение всего сверхчувственного. Хотя мистер Линдси первоначально наблюдает снежную девочку в виде реальной и даже приглашает ее в дом согреться у огня и выпить горячего молока, он думает, что Снегурочка – лишь соседский ребенок. Сцена означает не столько первоначальную «веру» мистера Линдси в реальность Снегурочки, сколько ее подлинное существование, хотя и поданное через бытовистское объяснение.

Когда в доме от печного тепла Снегурочка растаивает, то мистер Линдси резюмирует, обращаясь к жене: «...посмотри, сколько снегу нанесли дети на ногах. Целая лужа перед печкой. <...> вели Доре принести тряпку и вытереть пол» [9, с. 399]. Тем самым и фактическая, и собственно духовная реальность Снегурочки мистером Линдси элиминируется, причем данная фраза завершает всю новеллу. В лице мистера Линдси победа утилитарно-позитивистского прагматизма очевидна, однако точка зрения повествователя – на стороне детей и их матери.

Сам повествователь разделяет тезис о том, что нельзя отказывать чудесному в существовании, хотя бы и существовании чисто духовном (абстрактном). Символика льда и снега, превращающихся в итоге в воду, у Готорна преимущественно духовная, но ее реализация заставляет говорить о готорновской вере в возможность присутствия воплотившегося чуда – хотя бы и абстрактного, но соотношенного с мифопоэтикой, – в каждодневной реальной жизни.

Пьеса-сказка А.Н. Островского «Снегурочка» (1873) воспроизводит и модифицирует древнеславянские поверья [3; 14] через заведомо сказочный смысловой код, что свидетельствует о большой роли условности, допущения. Тем самым утверждается также значительная доля сомнения автора в реальности его героини и изображенного им мира в целом. Поэтому Снегурочка у Островского – как и в новелле Готорна – выступает в роли не только символа, но и абстрактной условной аллегии (простого иносказания).

Аллегорический код Снегурочки служит Островскому для формулирования вполне современных ему духовно-этических вопросов, связанных с судьбой красоты в мире, с восприятием чуда людьми. Своим финалом Островский показывает не только гибель Снегурочки, но также в какой-то степени и то, что она вовсе не существовала, будучи лишь (если вспомнить оригинальное название новеллы Готорна), «снежным образом».

«Пролог» пьесы-сказки прикреплен Островским к Масленице, а финал – к празднику Ярилы. Сходство обоих праздников в том, что в них присутствуют эпизоды ритуального возжигания костров (о роли костров в названных праздниках см.: [2; 12]). На масленицу было принято сжигать чучела Масленицы. Снегурочка выступает как своего рода дублер Масленицы. Ср. также аналогичное ритуальное сожжение Купалы, Костромы, Ярилы как символов плодородия [6; 11; 12]. Согласно народным поверьям, Кострома, например, проходит через смерть и воскресение. Налицо скрытая взаимосвязь мифологии всех обозначенных праздников и персонажей с дионисийством как празднеством в честь умирающего и воскресающего бога.

Уже с начала действия пьесы-сказки в словах Мороза появляется мотив огня и света, но в его противовесенней, «зимней» проекции, в противопоставлении солнечному Яриле:

Разольюсь я, Мороз,
В девяносто полос,
Разбегуся столбами, лучами несчетными,
Разноцветными.
И толкутся столбы и спираются,
А под ними снега загораются,

Море свету-огня, яркого,
Жаркого,
 Пышного...<...>
 Здесь Ярило
Мешает мне... <...>
Злой Ярило,
Палящий бог ленивых берендеев,
В угоду им поклялся страшной клятвой
Губить меня, где встретит [17].

Мороз называет себя «художником», а Ярилу – «палящим богом», однако у Мороза есть свой огонь – «огонь» / свет снега, льда («снега загораются»). Поэтому гибель Снегурочки от «огня» (лучей Солнца) и противостоит огненной составляющей символики ее отца – Мороза (имеющей сугубо свое наполнение), и вместе с тем означает сложное синкретическое слияние «света»-«огня» символики мороза с «палящей» символикой солнечной весны.

Снегурочка признается отцу Морозу, что в человеческом мире ее более всего привлекают песни:

– И громкие раскаты соловьев,
Певцов твоих любимых; песни Леля
Милее мне. И дни и ночи слушать
Готова я его пастушьи песни.
И слушаешь, и таешь... [17]

Снегурочка использует слово «таять» в значении «млеть», «упиваться восторгом», «испытывать сильную радость», но она пока не догадывается о буквальном значении этого слова, связанном со смертью. Между тем слово «таять» сразу переводит ее приход к людям в гибельный план. Само по себе таяние Снегурочки может быть соотнесено с поверьем о том, что после смерти человека душа его погружается в воду [5, с. 96].

Испытывая перед смертью и в самый момент смерти состояние любви, Снегурочка употребляет именно слово «таять»:

Люблю и таю, таю
От сладких чувств любви! Прощайте, все

Подруженьки, прощай, жених! О милый,
Последний взгляд Снегурочки тебе.
(Таёт.) [17]

Гибель Снегурочки символизирует несовместимость одинаковых правил для смертных людей и для мифологических фигур. Островский сближает мотивы праздника Масленицы и праздника в честь Ярилы как «мифологического и ритуального персонажа», «связанного с идеей плодородия, прежде всего весеннего, сексуальной мощи» [12, с. 397].

Для мифопоэтического уровня пьесы-сказки имеет значение, что существует поверье о превращении воды в вино, в кровь Христа [5, с. 97]; ср. также: [1, с. 240]. Отсюда, можно увидеть близость таяния Снегурочки, ее превращения в воду – обряду евхаристии, причащению крови и плоти Христа. Соотнесение с мотивом крови Христа также заставляет сблизить миф о Снегурочке с западноевропейской историей о Граале. Поэтому в аллегорическом (условном) аспекте сюжета финал пьесы-сказки Островского прочитывается не только как победа Ярилы, но также как закат язычества, отход от первобытности к христианству.

Отречение от язычества и намек на переход к христианству присутствует также в последних словах Мизгиря:

Снегурочка, обманщица не ты:
Обманут я богами; это шутка
Жестокая судьбы. Но если боги
Обманщики – не стоит жить на свете!
(Убегает на Ярилину гору и бросается в озеро.) [17]

В финале пьесы-сказки Островского царь берендеев связывает гибель Снегурочки с победой над Морозом вообще и утверждением Солнца:

Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье –
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.

Теперь, с ее чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось.
Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу [17].

Слова царя также свидетельствуют об отказе от язычества, они обращены не только и не столько к Яриле) в пользу христианства, так как в христианстве Иисус Христос нередко отождествляется с Солнцем [7, с. 451–452].

В драме Чехова «Три сестры» (1901) мифопоэтический «код» задан уже заглавием, напоминающим о некоем фольклорно-архетипическом числе персонажей, к тому же родственниц. Кроме того, к мифопоэтике обращает присутствующая в драме символика поминок, именин, Масленицы, а также растительная символика (деревья и цветы) (о мифо-ритуальном начале в «Трех сестрах» см.: [13; 15; 16; 23]).

В пьесах Чехова показана, как известно, затрудненность коммуникации: персонажи словно «не слышат» и «не видят» своих визави. Причина этого факта в «Трех сестрах» – в полной экзистенциальной чистоте сестер и их брата, соотношенной с их экзистенциальной порядочностью / деликатностью, не допускающей вмешательства в чужие судьбы.

Воплощением пресловутого «здорового смысла», как то было у готорновского мистера Линдси, в «Трех сестрах» выступает сначала невеста, а затем жена Андрея Наташа. Даже ее «чадолюбие» Чехов подает в отрицательном ключе, в качестве воплощения пошлой агрессии. Наташа разрушает физические и духовные устои прозоровского дома, и никто не желает и не может с ней спорить. Наташа одна противостоит всей группе возвышенных персонажей пьесы, и ей одной удастся произвести реальных действий больше, чем всем остальным персонажам вместе взятым. Однако ее действия сугубо деструктивны, высвечивая ее статус трикстера с четким доминированием демонизма и разрушения.

Яркая символическая деталь чеховского текста: на Масленицу Наташа катается на санях не с Андреем, а с Протопоповым; она выгоняет ряженных из дому; все это свидетельствует именно о ее роли онтологического разрушителя.

«Реальность» в «Трех сестрах» вообще как бы распадается, что задано уже ведущим мотивом «В Москву! В Москву!», который означает туманное стремление в некий «мифологический» топос, который выстоял в сознании героинь. Однако, по замечанию Л.В. Карасева, во время пожара и вообще по ходу действия «В символическом смысле сгорает сама Москва» [13, с. 81]. Разрушающаяся социально-бытовая обустроенность основных героев и самого действия соответствует – в аспекте формы – модернистской составляющей всей чеховской драмы.

Три сестры на фоне распада «реального» (смерть отца, вторжение в прозоровский дом Наташи, гибель Тузенбаха на дуэли) сохраняют духовно-мифопоэтический статус приподнятости над обыденностью. Вокруг сестер все меняется не в лучшую сторону, а их мифопоэтический смысл сохраняется и даже упрочивается. Ясно, что образ трех сестер имеет смысл чего-то светлого и возвышенного, но абстрактно-светлого, абстрактно-возвышенного. Поэтому каждая из сестер может быть сопоставлена со Снегурочкой Островского. Роль абстракции в мифопоэтике «Трех сестер» сближает чеховский текст не только с Островским, но также со «Снегурочкой» Готорна.

Гибель жениха Ирины Тузенбаха на дуэли продолжает мотив распада «реального». Ирина в финале остается в статусе несостоявшейся жены, что вместе с общей приподнятостью сестер над миром обыденности делает Ирину неким аналогом Снегурочки, пожалуй, в большей степени, чем остальных сестер.

В последнем монологе Ирина недаром воспроизводит детализированный образ зимы, употребляя к тому же слово «тайна»: «Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, не нужна. Теперь осень, скоро придет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...» [20, с. 187].

Тщетность надежд Ирины известна уже ей самой, что подчеркнуто фразой «всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, не нужна»; эта тщетность выглядит аналогией к напрасности надежд Снегурочки Островского. Однако если у Островского мир людей утверждается как победитель в борьбе с языческой мифоло-

гией (финал), то у Чехова, напротив, архаические смыслы (Ирина-«Снегурочка»; вообще три сестры-«Снегурочки») в ценностном плане выглядят гораздо более предпочтительными на фоне наступающих времен «мещанства» (о роли в данной драме мещанства см.: [15]).

Если Готорн, Островский показывали столкновение мира людей с миром языческой мифологии, то Чехов приходит к утверждению мифопоэтического как приподнимающегося над «слишком человеческим» – мещанским – миром. Высокая «абстрактность» значения готорновской Снегурочки близка чеховским трем сестрам, прежде всего Ирине.

В лирическом цикле Блока «Кармен» (1914) одно из имплицитных отождествлений героини, одна из ее скрытых жизненно-экзистенциальных «масок» – также Снегурочка, соотнесенная с образом пьесы-сказки Островского, хотя это не проговорено прямо, а следует из ряда уподоблений, метафор, символов.

Музыкально-театральный «код» цикла таков, что героиня является автору-герою через ряд метаморфоз. Блоковская героиня реализует себя в рамках мифологически трактованного мира культуры, космоса, истории [22]. Вместе с «новой Снегурочкой» в рамках «мифопоэтического символизма» [18; 8] осознает себя внутри данного мира и автор-герой Блока.

С фразой Снегурочки Островского о том, что в мир ее тянут человеческие песни, перекликается весь музыкально-театральный «код» блоковского цикла. Присущее Снегурочке Островского отождествление чувства любви с «таяньем» прямо продолжено в тексте Блока:

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий – таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз [4, с. 152].

Мотивам влюбленности Снегурочки Островского в человеческие песни у Блока соответствуют образы «грозы певучей» [4, с. 149], «бушующих созвучий», «стана <...> певучего» [4, с. 152].

Автор-герой Блока помнит о снежном «огне» Снегурочки Островского, доставшемся ей от отца-Мороза, и синкретически

соединяет этот мотив с мотивом палящего огня солнца, от которого Снегурочка истаивает, т.е. испытывает состояние влюбленности и вместе с тем смерти. Поэтому Блок восклицает:

Да, все равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой! [4, с. 154]

Целиком корреспондирует образу Снегурочки Островского (да и Чехова) мотив отверженности, приводящий к тому, что Снегурочка не может стать ничьей женой:

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь,
Вот почему я – твой поклонник и поэт! [4, с. 155].

В своем «снежном» огне Кармен видит и мир в качестве горящего «облака дыма»:

Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит! [4, с. 156]

При этом сквозь архетип «певучего» огня («жжет, поет, тревожит и горит»), приравненного к «музыке и свету» и синкретически соединяющего мотивы снежной земли с мотивами метафорической весны («безумна младость»), начинает звучать «музыка сфер»:

И в зареве его – твоя безумна младость...
Все – музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...

Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен* [4, с. 156] (выделено Блоком. – С. III.).

У Блока свет-огонь сам по себе двойственен, так как, вслед за Островским, отнесен одновременно к морозу и весеннему солнцу.

Органика подобного света-огня и органика музыки не просто сопрягаются, а именно соединяются в нечто целое (хотя формально они принадлежат разным классификациям [19]). Блок добавляет к мотиву отверженности своей «Снегурочки» аналогичный мотив отверженности также и «жениха»: «я сам такой, *Кармен*».

Эволюция образа Снегурочки от Готорна и Островского через Чехова к Блоку демонстрирует буквализацию образа, его полный перевод в мифопоэтический план, лишенный всякой аллегоризации или условности.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Вода // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 240–241.
2. *Агапкина Т.А.* Масленица // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 253–255.
3. *Батюшков Ф.Д.* Генезис «Снегурочки» Островского // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 5. С. 47–66.
4. *Блок А.А.* Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 3. 994 с.
5. *Виноградова Л.Н.* Вода // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 96–98.
6. *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Иван Купала // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 201–202.
7. *Гвардини Р.* «Божественная комедия» Данте. Ее основные религиозные и философские идеи / пер. с нем. А.В. Перцева. СПб.: Владимир Даль, 2020. 498 с.
8. *Гольдберг С.* Мандельштам, Блок и границы мифопоэтического символизма / пер. с англ. В. Третьякова. М.: НЛЮ, 2020. 344 с.
9. *Готорн Н.* Избранные произведения: в 2 т. / пер. с англ. Э. Великановой. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 2. 510 с.
10. *Долинин А.* Комментарии // *Готорн Н.* Избранные произведения: в 2 т. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 466–508.
11. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Кострома // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 231.
12. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Ярило // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 397–399.
13. *Карсев Л.В.* Пьесы Чехова // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 80–82.

14. Кошелев В.А. Поза Ярилы: о мифопоэтике «Снегурочки» // Щельковские чтения 2011: сб. статей. Кострома, 2012. С. 96–105.
15. Ларионова М.Ч. Еловая аллея и цветочки (пьеса А.П. Чехова «Три сестры») // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2012. № 2. С. 26–35.
16. Одесская М.М. «Три сестры»: символично-мифологический подтекст // Чеховиана. «Три сестры» 100 лет. М.: Наука, 2002. С. 151–165.
17. Островский А.Н. Снегурочка [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0142.shtml (дата обращения: 18.04.2021).
18. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб., 2003. 816 с.
19. Чернейко Н.Г. «Синэстетизм» А. Блока в теме Севера и Юга (на материале «Итальянских стихов» и цикла «Кармен») // Филологические науки. 1995. № 5–6. С. 29–36.
20. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Т. XIII. М.: Наука, 1978. 524 с.
21. Шелли П.Б. Ода западному ветру / пер. с англ. Б.Л. Пастернака // Поэзия английского романтизма. М.: Худож. литература, 1975. С. 475–477.
22. Шульц С.А. Лирический цикл А.А. Блока «Кармен»: индивидуация в культуре, космосе и истории // Русский символизм и мировая культура / под ред. Л.А. Сугай. М.: Экон-информ, 2009. Вып. 3. С. 81–104.
23. Шульц С.А. Роль праздника в художественной структуре драмы Чехова «Три сестры» // Филологические науки. 2000. № 2. С. 24–32.

References

1. Averintsev, S.S. “Voda” [“Water”]. *Mify narodov mira. Ehntsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]: in 2 vols. 2nd ed. Moscow, Sovetskaya ehntsiklopediya Publ., vol. 1, 1991, pp. 240–241. (In Russ.)
2. Agapkina, T.A. “Maslenitsa” [“Maslenitza”]. *Slavyanskaya mifologiya. Ehntsiklopedicheskii slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Ehllis Lak Publ., 1995, pp. 253–255. (In Russ.)
3. Batyushkov, F.D. “Genezis ‘Snegurochki’ Ostrovskogo” [“Genesis of Ostrovsky's ‘Snow Maiden’”]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no. 5, 1917, pp. 47–66. (In Russ.)

4. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]: in 20 vols. Moscow, Nauka Publ., 1997, vol. 3, 994 p. (In Russ.)
5. Vinogradova, L.N. "Voda" ["Water"]. *Slavyanskaya mifologiya. Ehntsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Ehllis Lak Publ., 1995, pp. 96–98. (In Russ.)
6. Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M. "Ivan Kupala" ["Ivan Kupala"]. *Slavyanskaya mifologiya. Ehntsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Ehllis Lak Publ., 1995, pp. 201–202. (In Russ.)
7. Guardini, R. "Bozhestvennaya komediya" Dante. *Ee osnovnye religioznye i filosofskie idei* [Dante's Divine Comedy. Her main religious and philosophical ideas], trans. from German by A.V. Pertzev. St Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2020, 498 p. (In Russ.)
8. Gol'dberg, S. *Mandel'shtam, Blok i granitsy mifopoehticheskogo simvolizma* [Mandelstam, Blok and the boundaries of mythopoetic symbolism], trans. from English by V. Tret'yakov. Moscow, NLO Publ., 2020, 344 p. (In Russ.)
9. Hawthorne, N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]: in 2 vols, transl. from English by E. Velikanova. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 2, 510 p. (In Russ.)
10. Dolinin, A. "Kommentarii" ["Comments"]. Hawthorne, N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]: in 2 vols. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 2, pp. 466–508. (In Russ.)
11. Ivanov, V.V., Toporov, V.N. "Kostroma" ["Kostroma"]. *Slavyanskaya mifologiya. Ehntsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Ehllis Lak Publ., 1995, p. 231. (In Russ.)
12. Ivanov, V.V., Toporov, V.N. "Yarila" ["Yarila"]. *Slavyanskaya mifologiya. Ehntsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Ehllis Lak Publ., 1995, pp. 397–399. (In Russ.)
13. Karasev, L.V. "P'esy Chekhova" ["Plays by Chekhov"]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 1998, pp. 80–85. (In Russ.)
14. Koshelev, V.A. "Poza Yarily: o mifopoehtike 'Snegurochki'" ["Yarila's pose: about the mythopoetics of 'The Snow Maiden'"]. *Shchelykovskie chteniya 2011*, Kostroma, 2012, pp. 96–105. (In Russ.)
15. Larionova, M.Ch. "Elovaya alleya i tsvetochki (p'esa A.P. Chekhova 'Tri sestry') ["Spruce alley and flowers (play by A.P. Chekhov 'Three sisters')"]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, no. 2, 2012, pp. 26–35. (In Russ.)
16. Odesskaya, M.M. "'Tri sestry': simboliko-mifologicheskii podtekst" ["'Three sisters': symbolic and mythological subtext"]. *Chekhoviana. "Tri sestry": 100 let.*

- [*Chekhoviana*. "Three Sisters" is 100 years old]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 151–165. (In Russ.)
17. Ostrovskii, A.N. *Snegurochka*. Available at: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0142.shtml (accessed: 18.04.2021). (In Russ.)
18. Hansen-Loewe, A. *Russkii simvolizm. Sistema poehticheskikh motivov. Mifopoehticheskii simvolizm. Kosmicheskaya simbolika* [*Russian Symbolism. The System of Poetic Motives. Mythopoetic Symbolism. Space Symbolism*], transl. from German by M.Yu. Nekrasov. St Petersburg, 2003, 816 p. (In Russ.)
19. Cherneiko, N.G. "Sinehstetizm" A. Bloka v teme Severa i Yuga (na materiale 'Ital'yanskikh stikhov' i tsikla 'Karmen') ["A. Blok's 'synestheticism' in the theme of the North and South (based on 'Italian poetry' and the cycle 'Carmen')]. *Filologicheskie nauki*, 1995, no. 5–6, pp. 29–36. (In Russ.)
20. Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya*. [*Complete Works and Letters: in 30 vols*]. Vol. XIII. Moscow, Nauka Publ., 1978, 524 p. (In Russ.)
21. Shelley, P.B. "Oda zapadnomu vetru" ["Ode to the West Wind"], transl. from English by B.L. Pasternak. *Poehziya angliiskogo romantizma* [*Poetry of English Romanticism*]. Moscow, Khudozhesvennaya literatura Publ., 1975, pp. 475–477. (In Russ.)
22. Shul'ts, S.A. "Liricheskii tsikl A.A. Bloka 'Karmen': individuatsiya v kul'ture, kosmose i istorii" ["Lyric Cycle by A.A. Blok 'Carmen': Individuation in Culture, Space and History"]. *Russkii simvolizm i mirovaya kul'tura* [*Russian Symbolism and the World Culture*], ed. by L.A. Sugai. Moscow, Ehkon-inform Publ., 2009, issue 3, pp. 81–104. (In Russ.)
23. Shul'ts, S.A. "Rol' prazdnika v khudozhestvennoi strukture dramy Chekhova 'Tri sestry'" ["The Role of the Holiday in the Artistic Structure of Chekhov's Drama 'Three Sisters'"]. *Filologicheskie nauki*, no. 2, 2000, pp. 24–32. (In Russ.)

А.А. Аксёнова, К.В. Синегубова

© Аксёнова А.А., Синегубова К.В., 2022

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ПРОРОКА
И ПРОРОЧЕСКОГО СЛОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
К.Д. БАЛЬМОНТА И В.Я. БРЮСОВА В СОПОСТАВЛЕНИИ
СО СТИХОТВОРЕНИЕМ «ПРОРОК» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение образа пророка и пророческого слова в произведениях поэтов Серебряного века в сопоставлении с предшествующей традицией, представленной в тексте М.Ю. Лермонтова. Отмеченная исследователями трансформация поэта-пророка, которая происходит в лирике Серебряного века, в нашей статье уточняется благодаря рассмотрению смены функций пророческого слова. Выяснено, что при многочисленных мотивных и смысловых переключках пророческое слово в лирике К. Бальмонта и В. Брюсова указывает другое направление. В «Пророке» М. Лермонтова драматический конфликт между миром и правдой принципиально неразрешим, пророк Моисей в произведении В. Брюсова формально реализует свое предназначение, но теряет смысл жизни, в произведениях К. Бальмонта пророк обличает серую и скучную жизнь людей, выдвигая в противовес ей идеалы игры, творчества, противопоставляет рациональное и экстатическое.

Ключевые слова: пророк; слово; Лермонтов; Бальмонт, Брюсов.

Получено: 05.09.2021

Принято к печати: 11.10.2021

Информация об авторах: Аксёнова Анастасия Александровна, магистр философии, ассистент кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>

E-mail: AA9515890227@yandex.ru

Синегубова Капиталина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

E-mail: sinegubova@nextmail.ru

Для цитирования: Аксёнова А.А., Синегубова К.В. Трансформация образа пророка и пророческого слова в произведениях К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова в сопоставлении со стихотворением «Пророк» М.Ю. Лермонтова // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 140–154.

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.08

Anastasia A. Aksenova, Kapitalina V. Sinegubova

© Aksenova A.A., Sinegubova K.V., 2022

TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF THE PROPHET AND THE PROPHETIC WORD IN THE WORKS OF K.D. BAL'MONT AND V.Ya. BRYUSOV IN COMPARISON WITH THE POEM "THE PROPHET" BY M.Yu. LERMONTOV

Abstract. The purpose of the article is to consider the image of the prophet and the prophetic word in the works of the poets of the Silver Age in comparison with the previous tradition presented in the text of M.Yu. Lermontov. The transformation of the poet-prophet noted by researchers, which occurs in the lyrics of the Silver Age, is clarified in our article by considering the change of functions of the prophetic word. In conclusion, it is found out that with numerous motivational and semantic calls, the prophetic word in the lyrics of K. Bal'mont and V. Bryusov indicates a different direction. In the "Prophet" M. Lermontov's dramatic conflict between the world and the truth is fundamentally insoluble, the prophet Moses in the work of V. Bryusov formally realizes his purpose, but loses the meaning of life, in the works of K. Bal'mont, the prophet denounces the gray and boring life of people, putting forward the ideals of play, creativity in contrast to it, opposes the rational and ecstatic.

Keywords: The Prophet; word; Lermontov; Bal'mont; Bryusov.

Received: 05.09.2021

Accepted: 11.10.2021

Information about the authors: Anastasia A. Aksenova, Master of Philosophy, Assistant of the Department of Russian Language and Literature of Kemerovo State University, Krasnaya Street, 6, 650000, Kemerovo, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>

E-mail: AA9515890227@yandex.ru

Kapitalina V. Sinigubova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th Century of Kemerovo State University, Krasnaya Street, 6, 650000, Kemerovo, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

E-mail: siniegubova@nextmail.ru

For citation: Aksenova, A.A., Sinigubova, K.V. "Transformation of the image of the prophet and the prophetic word in the works of K.D. Bal'mont and V.Ya. Bryusov in comparison with the poem 'The Prophet' by M.Yu. Lermontov". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 140–154.

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.08

Целью настоящего исследования является осмысление того, как традиции романтизма трансформируются в модернистском дискурсе. Для этого рассмотрим, как реализуется актуальная для романтической традиции тема пророческого слова в стихотворениях старших символистов К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова.

При сопоставлении стихотворений «В домах», «К людям» К.Д. Бальмонта и «Моисей» В.Я. Брюсова можно увидеть, что они перекликаются со стихотворением «Пророк» М.Ю. Лермонтова на уровне отдельных образов и мотивов и общей лирической ситуации пророчества. Одним из исходных вопросов статьи становится сопоставление: в произведении М. Лермонтова и В. Брюсова сам текст пророчества отсутствует, тогда как в текстах К. Бальмонта пророк высказывается, обращается к людям.

Со времен Античности в поэтике доминировали две теории о сущности поэзии, предопределившие дальнейшую эволюцию поэтики. Согласно первой теории, поэзия есть результат божественного вдохновения, согласно второй – продукт человеческого умения и знания. Исторически они восходят к Платону и Аристотелю [2, с. 36]. Образ пророка считается одним из наиболее устойчивых поэтических образов. Оппозиция «я» и «все» относится к романтической традиции.

В настоящее время рассмотрена не только реализация этой темы в конкретных произведениях в исследованиях И.А. Киселевой, Н.П. Медведева, Т.А. Нестеровой [8, с. 64], но и прослеживаются две основные тенденции просветительского осмысления пророческой темы: языческий вариант «поэт-пророк – служитель Муз» и христианский «поэт-пророк, вдохновленный Святым Духом» [6, с. 209], который исполняет миссию обличения. По-

рочная и глухая к словам пророка толпа опирается на библейскую традицию: «Представленный Лермонтовым мотив неприятия слова Божьего звучит в библейских текстах довольно настойчиво: в Книге пророка Иеремии, в Книге пророка Исаии, евангельском рассказе об Иоанне Крестителе» [4, с. 121]. С. Д. Титаренко отмечает влияние Лермонтова на старших символистов, включая при этом запредельность и «пророческий дар» в общий для эпохи «дьяволический дискурс» [10, с. 111]. О.А. Бердникова прослеживает трансформацию традиционных парадигм художественного творчества «поэт-пророк» и «поэт – служитель Муз» на примере Белого, Блока, Гумилева [1, с. 39]. В этом рассмотрении исследователь акцентирует внимание на «технике» получения сакрального знания.

Для нас важно прояснить, как меняется образ пророка и его взаимоотношения с народом. Какие актуальные в произведении М.Ю. Лермонтова аспекты данного образа сохранились в модернистском дискурсе, а какие подвергаются трансформации.

Можно констатировать, что до встречи со всевышним лирический герой не видит злости и порока в очах ближних. Всеведение предполагает открытие *всех* аспектов познания. Но герой видит только страницы злости и порока. Почему злоба и порок разворачиваются как *страницы*? Душа – книга, а пророк – это ее читатель. Образ «душа-книга» указывает на запечатленность поступков, мыслей-переживаний. Каждая мысль и поступок буквально записаны в душах, но читать в душе-книге может не каждый обычный человек, а только посвященный – пророк. Видеть кого-то насквозь – это означает умение различать не только то, что человек показывает (каким хочет казаться), но и все то, что стремится скрывать. Всеведение – это знание абсолютной истины, но у других людей истина всегда относительна.

Здесь действительно важную роль играет тема *зрения* героя, поскольку именно любовь к людям, которая была возможна до обретения всеведения, в данном контексте трактуется как наивная и слепая, она предшествует прозрению. Прозревая, герой утрачивает всякое сострадание к ним. Ближние – это не те, кто близок по духу, а в том смысле, что они тоже люди. Такие «ближние» люди духовно далеки от смысла его учений. Обретённый пророком дар всеведения резко разделяет его от остальных людей и накладывает

дывает обязательства – провозгласить истину. Исследователи отмечают, что в этом произведении актуальны «темы одиночества поэта-пророка, одиночества, вызванного обладанием им сверхзнанием, обусловленным гениальностью, даруемой поэту вместе с пророческим даром» [7, с. 129]. Истина, которая открыта ему, не имеет ничего обнадеживающего и приятного, она горькая, поэтому не нужна людям. Противостояние людям и конфликт с ними – это тоже ветхозаветная традиция: «дом Израилев не захочет слушать тебя; ибо они не хотят слушать Меня, потому что весь дом Израилев с крепким лбом и жестоким сердцем» [5, Ис. 48, 4].

Нужно заметить, что нигде не сказано, что лирический герой как-то стремился к обретению всеведения или просил об этом. Оно было дано Всевышним, а желание или нежелание лирического героя принять этот дар – не учитывалось: «...человек не рождается поэтом, а превращается в него Божьим повелением, божественным глаголом» [9, с. 13]. Вместе с тем жест посыпания главы пеплом – это жест самоуничтожения, раскаяния, самоизгнания. Этим жестом герой отрекается от прежних действий и попыток кому-то что-то доказать и открыть. Происходит отказ от реализации своего дара. Если бы этот момент отсутствовал в произведении, то это бы означало, что пророка просто изгнали. Наличие этого жеста указывает на то, что он *сам* берет на себя роль изгнанника, готов принять эту роль, отрекается от действий.

Уход пророка в пустыню обусловлен угрозой для жизни: его способность читать в душах и обличать порок вызывает отторжение и создает угрозу для жизни. До обретения всеведения он был одним из прочих, был таким, как и его ближние. Именно поэтому реакция окружающих людей связана с недовольством. Возникает непонимание: в какой момент этот человек стал выше и лучше остальных? Кто наделил его правом что-то провозглашать? Возникает недоверие к тому, что кого-то из простых смертных коснулся сам бог и что-то открыл, ведь еще недавно (до обретения всеведения) он был одним из них.

Именно выражение «не ужился» показывает нам, что люди соседствуют в этом мире на основании если не любви, то на основании взаимной договоренности, прощают друг другу пороки, осознавая, что и сами не без греха. Миролюбиво относятся к тем, кто не превозносится. Можно вспомнить евангельские слова: «Кто

из вас без греха – первый бросьте в нее камень». Побивание камнями – это вид казни. В Евангелии казнь отменяется, когда каждый заглянул в собственную душу.

Сама суть пророческой миссии состоит в том, чтобы говорить с народом, но в него бросают камни, он вынужден замолчать и уйти в пустыню. Перед нами возникает изгнанный пророк, а значит, он лишен возможности нести свое пророчество кому бы то ни было, лишен возможности реализовать свою пророческую миссию. Если его слова, которые он произносит, обращаясь к звездам, не воспринимает никто из людей, если эти слова ничего не меняют ни в чьей жизни, то сам статус пророка обесценивается. Трагическая ситуация состоит в том, что в пустыне он находится в безопасности, но само его существование становится напрасным. Сами слова, которые срываются с его уст в присутствии других, подвергают его жизнь опасности.

Необходимо обратить внимание на то, что в произведении М.Ю. Лермонтова само пророческое слово отсутствует, дана лишь его общая характеристика: «любви и правды чистые ученья». На фоне этого речь старцев, обращенная к детям, приводится дословно. Важно отметить, что здесь сталкиваются два вида поучений: поучение пророка и поучение старцев.

Осуществляется такое поучение исходя из принципиально разных позиций. Такое столкновение и порождает трагический конфликт. Здесь сталкиваются противоположные формулы смысла жизни: 1) угрюм, худ, бледен, наг, беден, презирают все его; 2) весел, толст, румян, наряжен, богат, уважаем другими. И.А. Киселева обращает внимание на невозможность для пророка ведения того образа жизни, что и холеная толпа мудрецов. Для старцев сам нищий внешний вид пророка является наглядным доказательством его лжи и оставленности богом. В то время как «вопрос о соответствии поэта-пророка своему призванию, которое состоит не только в проповеди, но и в простой жизни» [4, с. 114]. Необходимо отметить жесткое противопоставление слова пророка и слова старцев.

В произведении «Пророк» М.Ю. Лермонтова последнее слово остается за старцами. Важно, что они высказывают позицию недоверия: «хотел уверить нас». Они верят в существование Всевышнего, но сама божественная логика в их понимании совершенно

иная. Она состоит в том, что благополучно живущие люди – это и есть те, кого Бог благословил. Указывая на облик пророка детям, они демонстрируют, что так жить нельзя: наг, худ, бледен, беден и т.д. Его истина не обретает поддержки, поскольку оторвана от реальной окружающей их жизни. Любовь и правда не случайно никак не конкретизируются в тексте, поскольку то, о чем говорит пророк, для людей слишком абстрактно, носит отвлеченный характер. Трагизм ситуации состоит в разорванности между идеалом любви и правды и реальностью жизни, в которой живут все остальные люди. То, что он проповедует, оказывается несовместимо с жизнью. Герой становится изгоем не только потому, что его изгоняют люди, но и потому, что сама жизнь его изгоняет за свои пределы.

В природе лирическому герою покорна всякая тварь, а люди – нет. Но тварь покорна не потому, что пророк силой ее покорил, а потому, что его устами говорит сам предвечный, на его устах благословение их творца. Между звездами и тем, что он говорит, отсутствует конфликт, который был на грешной земле. То есть можно констатировать гармонию лирического героя с миропорядком, но таким миропорядком, в котором исключается *другой живой человек*. Как только появляется другой человек – начинается конфликт. Всеведение открывает, что доброта и чистота исключены в том мире, в котором находится этот герой. Любовь и правда вытеснены из мира, в котором живет и действует герой произведения. Поэтому его чистые учения просто не актуальны для остальных людей, которые привыкли жить именно земными, грешными, суетными заботами. Определение «горд был, не ужился с нами» свидетельствует о бескомпромиссной позиции героя, что и создает в конечном счете неразрешимый трагический конфликт. Когда герой провозглашает свои учения, мы понимаем, что он взял их у Всевышнего, а не из того мира, который его окружает (на это указывает и первая строфа и весь остальной текст). Герой Бальмонта как раз наоборот – обретает свое учение из созерцания возвышенных гор, т.е. из окружающей природы.

Шумный град можно воспринять как нечто фактическое – многолюдный город, в котором сталкиваются очень разные люди, смешиваются слова на разных наречиях, царит деловая суета. Но перед нами не просто изображение какого-то города, а всего

человеческого мира как ничтожного муравейника. Шум указывает еще и на хаотичность звуков, отсутствие упорядоченности, бессмысленность. Разрозненность и разношерстность шумного града противостоят единству миропорядка, в котором и звезды, и земная тварь пребывают в гармонии с пророчеством героя.

Возникает печальная картина ненужной истины. Человек ищет счастья, а не истины. Здесь истина и счастье жестко противопоставлены, истина оказывается горькой, нестерпимой. Истина указывает на то, что на фоне любви и правды их собственная жизнь и душа исполнены лжи и ненависти. Речь идет не о конкретном городке и какой-то общине, а о том, что всякая истина горька для обычного человека, с ней трудно смириться. Лживые слова старцев – звучат и определяют мировосприятие будущих поколений (поучают детей). Звучащее, доступное слово, которое произносят признанные авторитеты (старцы) – искажено их восприятием, оценивающим пророка по внешнему виду. Возникает трагический пафос, а не нравоучительный. Сам мир не состоит только из любви и правды, поэтому перед нами не трагедия единичного героя-пророка, а всего миропорядка.

В произведении В. Брюсова «Моисей» заглавие текста сразу отсылает нас к ветхозаветному событию обретения Моисеем священного слова, которое описано в Книге Исхода. Прямая отсылка к конкретному ветхозаветному пророку позволяет при интерпретации текста обращаться к библейскому первоисточнику. Но также несомненно, что стихотворение существует в историко-литературном контексте и образ пророка неизбежно воспринимается в соотнесенности с другими пророками русской лирики.

В центре стихотворения В. Брюсова момент обретения божественного слова: в устном («Великие слова в мечтах моих звучали...») и письменном (скрижали) вариантах. Представляется, что для героя устное слово важнее, чем письменное, потому что притяжательное местоимение «мои» возникает применительно к звучащим словам, а скрижали возникают в тексте с эпитетом «ненужные». Повторно производится письменное слово, но обиженный на весь род человеческий Моисей замолкает, в финале стихотворения он разговаривает с богом, но не с людьми, пророческое слово не звучит и не прозвучит, даже если найдутся желающие слушать.

Брюсов воспроизводит библейский сюжет уничтожения скрижалей и их восстановления, но полностью меняет образ Моисея: библейский персонаж заступался за свой народ, защищая его от божественного гнева, а брюсовский герой противопоставляет божественной любви свое человеческое презрение. Формальное подчинение (новые скрижали были изготовлены) не дает поставить вопрос о богоборчестве, но он в шаге от того. Возникает драматическая ситуация обесмысленной жизни.

Образ священного слова раскрывается здесь как с позиции самого Моисея, так и с позиции божественной воли. Великие слова оказались ненужными: негодование побуждает его разбить скрижали. Но вера в мудрость высшей воли побуждает восстановить скрижали. Так, событие обретения священного слова в этом произведении повторяется дважды. В первый раз – во имя веры, а во второй – во имя любви. Послушание высшей воле приводит к ее исполнению, но любовь просто к людям выше понимания самого героя. Отсутствие гнева и печали в душе, где когда-то звучали мечты, указывает на пустоту и то, что образ разбитых скрижалей соотносится и с самим Моисеем, его личной утратой смысла. Слова скрижалей остались в его понимании священными, но для самого героя окончательно утратился смысл их обретения.

Два стихотворения К. Бальмонта «К людям» и «В домах» связаны с лермонтовским «Пророком», однако при сопоставлении мы видим, что Бальмонт не продолжает традицию Лермонтова, а отделяется от нее.

Упоминание в тексте Бальмонта «В домах» о том, что все целно в просторах безлюдных пустынь – это прямая перекличка с текстом Лермонтова. Цельность в природе здесь также противостоит разрозненности в городах. Но с другим акцентом: у Лермонтова герои имеют хотя бы какие-то личностные черты, даже если это черты злобы и порока, а у Бальмонта люди безлики, не способны ни к добру, ни к злу. В стихотворении Лермонтова всеведение пророку дает Всевышний, а в произведении Бальмонта герой *сам* обретает его, заглядывая в свое сердце и созерцая возвышенность гор. Пророк из произведения Бальмонта не уходит в пустыню, а предлагает людям учиться у природы.

Разоблачительный тон лирического героя в произведении Бальмонта «В домах» стремится к указанию на серость, ничем-

ность жизни людей, в которой даже порока нет. Оно содержит картину неприглядной жизни в каменном городе, в котором нет света (лучей солнца) и цвета (бледные люди и выцветшие слова). Такая серая действительность противопоставляется творческому чуду. Четко определенные противостоящие полюса указывают на романтическую установку, где чудо всегда противостоит повседневности, а индивидуализм героя – серой массе людей-гномов. Громады домов не соразмерны людям-гномам. Серость и усредненность их жизни состоит в том, что они равноудалены от крайностей бытия: они не сталкивались со смертью, как и не видели настоящей жизни. Их пугает все, что выходит за границы спокойствия. Любовь в цепях – это указание на страх и скуку в их жизни. Напротив, что жизнь глубока и прекрасна – это выясняется только в непосредственной близости к смерти.

Речь людей, к которым обращается поэт-пророк, представлена как лепет, как нечто нечленораздельное, лишенное артикуляции. Недослова характерны для недолудей – гномов, живущих в клеточках. Привидения людские – это отражает характер их жизни, которая, как и призрак, застрявший между мирами, находится между чем-то и чем-то. Привидение – это подобие человека. Привидение – это смерть при жизни. В Аду у Данте находятся те, кто так и не выбрал сторону, кто не сделал в жизни ничего хорошего и ничего плохого. Поэтому обвинение в произведении К. Бальмонта перекликается с фрагментом «Божественной комедии», когда мы встречаем те души, которые вели усредненное существование, не сделав за всю свою жизнь ни зла, ни блага. И вождь в ответ: «То горестный удел / Тех жалких душ, что прожили, не зная / Ни славы, ни позора смертных дел» [3, с. 19]. В произведении Бальмонта дано сложное соседство зла и блага, которое не мешает герою жить. В тексте Лермонтова благо (любовь и правда) жестко противостоит злу, которое читается в очах людей. Присутствует противопоставление жизни мира (шумный град) и жизни духа (пустыня).

Если в произведении Лермонтова обозначается безвыходное положение, невозможность найти общий язык между людьми и пророком, то в произведении «В домах» и «К людям» все-таки звучит обращенное к людям слово, в надежде быть услышанным. Поэтому в произведениях К. Бальмонта возникает сам текст про-

рочества, в обоих случаях можно выделить обличение аудитории и утверждение новых ценностей.

Образ приговоренных к преданью людей предполагает слепое следование своду правил без понимания смысла. Формулировки заучиваются, повторяются из поколения в поколение, но смысл все более замутняется. Выцветшие слова сохранили свой расхожий смысл. Вероятно, имеется в виду Священное Писание, которому люди слепо следуют, не понимая его смысла. Выцветшие слова сохранили свой расхожий смысл, которого достаточно для ведения серой жизни, однако для постижения смысла жизни требуется новое пророческое слово и такое слово – звучит. Оно звучит с надеждой быть услышанным. Оно указывает на серость, но раскрывает (описывает) и другой, яркий мир: молния губит зверей и людей, лавина несется, губя – это миг ослепительный, смерть в экстремальных природных условиях. Пафос такого миропонимания можно достаточно точно передать, если вспомнить лозунг рок-культуры: *Live fast, die young*. Заподозренные чувством святыни – это святыни, оскорбленные подозрением, рационализацией, трусливой опасливостью. Всякая подозрительность недостойна святыни, так как святыня – вне подозрений. В этом и состоит смысл веры. Под святыней понимаются здесь те ценности, которые закованы в цепи. Образ цепей перекликается с образом казни. Казнь – это публичное убийство-наказание за какую-то вину. В чем вина? Вина состоит в убогом представлении о счастье, в отказе от полноты жизни, от творчества, от риска.

Казнь – это каждая упущенная возможность жить. Людям, изображенным в этом произведении, принципиально недоступно вдохновение и творчество, поскольку вся их жизнь находится в пределах рационального и практического. Как отмечает А.Л. Вольский: «Поэзия – божественная мудрость, высшее знание, но это знание имеет для современного человека странный вид. Оно загадочно, темно и логически противоречиво, ускользает от попыток использования в практической деятельности» [2, с. 36].

В произведении «К людям» интонация лирического героя уже не обличительная, а вдохновляющая, призывная. Здесь картина мира обозначается непосредственно прямо: опьянение выше всех знаний и слов. Опьянение не обязательно понимать буквально, достаточно отметить указание на то, что все идущее от рассуди-

тельности, умеренности, благополучия – противостоит чувству. Опыание – это вдохновение, творчество, в котором раскрывается, что жизнь – это нечто большее, чем книжная мудрость мудрецов.

В произведении Бальмонта «К людям» мудрость обретается не рассудочным путем, а в экстазе: «Вдохновение и знание не только нераздельны, но присутствие первого является непременным условием возникновения второго. Истинное знание дается богами, только вдохновленному богами пророку, который выступает как медиум передачи такого знания. Первейшим условием восприятия такого знания является отказ от собственного ума, выход из собственной субъективности – экстаз» [3, с. 36]. Образ опыания здесь задает границу мира: колебание состояний, игровое, пограничное состояние, которое приоткрывает для человека контакт с внебытовыми смыслами, соответствует переходу из прозаического, поглощенного земными заботами состояния мира к творческому. Образ мирового вина «упьюсь мировым вином» и воскресну – слитность с вселенским масштабом. Это становится моментом обновления, перекликается с образом обновляющего утра, воскрешения для подлинной жизни.

* * *

Образ пророка и его слова в произведении М.Ю. Лермонтова перекликаются с образами пророка в произведениях К. Бальмонта и В. Брюсова, но подвергаются трансформации. В лермонтовском «Пророке» последнее слово, передаваемое детям, остается за старцами и свидетельствует о том, что «чистые учения» не имеют шансов на реализацию, а сам мир, в котором смешиваются порок и чистота, злоба и любовь, – не идеален. Этот мир таков, как есть, и мечта пророка об идеальном состоянии мира вытесняется за пределы самой человеческой жизни (в пустыню). Это влечет за собой драматический конфликт: герой наделен даром, который не может реализоваться.

Герой-порок В. Брюсова ближе к лермонтовскому герою: как и в случае с пророком К. Бальмонта, он стремился донести людям слова Всевышнего и священные скрижали, но они оказались ненужными. В произведении Лермонтова людям не нужна горькая истина, которую открывает пророк, в произведении

В. Брюсова увеселения и земная суета (поклонение золотому тельцу) – выбор людей. Это приводит не только к невозможности реализации (как в произведении Лермонтова), но и полной утрате смысла жизни для самого пророка.

В произведениях К. Бальмонта и В. Брюсова сохраняется противопоставление лирического героя и всех прочих людей, но последнее слово остается за ним. Во всех трех случаях лирический герой – исключительная личность, обладатель дара и предназначения, противостоящая безликой толпе. Но следует обратить внимание на самостоятельное обретение всеведения в произведении К. Бальмонта, что подчеркивает установку на индивидуализм, тогда как в произведении М.Ю. Лермонтова всеведение дано свыше вне зависимости от воли избранного.

Мы видим, что миссия пророка в произведениях поэтов-символистов реализуется – они пророчествуют, а в произведении М.Ю. Лермонтова нет выхода, и пророк умолкает. В модернизме пророчество лирического героя не только звучит, но и указывает определенное направление. Попытка распутать «клубок жизни», т.е. разложить все по ниточкам (по полочкам), упорядочить – это чисто рациональная операция, тогда как любовь, игра, творчество – выше всех рациональных знаний, учений и слов.

Пророк в произведении К. Бальмонта рассказывает всем людям о том, что полюбить – это значит понять сердцем. Параллельно к обличительной интонации умеренной (опасливой, боязливой) и скучной жизни дается картина яркой, творческой, деятельной жизни. Перерождение и переосмысление связано с осознанием истинной любви к миру, а не с его отрицанием. Возвышенность гор – это конкретный образ, который репрезентирует истину и красоту мира. В произведениях символистов мир соткан из зла и добра: гром радостен / молния смертельна; прекрасна возвышенность гор / лавина несется губя.

Слиянием с природой в тексте К. Бальмонта объясняется цикличность духовной жизни героя: умру и воскресну. Здесь пророк не одиноко замыкается в природном мире, как пророк в произведении М.Ю. Лермонтова, а обличает серость сидящих в домах, раскрывает, что другой путь и обретение смысла – возможны.

Список литературы

1. Бердникова О.А. «Поэт серебряного века» как духовная проблема // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 3. С. 39–43.
2. Вольский А.Л. Poeta vates vs. Poeta doctus: Платон и Аристотель // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. № 183. С. 35–47.
3. Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1967. 627 с.
4. Киселева И.А. «Пророк» (1826) А.С. Пушкина и «Пророк» (1841) М.Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129.
5. Книга Пророка Иезекииля. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/eze/3/> (дата обращения: 09.09.2021).
6. Королева С.Б. Пророческая тема в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 206–225.
7. Медведев Н.П. Тема поэта-пророка у Лермонтова и Пушкина // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 127–133.
8. Нестерова Т.А. Образ поэта-пророка в творчестве А.С. Хомякова // VIII Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянское слово в контексте времени». Межвузовский сборник научно-методических статей. 2016. С. 64–68.
9. Степун Ф.А. Встречи. М.: АГРАФ, 1998. 251 с.
10. Титаренко С.Д. Лермонтов и русский символизм: «дух готики» и трансформация романтической традиции // Соловьевские исследования. 2015. № 1(45). С. 102–115.

References

1. Berdnikova, O.A. “‘Poeht serebryanogo veka’ kak dukhovnaya problema” [“‘The Poet of the Silver Age’ as a Spiritual Problem”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, vol. 15, no. 3, 2009, pp. 39–43. (In Russ.)
2. Vol'skii, A.L. “Poeta vates vs. Poeta doctus: Platon i Aristotel” [“Poeta Vates vs. Poeta Doctus: Plato and Aristotle”]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 183, 2017, pp. 35–47. (In Russ.)

3. Dante, Alig'eri. *Bozhestvennaya komediya* [*The Divine Comedy*]. Moskva, Nauka Publ., 1967, 627 p. (In Russ.)
4. Kiseleva, I.A. “‘Prorok’ (1826) A.S. Pushkina i ‘Prorok’ (1841) M.Yu. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa” [“‘The Prophet’ (1826) by A.S. Pushkin and ‘The Prophet’ (1841) by M.Y. Lermontov: comparative semantics of the motivic complex”]. *Problemy istoricheskoi poehtiki*, vol. 18, no. 1, 2020, pp. 111–129. (In Russ.)
5. *Kniga Proroka Iezekiilya* [*The Book of the Prophet Ezekiel*]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/bible/eze/3/> (accessed: 09.09.2021).
6. Koroleva, S.B. “Prorocheskaya tema v stikhotvorenii A.S. Pushkina ‘Prorok’: dialog s traditsiei i ehpokhoi” [“Prophetic Theme in A.S. Pushkin's Poem ‘The Prophet’: Dialogue with Tradition and Epoch”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 61, 2019, pp. 206–225. (In Russ.)
7. Medvedev, N.P. “Tema poehta-proroka u Lermontova i Pushkina” [“The Theme of the Poet-Prophet by Lermontov and Pushkin”]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 4, 2014, pp. 127–133. (In Russ.)
8. Nesterova, T.A. “Obraz poehta-proroka v tvorchestve A.S. Khomyakova” [“The Image of the Poet-Prophet in the Works of A.S. Khomyakov”]. *VIII Kirillo-Mefodievskie chteniya “Slavyanskoe slovo v kontekste vremeni”. Mezhvuzovskii sbornik nauchno-metodicheskikh statei*, 2016, pp. 64–68. (In Russ.)
9. Stepun, F.A. *Vstrechi* [*Meetings*]. Moskva, AGRAF Publ., 1998, 251 p. (In Russ.)
10. Titarenko, S.D. “Lermontov i russkii simvolizm: ‘dukh gotiki’ i transformatsiya romanticheskoi traditsii” [“Lermontov and Russian Symbolism: the ‘Spirit of Gothic’ and the Transformation of the Romantic Tradition”]. *Solov'evskie issledovaniya*, vol. 45, no. 1, 2015, pp. 102–115. (In Russ.)

А.М. Любомудров

© Любомудров А.М., 2022

**«ПОЖЕЛАЕМ ДРУГ ДРУГУ НАДЕЖДЫ,
ВОЗДУХА И ПЕРЕМЕН». ПИСЬМА Б.К. ЗАЙЦЕВА
К Е.Д. КУСКОВОЙ (1928–1933)**

Аннотация. Впервые вводятся в научный оборот письма Б.К. Зайцева к Е.Д. Кусковой. Публикация позволяет уточнить детали биографий обоих корреспондентов. Письма дают представление о деятельной заботе Кусковой о русских писателях-эмигрантах, получавших стипендии в рамках «Русской акции» чешского правительства. Содержатся оценки крупнейших газет русского зарубежья «Возрождение» и «Последние новости», их редакционной политики. Представляет интерес полемика корреспондентов о роли Максима Горького в создании Всероссийского комитета помощи голодающим – Помгола. Уточняется история вручения Ивану Бунину Нобелевской премии.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев; Е.Д. Кускова; П.Н. Милюков; А.О. Гукасов; М. Горький; русское зарубежье; «Русская акция»; Пражский архив; Помгол.

Получено: 05.11.2021

Принято к печати: 13.12.2021

Информация об авторе: Любомудров Алексей Маркович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, 4, 119034, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: anketaspb@yandex.ru

Для цитирования: Любомудров А.М. «Пожелаем друг другу надежды, воздуха и перемен». Письма Б.К. Зайцева к Е.Д. Кусковой (1928–1933) // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 155–181. DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.09

Aleksei M. Lyubomudrov
© Lyubomudrov A.M., 2022

**“LET’S WISH EACH OTHER HOPE,
MUCH AIR AND GO-AHEAD TIMES”. LETTERS FROM
B.K. ZAITSEV TO E.D. KUSKOVA (1928–1933)**

Abstract. For the first time letters from B.K. Zaitsev to E.D. Kuskova are introduced into scientific usage. The publication allows to clarify the details of the biographies of both correspondents. The letters illustrate Kuskova’s productive care of Russian emigrant writers who received scholarships from the “Russian Action” headed by the Czech Government. The correspondence contains estimates of the largest Russian emigrant newspapers “Vozrozhdenie” and “Poslednie Novosti” as well as their editorial policy. Some letters reflect the polemic of the two correspondents about the role of Maxim Gorky in the creation of the All-Russian Committee for Helping the Starving (Pomgol). Some details of the celebrations on the occasion of the presentation of the Nobel Prize to Ivan Bunin are also specified.

Keywords: B.K. Zaitsev; E.D. Kuskova; P.N. Milyukov; A.O. Gukasov; M. Gorky; Russian emigration; “Russian Action”; Prague archive; Pomgol.

Received: 05.11.2021

Accepted: 13.12.2021

Information about the author: Aleksei M. Lyubomudrov, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkii Dom) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment, 4, 119034, St Petersburg, Russia.

E-mail: anketaspb@yandex.ru

For citation: Lyubomudrov, A.M. “‘Let’s Wish Each Other Hope, Much Air and Go-ahead Times’. Letters from B.K. Zaitsev to E.D. Kuskova (1928–1933)”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 155–181. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.09

Что могло объединять двух столь несхожих представителей русского зарубежья – Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972), «легкозвонного стебля» литературы Серебряного века, и Екатерины Дмитриевны Кусковой (1869–1958) – пламенной публицистки и неутомимой общественницы? Их мировоззрение, идейные ориентиры, взгляды на Россию и ее будущее были противоположны. Зайцев, печатаясь в самых разных изданиях зарубежья, не участвовал в идеологических спорах, был далек от политической деятельности, отстаивал ценности православия и всегда

был непримирим к большевистской власти. Кускова, убежденная социалистка, близкая к Республиканско-демократическому объединению П.Н. Милюкова, сотрудничала в левых газетах. Идеи Кусковой о необходимости сближения с советской властью, о желательности возвращения эмигрантов в СССР часто вызывали отповедь в среде эмиграции.

Тем не менее Зайцев и Кускова были связаны многолетней дружбой. Истоки ее – в общем для обоих и достаточно опасном деле. В 1921 г. они, наряду с многими представителями российской интеллигенции, вошли в состав Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгол). Комитет получил право собирать средства, приобретать продовольствие за рубежом, распределять его среди нуждающихся. Инициатива эта оказалась делом рискованным и едва не стоила жизни многим ее участникам. Спустя шесть недель после создания Помгола, 27 августа 1921 г., члены его были арестованы, наиболее активным (в том числе Е.Д. Кусковой и ее мужу С.Н. Прокоповичу) грозил расстрел, от которого их спас Ф. Нансен, один из организаторов международной помощи голодающей России. Впоследствии и Кускова, и Зайцев оставили воспоминания об этих «веселых днях»¹.

Спустя год после ликвидации Помогла оба оказались в эмиграции, в Берлине. Оттуда Зайцев приехал в Париж, где ему предстояло полвека продолжать свою литературную деятельность, а Кускова – в Прагу, где проявила себя как публицист и общественный деятель. Она вошла в Пражский земско-городской комитет, была членом совета Русского заграничного исторического архива (РЗИА), Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1939-м переехала в Женеву.

Интереснейшая и яркая фигура русской эмиграции, Е. Кускова оставила обширное эпистолярное наследие, которое представляет несомненную историческую и литературоведческую ценность. Оно только начинает входить в научный оборот [см.: 14; 15]. Публикуемые письма Б. Зайцева хранятся в личном фонде Е.Д. Прокопович-Кусковой в ГАРФ (Ф. Р-5865). История этого фонда такова: после оккупации Праги немцами в 1939 г. Прокопо-

¹ О своем участии в Помголе Б. Зайцев вспоминал в очерках «“Весёлые дни”. 1921» (1928) [5, т. 6, с. 127–138], «Максим Горький. К юбилею» (1932) [там же, с. 302–311], а также в очерке «Далекое» (1963) [4, с. 384–387].

вичи перебрались в Швейцарию. Перед отъездом они передали свои бумаги в Русский зарубежный исторический архив (РЗИА). В 1946 г. его материалы были увезены из Праги в Москву и попали в ГАРФ, где были впоследствии сформированы фонды Кусковой и Прокоповича.

Местонахождение ответных писем Е. Кусковой к Б. Зайцеву неизвестно. Однако содержание их легко восстанавливается благодаря тому, что Зайцев достаточно подробно обрисовывает оценки, мнения и вопросы своей корреспондентки. Письма Зайцева Кусковой охватывают период в пять лет (1928–1933). Их объединяет несколько сквозных тем, которые представляют интерес для биографов обоих корреспондентов.

Одна из них связана со стипендией, которую Зайцев получал из Чехословакии. В 1921 г. чешское правительство приняло программу многосторонней помощи русским эмигрантам – «Русская акция». Средства поступали из Президентского фонда, Министерства иностранных дел, Красного Креста, от благотворительных организаций и частных лиц. Посредником в распределении финансов стало Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике («Пражский Земгор»; работал в 1921–1935 гг.). Стипендии Земгора, в частности, получали несколько литераторов, проживавших во Франции, среди них Бунин, Ремизов, Цветаева, Бальмонт, Тэффи, Мережковский, Зайцев, Д.Н. Крачковский. Эта помощь поддерживала русских беженцев, живших небогато: заработанных ими гонораров подчас едва хватало на элементарные жизненные нужды. В письмах Зайцева и его супруги Веры Алексеевны 1920–1930-х годов не раз встречаются упоминания о том, что они едва сводят концы с концами. Деньги уходили на оплату жилища, на обучение дочери. Так, Вера Зайцева в письмах Вере Буниной сетует: «Мы сидим тоже без “грошей” <...> очень сейчас трудно, в нашем “мозге России” (эмиграции) стоит скул (от глагола скулить), многие потеряли место, денег нет» [5, т. 6, с. 432]; «У нас тоже положение аховое. В месяц мы “имеем” 1500 фр<анков>, но мы не унываем. Квартиру придется переменить на 2 комнаты» [там же, с. 434].

На рубеже 1930-х годов финансирование «Русской акции» стало сокращаться. «Мировой кризис конца 1920-х – начала 1930-х гг. не обходит Чехословакию. Прежних средств на “Рус-

скую акцию” правительство выделить уже не может: вместо 90 миллионов крон в лучшие годы ограничивается в 1930-м 15-ю миллионами», – сообщает исследователь [12, с. 134]. Под сокращение неоднократно попадал и Борис Зайцев. Этот вопрос на протяжении нескольких лет он обсуждал с Иваном Бунинным; письма датированы январем, потому что стипендию прекращали выплачивать с нового календарного года. 11 января 1929 г. он пишет Бунину: «В рассуждении чехов дело пока неважно. Разумеется, никто не получил. Но из Земгора прошел слухок, что еще на 6 мес<яцев> раздобыли 3 миллиона, и Земгору уже дали. Мережковский просил меня написать Масарику (!)², но я сделал несколько проще – всего только Ляцкому³ написал (этот хоть знает, кто я), с просьбой “нажать” на наши стипендии. Вот, может быть, ты Масарику напишешь? Или вообще кого в Праге знаешь? В Земгоре говорят, что личное давление там имеет большое значение, пример самого Земгора убедителен (служащих известили, что жалованья за январь не будет, а потом все же прислали)» [5, т. 11, с. 68–69].

7 января 1930 г.: «Ты уже заметил, вероятно, что чехи молчат. С января стипендии прекращены. Если ты тоже, как другие здесь, не получил, то, по утверждению спецов, надо сейчас же писать в Прагу, кто кому может, добываясь “индивидуально” продления хотя бы на год. Крачковский⁴ из Ниццы пишет мне, что ему “по болезни” стипендия продолжена. Оказывается, некоторые догадливые люди хлопочут уже с октября!» [там же, с. 71–72].

28 января 1931 г.: «О чехах ты, конечно, знаешь. Но по нашим сведениям, Кускова хлопочет за тебя, меня и Ремизова – выйдет ли что-нибудь, сказать пока нельзя, все же маленькая щелка есть (но все это не для распространения)» [там же, с. 73].

² Томаш Масарик – чешский философ и общественный деятель, президент Чехословакии в 1918–1935 гг., вдохновитель и организатор «Русской акции помощи». См.: [11].

³ Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942) – этнограф, фольклорист, историк литературы, публицист. С 1922 г. жил в Праге. Профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Карлова университета, руководитель издательства «Пламя».

⁴ Крачковский Дмитрий Николаевич (1882–1947) – прозаик, редактор, издатель. В эмиграции жил в Болгарии, Чехословакии, Франции.

Е. Кускова (как и С. Прокопович) входила в состав Земгора. Она пользовалась влиянием в различных комитетах, общалась с министром иностранных дел Чехословакии Бенешем, одним из идеологов «Русской акции», ходатайствовала за конкретных лиц. Вот почему Зайцев каждый раз, как субсидии прекращались, просил именно Е. Кускову похлопотать об их восстановлении. Весомым аргументом была необходимость оплачивать учебу дочери Наташи.

Из благодарственных писем Бориса Константиновича явствует, что Кускова неоднократно выручала Зайцева и его собратьев-писателей, и выплаты возобновлялись. Характер Екатерины Дмитриевны Р. Гуль справедливо определил так: «душа – христианка (настоящая), а рассудок – социал-демократ. Поэтому в частной жизни Е.Д. была человеком необыкновенным: всякому бросалась помочь; тут не было ни эллина, ни иудея, ни богатого, ни бедного, ни правого, ни левого – люди, и только люди! А вот в писаниях часто проявлялась куриная слепота социалистического доктринерства» [2, с. 217].

Другая тема, затронутая в переписке, – история Помгола и личность А.М. Горького. В письмах отразилась реакция Кусковой на два зайцевских мемуара о Помголе – 1928 и 1932 гг. Первый из них – ««Весёлые дни». 1921» – побудил и саму Кускову обратиться к этой теме. Свою большую статью «Месяц “соглашательства”», где подробно излагается история Помгола, она открывает упоминанием об этом очерке и замечает: «Б.К. Зайцев, – беллетрист, художник – коснулся в своих воспоминаниях лишь стороны лирически-бытовой и моральной. Политическая сущность Комитета оставлена им в стороне. Между тем давно пора описать это явление так, *“как оно было”*, и в особенности в главной части его, политической» [6, с. 51]. Действительно, Зайцев описывал события с юмором, как опасное приключение: «...наша жизнь приобрела некий острый, романтически-заговорщицкий оттенок» [5, т. 6, с. 129]. В его очерке обрисованы характеры и настроения арестантов, оказавшихся на краю гибели: «...мы в тюрьме были бодры, потому что правда была за нами» [там же, с. 138].

Кускова, как следует из письма Зайцева от 16 февраля 1928 г., поблагодарила его за очерк, за память, за достойно воссозданные образы членов Помгола. Но спустя четыре года публика-

ция другого материала Зайцева, где была затронута история комитета – «Максим Горький. К юбилею» («Возрождение», 1932, 15 и 30 окт.), – вызвала протест Кусковой, и здесь друзья оказались на грани ссоры.

Е.Д. Кускова поддерживала товарищеские отношения с Горьким, вела с ним переписку, но в 1920-е годы резко критиковала метаморфозы его взглядов и позиций. Упреки Горькому, в том числе за очернительство русской интеллигенции, содержатся в ее статьях «Обескрыленный сокол» (1928) [7] и «Юбиляр» (1932) [10] – последняя появилась в печати за месяц до зайцевского очерка⁵. Большую работу, посвященную Горькому, она опубликовала также в 1954 г., суть ее понятна из названия: «Трагедия Максима Горького» [8].

Борис Зайцев в период своего сотрудничества в товариществе «Знание» встречался с его главой М. Горьким, но никогда не испытывал к нему особой симпатии. В пореволюционные годы отношение стало резко негативным. Бичующие, полные негодования строки находим в дневниковых записях Зайцева «Странник» от 17 августа 1926 г. (поводом послужил сочувственный некролог Горького о Ф. Дзержинском): «двусмысленный, мутный и грубый человек, очень хитрый и лживый», «друг палачей, восхвалитель Лениных и Дзержинских, разбогатевший пролетарий и человек весьма темной репутации, грязнит собою русскую литературу» [5, т. 9, с. 72].

В заметках «Максим Горький. К юбилею», написанных к 40-летию литературной деятельности, Зайцев вновь дает нелицеприятные оценки личности и поступкам «буревестника революции». Горький предстает как человек, который, приехав в СССР, лишился своего языка, склада мыслей, человеческого облика; антидуховность – «одна из самых страшных черт Горького» [5, т. 6, с. 307, 311]. В этих суждениях Зайцев был не одинок: возростав-

⁵ В комментариях к статье А.В. Луначарского «Самгин» (впервые опубликованной в девятой книжке «Красной нови» за 1932 г.) ошибочно указывается, что Луначарский полемизировал со статьей Кусковой «Обескрыленный сокол» (1928). В действительности автор подвергал острой критике другую работу Кусковой о Горьком – «Юбиляр» («Последние новости», 1932, 12 сент.). Кускова отозвалась на критику Луначарского новым объемным материалом – «О легендах и о победителях» («Последние новости», 1932, 24 дек.).

шие симпатии Горького к советской власти порождали в среде эмиграции целый ряд негативных оценок его личности и развенчаний его как художника⁶. В том числе и самой Кусковой: следующая ее характеристика Горького отличается от зайцевской разве что большей сдержанностью, но суть та же: «Официальный регистратор “блестящих” достижений власти, он уже не в силах уловить ни тяжких стонов голодной по цивилизации земли русской, ни велений новой жизни, ни страданий связанной интеллигенции» [7, с. 345].

Познакомившись с «юбилейной» публикацией Зайцева, Е. Кускова сразу же, буквально через неделю, откликнулась полемической заметкой «Это неверно» («Последние новости», 1932, 6 ноября): «Очень тяжелое впечатление производит статья Б.К. Зайцева. <...> Не следует даже на врага навешивать лишний груз грехов, которых он не совершал» [9]. Но предметом спора явились вовсе не свидетельства нынешнего перерождения писателя. Возмущение Кусковой вызвали строки, где говорилось о провокационной роли Горького в создании Помгола. Искажение исторической правды она усмотрела в следующем утверждении Зайцева: «Помгол – детище Горького. Он убеждал Прокоповича и Кускову, он втравил и других в это дело сотрудничества с властью в грозную для народа минуту. Сам был где-то за сценой. Вроде маклера и зазывателя. Но в комитет не являлся, и когда всех нас арестовали, Горького не было с нами. Мы сидели в Чеке – вдохновитель, быть может, “спекулировал” в Петербурге или развлекался в Москве» [5, т. 6, с. 309].

Екатерина Дмитриевна намекает, что Зайцев исказил факты сознательно: ведь как участник Помгола он «не мог не знать подробностей организации этого дела и роли Горького в нем». И далее восстанавливает истинный ход событий: идея комитета зародилась без всякого участия Горького. Познакомившись с планом работы комитета, он взял на себя инициативу разговора с Лениным, а затем сопровождал лидеров организации в Кремль для перегово-

⁶ Подробнее об этом см. работу И.А. Ревякиной [13]. Поздние заметки Зайцева «О Горьком и о былом» (1967) написаны в более спокойном тоне, автор признает заслуги Горького, заступавшегося за тех, кому грозили репрессии; в целом же судьба его представлена как трагическая, завершившаяся отравлением по приказу Сталина [5, т. 9, с. 440–446].

ров с Л. Каменевым. Защищая доброе имя «буревестника революции», Кускова говорит о его благородном поступке: «Был даже момент, когда Горький вполне понял всю опасность затеянного нами дела и добросовестно предупредил нас об этом» [9].

Зайцев оказался, видимо, чувствительно задет, поскольку откликнулся на эти упрёки лишь пять месяцев спустя, в письме от 28 марта 1933 г. Ведь публичных обвинений в неправде и даже умышленной клевете ему не предъявляли ни до, ни после заметки Кусковой. Отношения двух корреспондентов не испортились, думается, благодаря миролюбивому характеру Бориса Константиновича: «...не хотелось брать того тона, какой Вы взяли по отношению ко мне <...> полемики не люблю».

В этом письме слышатся отголоски идейно-политических разногласий в лагере русской эмиграции, проявлявшихся в спорах двух крупнейших газет русского зарубежья – «Последние новости» и «Возрождение». В октябре 1927 г. Зайцев разорвал отношения с «Последними новостями» и принял решение сотрудничать с «Возрождением», причины перехода были, однако, не политическими, но экономическими [подробнее см.: 3, с. 10–12]. При этом писатель оказался перед лицом непростой этической коллизии: как раз накануне прихода Зайцева в «Возрождение» ее главный редактор П.Б. Струве, а вслед за ним и два десятка ведущих сотрудников, в том числе Иван Бунин, ушли из газеты из-за разногласий с ее издателем А.О. Гукасовым, и этот поступок Зайцев приветствовал («Мне очень понравилось, что Иван ушел из Возрождения. <...> Гукасов, конечно, хам» [5, т. 11, с. 55]). Поэтому спустя месяц он ощущает неловкость перед Буниным: «...то, что ты ушел, а я вхожу, мне неприятно, и с Гукасовым иметь дело тоже невесело» и оправдывается: «Я должен как-то, хоть минимально, обеспечить себя и семью, чтобы было чем платить за квартиру... Четыре месяца я сижу *без гроша*, надоело» [там же, с. 55].

Таким образом, публикуемая переписка велась в годы, когда корреспонденты являлись авторами двух враждебных изданий. Из письма видно, что Кускова обратилась к Зайцеву с личным посланием, где высказала ряд претензий к «Возрождению» и его публикациям. Это и упомянутый зайцевский очерк о Горьком, и фельетон А. Ренникова «Саморазвитие духа», появившийся в этой газете 10 марта 1933 г. Он был полон сарказма по поводу

П. Милюкова и Е. Кусковой, к тому же в нем прозвучало давнее издательское прозвище основателей Помгола – «прокукиши». Зайцев дипломатично отвечает, что фельетона не читал, и что сам он не имеет никакого влияния на редакционную политику «своей» газеты. И делает выпад уже в отношении «Последних новостей» (где постоянно печаталась Кускова) и ее редактора. Поставив на одну доску «абрашу и папашу» (Гукасова и Милюкова), Зайцев указывает на общее для обоих изданий пренебрежение к авторам: «Сейчас обе газеты более всего стараются прижать сотрудников, стать желтыми и не терять тиража» (письмо от 28 марта 1933 г.). И напоминает о скандальном факте, когда П. Милюков отказался печатать продолжение «Жизни Арсеньева» Бунина.

Что касается обвинений в клевете на Горького, Зайцев от своих слов отнюдь не отказался: «...у меня очень прочно и было, и осталось убеждение, что закулисным главой всего дела был Горький»; свою позицию он не только не смягчает, а напротив, ужесточает: «...а что Горький мерзавец – уверяю Вас, и Вы напрасно волновались, как бы защищая его».

Примечательно, что спустя 20 лет упоминание Зайцева о Горьком вновь задело Кускову и вновь побудило ее к печатной полемике. В 1954 г. в «Новом журнале» публиковались главы из книги Зайцева «Чехов», где был и такой пассаж: «“Гордо реет буревестник, черной молнии подобный” – трудно представить себе что-нибудь более пошрое и безвкусное, чем такой “Буревестник” (стихотворение в прозе, с убогим ритмом), но это было роковое произведение, как роковым оказался и сам Алексей Максимыч Пешков (Горький) – воплощение дешевого романтизма революции. <...> А дешевка Горького подходила к тогдашним вкусам» [5, т. 5, с. 436].

В следующем (38-м) номере того же журнала появилась большая работа Е. Кусковой «Трагедия Максима Горького». Имя Зайцева возникает в ней дважды. Приведя эти уничижительные определения, Кускова замечает, что нельзя отрывать стихотворение от эпохи: «“Романтик революции” *тогда*, как никто, заставлял себя слушать, “затаив дыхание”. “Дешевые и пошлые слова”, говорят теперь, но их слушали миллионы. И как слушали! Вовсе не боясь отдать жизнь за них» [8, с. 229]. В той же статье Кускова вновь оспаривает мнение о том, что Горький побуждал к органи-

зации Помгола: «Когда в 1921 г. вспыхнул потрясающий голод, Горький проявил к этому явлению потрясающее равнодушие. И совсем неверно писал Б.К. Зайцев и другие, что “Горький убеждал общественников” организовать Комитет помощи голодающим. <...> Он не был инициатором этой организации, а пристал к ней по нашему настоянию». И предупреждал членов Помгола о грозящей им опасности со стороны Лубянки [8, с. 236].

Отступления от правды характеров и обстоятельств Екатерина Дмитриевна усматривала и в художественной прозе Бориса Зайцева. В письме к М. Аладнову от 9 января 1947 г. она обращает внимание на неувязку, допущенную, по ее мнению, в романе «Путешествие Глеба» (публиковавшемся в «Новом журнале» в 1946–1947 гг.): провинциальная мать-помещица, заботясь о девичьей чести, не могла разместить гостя-студента (Глеба) в одном мезонине со своей дочерью (Лерой) [14, т. 1, с. 75–76].

Завершающее комплекс писем Зайцева к Кусковой послание от 4 декабря 1933 г. содержит интересные детали торжеств по случаю вручения Ивану Бунину Нобелевской премии.

Таковы эпизоды эпистолярного общения двух представителей русской эмиграции. Зайцев в своих мемуарах отзывался о Кусковой и Прокоповиче с большой симпатией. Екатерина Дмитриевна, напротив, в своих публикациях предъявляла Зайцеву разного рода претензии. Но несмотря на идейные разногласия, человеческое милосердие побеждало, именно благодаря Кусковой семья Зайцевых получила возможность поддержать свое материальное положение в трудное для них время.

К настоящей переписке приложено письмо Кусковой к Зайцеву от 25 октября 1956 г., обнаруженное в фондах Пушкинского Дома. В нем она поощряет участие Зайцева в нью-йоркской газете «Новое русское слово», просит дать юбилейный материал о Марке Алданове, но это скорее повод к общению. Тон письма дружески-исповедальный: в нем грусть об уходе друзей в мир иной, ощущение одиночества после кончины мужа. В 1928 г. Зайцев написал ей сердечные строки: «Залог бодрости для натур как Вы – это моральное одушевление, оно всегда у Вас было, оно должно поддерживать Вас и сейчас, в грустные минуты. Господь Вас храни». Спустя почти тридцать лет Екатерина Дмитриевна обращается к Борису Константиновичу за утешением в еще более грустные для

нее времена. Все разногласия отступили перед лицом вечности, в лице Зайцева она увидела сочувствующего и понимающего человека. Через два года Екатерина Дмитриевна скончалась, Зайцев пережил ее на 15 лет.

Письма Зайцева к Кусковой публикуются по автографам, хранящимся в ГАРФ (Ф. Р-5865. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 1–15), письмо Кусковой к Зайцеву – по автографу из РО ИРЛИ (Р. 1. Оп. 10. Ед. хр. 134. Л. 1–1 об.). Письма Б. Зайцева, написанные на старой орфографии, переведены на современную. Подчеркивания принадлежат автору писем. Конъектуры раскрыты в угловых скобках.

Публикатор приносит искреннюю благодарность главному специалисту ГАРФ Василию Александровичу Астанкову, обратившему внимание на данные письма в фондах архива и оказавшему помощь в доступе к ним.

1. Б.К. Зайцев – Е.Д. Кусковой

16 февраля 1928 г.

16 февр<аля> 1928

Дорогая Екатерина Дмитриевна, получил сегодня Ваше милое письмо и спешу ответить. Спасибо Вам за отклик¹, за внимание. Мы с Вами оказались единомышленниками по отн<ошению> к Ф<едору> А<лександровичу>². Должен прибавить (хотя, думаю, это сквозит и в писании моем), что также с глубоким уважением и симпатией относится автор воспоминаний к Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичу³ – их морально-общественный облик всегда казался ему высоким и чистым.

Ваше последнее замечание о Комитете и его значении принимаю с удовольствием, и если бы ранее знал о впечатлении, произведенном на американцев⁴, то, конечно, упомянул бы. Говорю «с удовольствием», ибо чем больше и лучше оказывается роль Комитета, тем моему бывшему «комитетскому» сердцу радостнее. А правда, мы «случайные» в К<омитет>е очень тогда за Вас с С<ергеем> Н<иколаевичем> и К<ишкины>м⁵ тревожились.

О болезни С<ергея> Н<иколаевича> я уже слышал. Передайте ему все мое сочувствие и пожелание одолеть ее поскорее. Примите и сами, дорогая Е<катерина> Д<митриевна>, сердечный мой привет. Жизнь идет медленно и нелегко, Вы правы. Но все же

будем надеяться. Залог бодрости для натур как Вы – это моральное одушевление, оно всегда у Вас было, оно должно поддерживать Вас и сейчас, в грустные минуты. Господь Вас храни.

Ваш

Бор. Зайцев

¹ Е. Кускова откликнулась на очерк Зайцева о Помголе «“Весёлые дни”. 1921» («Возрождение», 1928, 29 янв., 12 февр.).

² Фёдор Александрович Головин (1868–1937) – председатель Государственной думы Российской империи 2-го созыва, земский деятель, один из основателей партии кадетов и член ее ЦК. Член Помгола. В 1937 г. расстрелян. Зайцев в своем очерке нарисовал портрет Головина как элегантного, мужественного и невозмутимого человека.

³ Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) – экономист, политический деятель. Министр Временного правительства. Муж Е.Д. Кусковой. В 1922 г. вместе с женой выслан из России. С 1924 г. в Праге, редактор экономических журналов, руководитель Экономического комитета, член пражского Земгора. В 1925–1928 гг. редактировал в Праге «Русский экономический сборник». С 1939 г. жил в Швейцарии.

⁴ В результате организационной работы Помгола, проведенной Прокоповичем, Кусковой и Кишкиным, «Американская администрация помощи» министра торговли США Герберта Гувера (АРА) согласилась на поставки продовольствия в Россию. Когда Помгол получил американскую помощь, Ленин приказал прекратить его работу, несмотря на решительные протесты Каменева и Горького.

⁵ Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) – врач, один из лидеров кадетской партии. Комиссар Временного правительства в Москве. В 1919 г. был арестован как один из учредителей «Союза возрождения России». Один из организаторов Помгола. Арестован по обвинению в антисоветской деятельности, находился в ссылке в Вологде, затем освобожден по амнистии. С 1923 г. работал в курортном отделе Народного комиссариата здравоохранения РСФСР.

2. Б.К. Зайцев – Е.Д. Кусковой

15 марта 1929 г.

11, rue Claude Lorrain, Paris (16)

15 марта 1929

Дорогая Екатерина Дмитриевна, Р.Г. Осоргина¹ передавала мне, что Вы очень сочувственно отнеслись к ее просьбе по поводу моей (утраченной) чешской стипендии и обещали поговорить с

Бенешем². Сердечно благодарю Вас за это. Должен сказать, что лишение стипендии для меня очень тяжело. Я зарабатываю в «Возрождении» 1000–1200 фр<анков> в месяц, мы живем очень «тесно», разговоры о «гукасовском золоте»³ просто вздор (который, однако, не дошел ли и до Праги? Иначе трудно объяснить, почему одного меня из всей нашей литературной группы обошли?). Вы знаете, что у меня семья, полувзрослая дочь⁴, которую мы учим в лицее, языкам, и т.д. – ... остальное все Вам понятно. Перед Чехословацким государством я тоже ничем не провинился, так что причины никакой существенной быть не может.

Еще раз повторяю: очень, очень благодарю Вас за отзывчивость. Если удастся что-либо узнать, или чего-либо добиться, черкните два слова. Буду крайне признателен.

Привет Вам и С<ергею> Н<иколаевичу>!

Ваш

Бор. Зайцев

¹ Рахиль Георгиевна Осоргина (урожд. Гинцберг; 1885–1957) – прозаик, публицист, критик, переводчик, мемуарист. Жена М.А. Осоргина (1878–1942). В 1922 г. выслана с мужем из России. С 1923 г. жила в Париже. Зайцев с благодарностью вспоминал, как она приносила передачи арестованным по делу Помгола [5, VI, с. 135].

² Эдвард Бенеш (1884–1948) – министр иностранных дел (1918–1935) и президент (1935–1948) Чехословакии, руководитель чехословацкого зарубежного Сопротивления в годы Второй мировой войны. Отстаивал концепцию всеславянства. Поддерживал «Русскую акцию» помощи эмигрантам.

³ Газету «Возрождение» субсидировал наследник крупного российского нефтяного предпринимателя А.О. Гукасов. По свидетельству сотрудников, отличался скупостью и установил мизерные оклады своим журналистам.

⁴ Соллогуб (урожд. Зайцева) Наталия Борисовна (1912–2008) – общественный и церковный деятель, благотворитель, мемуарист. Дочь Б.К. и В.А. Зайцевых, жена А.В. Соллогуба. Окончила Парижский лицей имени Мольера. Жила по месту службы мужа в различных департаментах Франции. Принимала активное участие в деятельности многих эмигрантских организаций. Член РСХД. Хранитель архива и библиотеки Б.К. Зайцева, принимала участие в подготовке изданий его сочинений.

3. Б.К. Зайцев – Е.Д. Кусковой

3 апреля 1929 г.

3 апр<еля> 1929

Дорогая Екатерина Дмитриевна, великое спасибо Вам за хлопоты, увенчавшиеся полным успехом: сегодня получил сразу за все время и чувствую «свежий воздух».

Очень тронут Вашими словами об «Анне», а что скоро с ней разделался – уж не взыщите, так вышло!¹

Будьте здоровы и благополучны, привет обоим вам.

Ваш

Бор. Зайцев

¹ Повесть Зайцева «Анна» публиковалась в журнале «Современные записки» (1928, № 36, 37; 1929, № 38). По-видимому, Кускова разделяла мнение некоторых критиков о «скомканности», неубедительности финала повести.

4. Б.К. Зайцев – Е.Д. Кусковой

5 января 1930 г.

5 янв<аря> 1930

Дорогая Екатерина Дмитриевна, – вновь приходится Вас тревожить, обращаться с просьбой о заступничестве в Праге. Стипендия мне снова прекращена. В прошлом году Вы отстояли ее для меня, за что я Вам крайне благодарен. М<ожет> б<ыть>, и теперь ее возможно продлить, хотя бы еще на год, пока не кончит лица моя дочь Наташа (в этом году у нее экзамен на бакалавра). Ее ученье стоит очень дорого, но... ученье есть ученье, тут ничего не скажешь.

Нельзя ли попытаться продлить стипендию именно для окончания образования дочери, это будет и вполне верно и не лишено справедливости.

Мы живем более или менее ровно. Мучаемся за Москву, за близких, там оставленных (со стороны Веры¹, – у меня никого в России нет! – но и ее близкие² за чуть не тридцать лет совместной жизни стали мне тоже как родные). Вы, наверное, еще лучше нас о России осведомлены. Доколе все это будет тянуться? Просто и подумать страшно. Так, как идет сейчас, недалеко время, когда окончательно уничтожат культуру, верхушки умственные и духовные.

«Безумное задание»³ – верно, и голод – верно, и опять стояние в очередях... Но помните, какой голод был, когда мы с Вами сидели в чеке, а разве что-нибудь от этого изменилось?

Впрочем, я единственно надеюсь на то, что может прийти нечто вообще «неожидаемое» и «непредположимое», и пожалуй тогда придет, когда меньше всего будешь об этом думать.

Итак, только надеяться надо, да верить! Вот и пожелаем друг другу в Новом году этой надежды, близким и дальним в России – воздуха, перемен, конца (теперешнего положения).

Всего лучшего. Привет С.Н.

Ваш

Бор. Зайцев

¹ Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова; 1878–1965) – жена Б.К. Зайцева, мать Н.Б. Соллогуб. В эмиграции с 1922 г. Участвовала в общественной и литературной жизни русской колонии в Париже. Член правления Московского землячества. Член Ассоциации Тургеневской библиотеки.

² В Советском Союзе проживали родители Веры Зайцевой – Алексей Васильевич и Шарлотта Эдуардовна Орешниковы, а также сестры – Татьяна Полиевктова и Надежда Акопиан с детьми. Письма от них в Париж были краткими и редкими, приходили окольными путями: опасались обвинений в «связях с границей». Вера Зайцева сообщала Вере Буниной 8 сент. 1922 г.: «Страшно за Россию, что будет. Мне Таня писала так: “Хорошо, что вы вовремя уехали. Кольцо сжимается. Живем в безвоздушном пространстве”» [5, VI, с. 399]. А.В. Орешников (1855–1933) – историк, крупнейший специалист в области античной и русской средневековой нумизматики. В 1928 году избран членом-корреспондентом АН СССР.

³ В 1929 г., который вошел в историю СССР как «год великого перелома», был принят первый пятилетний план, в стране началась массированная индустриализация, партия провозгласила ускоренное проведение коллективизации и «ликвидацию кулачества как класса».

4. Б.К. Зайцев – Е.Д. Кусковой

14 января 1930

14 янв<аря> 1930

Дорогая Екатерина Дмитриевна, по моим сведениям прекратили стипендии всей нашей парижской литературной группе

(у меня есть письма от Бальмонта и Бунина, знаю о Тэффи, очевидно, то же и с Мережковскими и Ремизовым).

Особенно трудно Бальмонту: стихами он зарабатывает совершенные гроши, и в данное время он и Елена Константиновна недоедают, не имеют возможности порядочно отапливать квартиру, кругом в долгу и т.п.¹

Сердечно благодарю Вас за отзывчивость, думаю еще так: нельзя ли всю нашу группу поддержать (ведь это 6–7 человек, среди которых есть люди с европейскими именами). Всем трудно. Преуспевающих из писателей здесь нет, и в наших условиях быть не может. Уж очень «стаж» не соответствует жизненному положению.

Привет!

Ваш

Бор. Зайцев

¹ Зайцева и Бальмонта связывала многолетняя дружба; в эмиграции Зайцев поддерживал больного поэта, проводил благотворительные вечера для сбора средств; он же был одним из немногих, кто проводил Бальмонта в последний путь. Цветковская Елена Константиновна (1882–1944) – переводчик. Третья жена К.Д. Бальмонта (с 1904 г.) Училась на математическом факультете Парижского университета. В 1920 г. эмигрировала с мужем и дочерью во Францию. Последние годы жила в Русском доме в Нуази-ле-Гран.

5. Б.К. Зайцев – Е.Д. Кусковой

12 февраля 1930 г.

12 февр<аля> 1930

Дорогая и глубокоуважаемая Екатерина Дмитриевна, сердечно благодарю Вас от себя и от лица всех наши парижских писателей за помощь: стипендии получены – это дело Ваших рук.

Всего лучшего, еще раз спасибо! Привет С<ергею> Н<иколаевичу>.

Ваш

Бор. Зайцев

6. Б.К. Зайцев – Е.Д. Кусковой*28 марта 1933 г.*

28 марта 1933

Дорогая Екатерина Дмитриевна, не удивляйтесь, что отвечаю с опозданием: 25-го читал лекцию¹, а писал ее месяц, и так измучился, что вчера даже икры болели. «Но дорого тебе, Литва, досталась эта голова»². В общем напомнило годы Горного института и экзамен по кристаллографии³. Во всяком случае сейчас выскочил, освободился и пишу.

Ну и во-первых: я редко читаю Ренникова⁴. Так что не удивительно – этой статьи⁵ тоже не читал (не примите, пожалуйста, только за увертку). Судить не могу. Но заранее скажу, что насмешек над «прокукишами»⁶ вообще не люблю. А если Вы лично были задеты – тем хуже. Соглашаться с Вами иногда невозможно, но лаять, конечно, нельзя.

Второе (и главное, пожалуй): Вы совершенно неправильно представляете себе мое положение в «Возрождении». Вес мой там = зéго = нулю. Я даже думаю, что ниже нуля. Абрам⁷ меня терпеть не может. Я очень редко бываю в газете, с нового года почти не пишу, и чрезвычайно мало интересуюсь редакционными делами.

Вообще же Вы думаете, что в русских газетах здесь есть общественное мнение, и кто-то что-то значит – сотрудники и т.п. Это иллюзия. В Вашей газете управляет папаша (фон Папен)⁸, в нашей абраша. Диктатура полная и у демократов, и у наших армян. Сейчас обе газеты более всего стараются прижать сотрудников, стать желтыми и не терять тиража (в «П<оследних> н<овостях>» он упал значительно). На этом основании перепечатывают бесплатно совет<ских> авт<оров> типа Зошенки.

А знаете ли Вы, что фон Папен отказался было от отрывков «Жизни Арсеньева»?⁹ (Лучшее, что у них в газете!) Благодаря закулисному давлению – не редакционному – пошел на уступки, в покровительственно-снисходительном тоне. Вообще литературе, конечно, туго. «Человек с улицы» всюду заявляет права (это факт. Невеселый, но бесспорный – злобствовать не следует, а понять надо).

Я не ответил на Вашу статью¹⁰. Не хотелось брать того тона, какой Вы взяли по отношению ко мне. Что касается фактов: Вам, конечно, лучше знать, что именно говорил Вам наедине Горький.

Но у меня очень прочно и было, и осталось убеждение, что закусным главой всего дела был Г<орький>. Из-за Горького многие шли в К<омите>т¹¹, так как это марка особая. Для меня ясно – при всем уважении к Вам и С<ергею> Н<иколаевичу> – что никогда без имени Горького и не разрешили бы К<омите>та, и не был бы он тем, чем оказался. Во всяком случае, это мое искренне убеждение. Вы же в своей статье намекнули даже на то, что я сознательно искажаю факты!

Еще могу прибавить: я не все написал о Г<орьком>, что знал. Это еще больший мерзавец, чем я изобразил.

А в общем – все это неважно. По природе я довольно ленив, полемики не люблю, а что Горький мерзавец – уверяю Вас, и Вы напрасно волновались, как бы защищая его.

Я о Вас вспоминаю в хорошем духе, больше всего в связи с той историей, о которой у меня осталось воспоминание. Тоже хорошее.

А что Вера Фигнер?¹² Она, кажется, совсем теперь на их стороне? Впрочем, может быть, уже умерла?

Поклон от меня и Вам, и С<ергею> Н<иколаевичу>, хотя Вы меня и считаете легкомысленным и пустяковым человеком, ничего не смыслящем в теориях ценности и статистики¹³.

Всего хорошего.

Ваш

Бор. Зайцев

P.S. А вот и вспомнил одну: психологическую, Бём-Баверка¹⁴. Но: когда в кармане свист, как у меня, то франк кажется фунтом.

У меня взрослая дочь, уже замужем – за Соллогубом, сыном Влад<имира> Франц<евича> Солл<огуба>¹⁵.

¹ 25 марта 1933 г. в парижском Социальном музее Б. Зайцев прочел публичную лекцию «Человек в современности».

² Из поэмы М.Ю. Лермонтова «Боярин Орша» (1835–1836). У Лермонтова: «И дорого тебе, Литва, / Досталась эта голова!..»

³ В петербургском Горном институте Зайцев учился в 1900–1901 гг.

⁴ Андрей Ренников (наст. имя Андрей Митрофанович Селитренников) (1882–1957) – прозаик, драматург, фельетонист. В эмиграции с 1920 г., с 1926-го – во Франции. Постоянный сотрудник газеты «Возрож-

дение» (1925–1940), ведущий рубрики «Маленький фельетон», автор рассказов, статей и очерков.

⁵ Имеется в виду фельетон А. Ренникова «Саморазвитие духа» («Возрождение», 1933, 10 марта), где автор иронизирует по поводу политических воззрений Милюкова и Кусковой. Они представлены в сатирическом виде, как новые гегельянцы: «У Кусковой дух получает высшее завершение в “Прокукише”, который создан из трех гегелевских основ: Кукиша, Антикукиша и Прокукиша». Фигура Кусковой стала объектом издательских характеристик («выползла» и т.п.).

⁶ «Прокукиши» – ироническое название Комитета помощи голодающим, данное большевистскими властями по именам главных участников – Прокоповича, Кусковой, Кишкина.

⁷ Абрам – Абрам Осипович Гукасов (наст. фам. Гукасянц; 1872–1969) – нефтепромышленник, меценат. Основатель и издатель газеты «Возрождение» (1925–1940). Председатель правления Российского центрального (национального) объединения. Возглавлял Фонд имени братьев Гукасовых, основанный с целью охраны языка и культурных ценностей армянского народа. После Второй мировой войны основатель и издатель литературно-политического журнала «Возрождение».

⁸ Ироническое прозвище редактора «Последних новостей» П.Н. Милюкова. Зайцев намекает на германского политического деятеля Франца фон Папена, который активно участвовал в установлении в январе 1933 г. нацистской диктатуры и стал вице-канцлером в кабинете Гитлера.

Павел Николаевич Милюков (1859–1943) – историк и публицист, лидер кадетской партии, министр иностранных дел Временного правительства. Редактор выходившей в Париже газеты «Последние новости» (1921–1940). Один из лидеров Парижской демократической группы Партии народной свободы (с 1924 г. – Республиканско-демократическое объединение).

⁹ Речь идет о конфликте между Буниным и газетой «Последние новости» в 1933 г. Причиной послужило требование редакции уменьшить объем публикуемых здесь фрагментов «Жизни Арсеньева» в соответствии с новыми редакционными правилами. Просьба Бунина сделать для него исключение не встретила понимания, после чего Бунин на несколько месяцев приостановил свое сотрудничество в издании. Подробнее см.: [1, с. 12–13].

¹⁰ Имеется в виду заметка Е. Кусковой «Это неверно» («Последние новости», 1932, 6 нояб.) – полемический отклик на очерк Б. Зайцева «Максим Горький. К юбилею» («Возрождение», 1932, 15 и 30 окт.).

¹¹ Здесь и далее речь идет о Всероссийском комитете помощи голодающим.

¹² Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) – деятель революционного движения, член «Народной воли», состояла в партиях эсеров, кадетов, участница многих общественных организаций. Октябрьскую революцию не приняла. В середине 1920-х годов участвовала в создании Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Обращалась к советскому правительству с требованием прекратить политические репрессии. Б. Зайцев вспоминал о разгоне Помгола в 1921 г.: «Боже, как ругала вспыхнувшая Вера Фигнер, двадцать лет в свое время в Шлиссельбурге отсидевшая “за народ”, этих самых представителей “народа” в кожаных куртках, арестовавших ее и нас» [4, с. 386].

¹³ Намек на профессию мужа Кусковой С.Н. Прокоповича – известного ученого-экономиста.

¹⁴ Бём-Баверк Ойген (1851–1914) – австрийский экономист и государственный деятель, создатель концепции субъективной ценности и предельной полезности, а также теории процента.

¹⁵ Владимир Францевич Соллогуб (1871–1945) – экономист, финансист, банковский деятель. Был генеральным секретарем Государственного банка в С.-Петербурге, учредителем Персидского учетного банка. С 1920 г. в эмиграции в Париже. Учредитель, первый директор и профессор Русского коммерческого института в Париже, член правления Института. Его сын Соллогуб Андрей Владимирович (1906–1996) – юрист, экономист, банкир, общественный деятель, благотворитель. Сотрудник французского отделения английского банка Barclays Bank. Свадьба Н.Б. Зайцевой и А.В. Соллогуба состоялась 6 марта 1932 г.

7. Б.К. Зайцев – Е.Д. Кусковой

4 декабря 1933 г.

4 дек<абря> 1933

Дорогая Екатерина Дмитриевна, спасибо Вам за милое письмо, на которое отвечаю не сразу лишь потому, что все это время был поглощен бунинскими днями и чествованиями.

За три дня до вечера 26 ноября Комитет предложил мне сказать о Бунине речь – при этом «без отказа». Ив<ан> Ал<ексеевич> подтвердил и выразил неременное желание, чтобы именно я выступил. (Надо сказать: все чествование вообще было сделано наспех, кое-как – причин много, и трудно кого-нибудь винить, но факт остается). – Пришлось засесть и все написать. Слава Богу, вывернулся. Сошло благополучно¹.

Даманская² показала мне Ваше письмо. Здесь совсем нет такой группы, как у вас. Радость всеобщая (есть, конечно, личные

недоброжелатели и завистники, но их на поверхности не видно). Радость за победу русского и эмигрантского, т.е. безденежного и не имеющего внешней силы писателя. Но особенной любви к Бунину (как любили, например, Чехова, Тургенева – о Толстом уж не говорю) – нет. Бунин не очень доходит к сердцам человеческим. (Как и Флобер).

В воскресенье проводили их в Стокгольм. Уехали четверо: Ив<ан> Ал<ексеевич>, Вера, Галина³ и Цвибак (секретарь – Андрей Седых⁴ из «Последних новостей»). Разумеется, Галина будет там неофициально, как туристка и *fille adoptive* («d'ailleurs très jolie»⁵, как сказано было в одной французской газете). Семейное положение их, разумеется, сложное.

Ив<ан> Ал<ексеевич> держится хорошо. Очень взволнован, помягчел, иногда плачет (на молебне в «Славянстве и России»⁶).

В здешнюю жизнь его победа внесла большое оживление – можно сказать, даже одушевление. Очень уж мы засиделись и отвыкли от всяких побед.

Да, еще: я понял что Вы имели в виду Горького, говоря о «другом», кто добивался правдами и неправдами премии. А Ив<ан> Ал<ексеевич> думает, что это Мережковский (я рассказал ему о Вашем письме)⁷. Кто прав?

Жму Вашу руку и желаю всего лучшего. Привет С.Н.

Ваш

Бор. Зайцев

¹ Решением Шведской академии от 9 ноября 1933 г. Нобелевская премия по литературе присуждена Ивану Бунину. 10 декабря шведский король Густав V вручил Бунину в стенах Шведской академии Золотую медаль. Диплом вручен 15 декабря в Стокгольме. Чествование Бунина состоялось в Париже в театре Елисейских Полей 26 ноября 1933 г. Б. Зайцев посвятил событию публикации: «Бунин увенчан» («Возрождение», 1933, 10 нояб.) и «Бунин. Речь на чествовании писателя 26 ноября 1933 г.» («Возрождение», 1933, 28 нояб.).

² Даманская Августа Филипповна (1877–1959) – писательница, переводчица, литературный критик. В эмиграции с 1920 г. С 1923 г. – в Париже. Вступила в парижский Союз русских писателей и журналистов. Выступала в немецкой и французской периодике.

³ Галина Николаевна Кузнецова (1900–1976) – русская поэтесса и писательница, мемуаристка. В 1927–1933 гг. жила вместе с семьей Бунина в Грассе.

⁴ Андрей Седых (настоящее имя – Яков Моисеевич Цвибак; 1902–1994) – русский литератор, деятель эмиграции, журналист, критик. Член редколлегии газеты «Последние новости». В качестве личного секретаря Ивана Бунина сопровождал его в Стокгольм на церемонию вручения Нобелевской премии.

⁵ Приемная дочь («кстати, весьма хорошенькая») (*фр.*).

⁶ 3 декабря Бунин выехал из Парижа в Стокгольм для участия в торжествах по поводу получения премий нобелевских лауреатов. Зайцев имеет в виду молебен перед поездкой, проведенный в редакции газеты «Россия и славянство».

⁷ Конкурентами Бунина в номинации на премию 1933 г. были М. Горький и Д. Мережковский. Бунин выдвигался на соискание премии в пятый раз. Максим Горький номинировался в 1918, 1923, 1928 и 1933-м. Д. Мережковский – девять раз (последний – в 1937 г.), при этом, добиваясь премии, заводил нужные связи, сблизился с Густавом Нобелем, племянником Альфреда Нобеля. Выдвижение номинантов сопровождалось интригами. В частности, Мережковский предлагал Бунину сделку: если один из них получает премию, то они делят ее пополам. Бунин отказался.

8. Е.Д. Кускова – Б.К. Зайцеву

25 октября 1956 г.

Genève, 25/X 1956

Дорогой Борис Константинович!

Очень обрадовалась, увидев Вашу статью в «Нов<ом> Рус<ском> Сл<ове>»¹. Редакция писала мне, что она обратилась к Вам с просьбой дать статью к 70-летию М.А. Алданова. (4/XI будет выпущен номер). Дадите? Так хотелось бы прочесть о нем Вашу статью². Меня просто ужас охватывает: все как-то спешно стали умирать... Скоро от этого поколения не останется ни одного человека. Естественно, а жутко. Чувствую себя здесь совершенно одинокой. Даже о событиях, – очень, очень громадных, – не с кем ни поговорить, ни вместе подумать. Так всю жизнь было хорошо с Серг<еем> Ник<олаевичем>³, даже в самые тяжкие времена, – есть душа родная, кот<орой> можно все сказать и все с ним продумать. А теперь только смотрю на его карточку и... нет ответа от него.

Хорошо было бы, если б Вы стали давать свои статьи в «Нов<ое> Рус<ское> Сл<ово>». Газета читается в самых глухих

углах и так часто приходит туда совершенно пустая. Из молодых немного вышло литераторов и пишут многие из них плохо, как-то «безмысленно». А старики – до чего же их мало осталось!

Была тяжело больна Нат. Ник.⁴ И сейчас еще не восстановилась вполне. Но хорошо хоть вышла из госпиталя: там ее замучили анализами, но так ничего и не нашли. Даже косточку на груди вырезали, чтобы исследовать костный мозг. И тоже ничего и ничего!

Жду или, вернее, ждем (многие и многие!) Вашей статьи о Мар<ке> Ал<данове>. Напишите?

Шлю сердечные приветы Вам и Вере Ал<ексеевне Зайцевой>. Будьте оба здоровы и всячески благополучны.

Ваша Е.К. Прокопович

А события-то?!⁵

Я начала получать письма из Праги. Люди там размораживаются, но все же – с какой боязнью! Отвечаю им и тоже боюсь: взвешиваю каждое слово.

Публикуется по автографу: РО ИРЛИ Р. 1. Оп. 10. Ед. хр. 134. Л. 1–1 об. Письмо прислано Б. Зайцевым, наряду с письмами других корреспондентов, в Рукописный отдел Пушкинского Дома в 1961 г.

¹ В газете «Новое русское слово» Б. Зайцев публиковался в 1950–1960-е годы. Е. Кускова могла иметь в виду его очерк «Латинское небо», напечатанный в этой газете 30 сент. 1956 г.

² Публикация состоялась: *Зайцев Б.К.* Привет Алданову // Новое русское слово. 1956. 4 нояб. Алданов Марк Александрович (урожд. Ландау; 1886–1957) – прозаик, публицист, автор очерков на исторические темы, философ и химик. С 1919 г. – в эмиграции.

³ Примечание Б. Зайцева: «С.Н. Прокопович, муж (покойный уже) Екатер. Дм. Кусковой».

⁴ Лицо не установлено; примечания Зайцева к этим инициалам нет.

⁵ Е. Кускова написала письмо в разгар политических кризисов в Польше и Венгрии. Митингующие в Польше требовали реформирования общественно-политической жизни. 24 октября 1956 г. новоизбранный партийный лидер Вл. Гомулка выступил перед полумиллионным митингом в Варшаве, осудив сталинизм и обещав демократические реформы. В эти же дни произошло вооруженное восстание против правительства коммунистов в Венгрии (23 октября – 9 ноября). В ночь на 24 октября в Будапешт для подавления восставших были введены около шести тысяч военнослужащих Советской армии.

Список литературы

1. *Бакунцев А.В.* И.А. Бунин и П.Н. Милюков: «Тут двух мнений не может быть...» // История отечественных СМИ. 2013. № 1. С. 7–17.
2. *Гуль Р.Б.* Я унес Россию. Том I. Россия в Германии. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 414 с.
3. *Зайцев Б.К.* Афины и Афон. Очерки, письма, афонский дневник / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2011. 319 с.
4. *Зайцев Б.К.* Отблески Вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
5. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: в 11 т. / сост., вступ. ст. и примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 1999–2001.
6. *Кускова Е.Д.* Месяц «соглашательства» // Воля России. 1928. № 3. С. 50–69.
7. *Кускова Е.Д.* Обескрыленный сокол (К 35-летию работы Максима Горького) // Современные записки. 1928. № 36. С. 305–345.
8. *Кускова Е.Д.* Трагедия Максима Горького // Новый журнал. 1954. № 38. С. 224–245.
9. *Кускова Е.Д.* Это неверно // Последние новости. 1932. 6 нояб., № 4246.
10. *Кускова Е.Д.* Юбилярь // Последние новости. 1932. 12 сент., № 4191.
11. Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам междунар. науч. конф. / отв. ред. М.Г. Вандалковская. М.: Русский путь, 2005. 256 с.
12. *Протасова Е.Ю.* «Акция помощи» русским эмигрантам в Чехословакии 1920–1930-х годов в современной историографии // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2012. № 1. С. 133–135.
13. *Ревякина И.А.* Горький Максим (1868–1936) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 1. М., 2001. С. 270–293.
14. *Телицын В.Л.* «От политики оскомина...» Письма Е.Д. Кусковой к М.А. Алданову. 1946–1951 гг. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 69–97; № 2. С. 56–99.
15. *Телицын В.Л.* «Поговорить нам есть о чем». Письма Е.Д. Кусковой к Н.А. и М.А. Рубакиным // Исторический архив. 2015. № 5. С. 43–66.

References

1. Bakuntsev, A.V. "I.A. Bunin i P.N. Milyukov: 'Tut dvukh mnenii ne mozhet byt'...'” [“I.A. Bunin and P.N. Milyukov: “There Are No Two Opinions Here... ”]. *Istoriya otechestvennykh SMI*, no. 1, 2013, pp. 7–17. (In Russ.)
2. Gul', R.B. *Ya unes Rossiya. Tom I. Rossiya v Germanii* [*I Carried Russia Away. Vol. I. Russia in Germany*]. Moscow; Berlin, Direkt-Media Publ., 2019, 414 p. (In Russ.)
3. Zaitsev, B.K. *Afiny i Afon. Ocherki, pis'ma, afonskii dnevnik* [*Athens and Athos. Essays, Letters, Athos Diary*], publ., ed., introd., and comment. A.M. Lyubomudrov. St Petersburg, Rostok Publ., 2011, 319 p. (In Russ.)
4. Zaitsev, B.K. *Otbleski Vechnogo. Neizvestnye rasskazy, esse, vospominaniya, interv'yu* [*Shines of the Eternal. Unknown Stories, Essays, Memories, Interviews*], publ., ed., intro., and comment. A.M. Lyubomudrov. St Petersburg, Rostok Publ., 2018, 736 p. (In Russ.)
5. Zaitsev, B.K. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]: in 11 vols, ed., introd., and comment. T.F. Prokopov. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999–2001. (In Russ.)
6. Kuskova, E.D. "Mesyats 'soglashatel'stva'" ["Month of 'Conciliation'"]. *Volya Rossii*, no. 3, 1928, pp. 50–69. (In Russ.)
7. Kuskova, E.D. "'Obeskrylennyi sokol' (K 35-letiyu raboty Maksima Gor'kogo)" ["'Falcon Stripped off the Wings' (On the 35th Anniversary of the Maxim Gorky Activity)"]. *Sovremennye zapiski*, no. 36, 1928, pp. 305–345. (In Russ.)
8. Kuskova, E.D. "Tragediya Maksima Gor'kogo" ["The Tragedy of Maxim Gorky"]. *Novyi zhurnal*, no. 38, 1954, pp. 224–245. (In Russ.)
9. Kuskova, E.D. "Eto neverno" ["That Is Not True"]. *Poslednie novosti*, 1932, 6 nov. (In Russ.)
10. Kuskova, E.D. "Yubilyar" ["Hero of the Anniversary"]. *Poslednie novosti*, 1932, 12 sent. (In Russ.)
11. T.G. Masarik i "Russkaya aktsiya" Chekhoslovatskogo pravitel'stva: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya T.G. Masarika. *Po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [T.G. Masaryk and the "Russian Action" of the Czechoslovak Government: on the 150th Anniversary of the Birth of T.G. Masaryk: Proc. of the Int. Sci. Conf.], ed. M.G. Vandalkovskaya. Moscow, Russkii put' Publ., 2005, 256 p. (In Russ.)
12. Protasova, E.Yu. "'Aktsiya pomoshchi' russkim emigrantam v Chekhoslovakii 1920–1930-kh godov v sovremennoi istoriografii" ["'Action of Assistance' to Russian Emigrants in Czechoslovakia of the 1920–1930 s in Modern Historiography"].

- Vestnik VGU. Seriya: istoriya, politologiya, sotsiologiya*, no. 1, 2012, pp. 133–135. (In Russ.)
13. Revyakina, I.A. “Gor'kii Maksim (1868–1936)” [“Gorky Maxim (1868–1936)”]. *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad], vol. 1, Moscow, 2001, pp. 270–293. (In Russ.)
14. Telitsyn, V.L. ““Ot politiki oskomina...”’. Pis'ma E.D. Kuskovoi k M.A. Aldanovu. 1946–1951 gg.” [“I have a Drawing of the Mouth from the Politics’. Letters from E.D. Kuskova to M.A. Aldanov. 1946–1951”]. *Istoricheskii arkhiv*, no. 1, 2017, pp. 69–97; no. 2, 2017, pp. 56–99. (In Russ.)
15. Telitsyn, V.L. ““Pogovorit' nam est' o chem”. Pis'ma E.D. Kuskovoi k N.A. i M.A. Rubakinym” [““We have Something to Talk About’. Letters from E.D. Kuskova to N.A. and M.A. Rubakins”]. *Istoricheskii arkhiv*, no. 5, 2015, pp. 43–66. (In Russ.)

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.10

И.В. Пешков

© Пешков И.В., 2022

БАХТИНСКИЙ ВОПРОС: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Аннотация. Статья подводит промежуточные итоги проблемы «Бахтина под маской», главным из которых нужно признать окончательное решение бахтинского вопроса в том смысле, что презумпция авторства в спорных текстах теперь однозначно переходит к М.М. Бахтину. В качестве аргументов для доказательства атрибуции Бахтину книг «Фрейдизм», «Формальный метод в литературоведении» и «Марксизм и философия языка» приводятся как многочисленные свидетельства самого Бахтина и его современников, так и результаты анализа текстов спорных книг. Логически сгруппированные свидетельства проясняют этическую и научную позицию Бахтина в этом вопросе. Имманентное исследование спорных текстов с точки зрения их содержания и стиля, с одной стороны, и сравнение их с аутентичными бахтинскими работами, с другой стороны, приводит к признанию их смыслового и стилистического единства, предполагающего единство авторства.

Ключевые слова: М.М. Бахтин; спорные тексты; свидетельства; смысловой анализ; стилистический анализ.

Получено: 11.11.2021

Принято к печати: 06.12.2021

Информация об авторе: *Пешков* Игорь Валентинович, доктор филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9881-3429>E-mail: ivpeshkov@gmail.com

Для цитирования: *Пешков И.В.* Бахтинский вопрос: промежуточные итоги // Литературоведческий журнал. 2022. № 1(55). С. 182–210.

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.10

Igor' V. Peshkov
© Peshkov I.V., 2022

BAKHTIN QUESTION: THE INTERIM ANSWER

Abstract. The article summarizes the interim results of the problem “*Bakhtin under a mask*”, the main of which is the final solution of Bakhtin question in the sense that the presumption of authorship for disputed texts now unambiguously passes to M.M. Bakhtin. As arguments for proving Bakhtin’s attribution of the books “Freudianism”, “The Formal Method in Literary Criticism” and “Marxism and the Philosophy of Language” both numerous testimonies of Bakhtin himself and his contemporaries, and the results of text analysis of controversial books are cited. The logically grouped evidence clarifies Bakhtin’s ethical and scientific position on this issue. An immanent study of disputed texts from the point of view of their content and style, on the one hand, and comparing them with authentic Bakhtin works, on the other hand, leads to the recognition of their semantic and stylistic unity, which presupposes the unity of authorship.

Keywords: M.M. Bakhtin; disputed texts; content analysis; stylistic analysis.

Received: 11.11.2021

Accepted: 06.12.2021

Information about the author: Igor' V. Peshkov, DSc in Philology, Independent Researcher, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9881-3429>

E-mail: ivpeshkov@gmail.com

For citation: Peshkov, I.V. “Bakhtin question: the interim answer”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(55), 2022, pp. 182–210. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2022.55.10

*Памяти моих друзей-бахтинистов
Константина Федоровича Седова и
Николая Леонидовича Васильева*

Казалось бы, что может быть общего в памяти об этих двух собеседниках моей жизни? Васильева я знаю чуть ли не с начала 80-х и умер он недавно (в мае 2021), а с Костей Седовым мы познакомились в 1995-м и умер он в октябре 2011-го. Получается, с Николаем Леонидовичем мы знакомы были лет 40, а с Константином Федоровичем интенсивно дружили всего-то полтора десятка лет. И хотя Костя мне неизмеримо ближе во всех отношениях, по-

чему-то остро захотелось написать о нем вот только сейчас, когда я узнал о смерти Коли. Да понятно почему: оба они глубоко лично отреагировали на появление серии «Бахтин под маской». Седов бурно восхищался ею, а Васильев разносторонне и как бы отстраненно сомневался в справедливости концепции, в ней заложенной, т.е. по отношению к бахтинскому вопросу они стояли по разные стороны фронта: Костя на коне со знаменем Бахтина в руках, а Васильев в окопах выцеливал слабые места в позициях противников. Я был с Костей, но одновременно между ним и Васильевым. Последнее десятилетие перед Костиной смертью я уже не писал о бахтинском вопросе, считая его относительно решенным, и переключился на вопрос шекспировский, родственность с которым бахтинского отмечена в аннотации одной из книг серии «Бахтин под маской». Васильев, напротив, выпустил целый цикл итоговых публикаций, завершив их книгой с красивым названием «Михаил Михайлович Бахтин и феномен “Круга Бахтина”»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга» [23]. Параллельно с публикаторской активностью Ю.П. Медведева в нулевых это способствовало утверждению чуть ли не непрерываемости титульной атрибуции спорных текстов и презумпции Волошиновско-Медведевского авторства, которую сформулировал А.В. Коровашко в своей скандальной книге, изданной в серии ЖЗЛ «Молодой гвардией» [35]. После этого я просто обязан был к бахтинскому вопросу вернуться. К сожалению, мое очередное статистико-текстологическое окончательное решение его было обнародовано в журнальной статье только в мае 2021 г. [47], и неизвестно, прочитал ли эту статью Васильев: надеюсь все-таки, что мой лучший оппонент ушел с сознанием своей непобежденности, хотя я не уверен, что сам он стремился к победе: Николай Леонидович никогда не скрывал, что главной его целью, начиная со статьи 1991 г. [18], была гальванизация научного интереса к бахтинскому вопросу и бахтинскому кругу в целом. И он своей цели достиг: нам по-прежнему все это интересно, ниже по пунктам.

1. Краткая история вопроса. 2. Свидетельства и аргументы. 3. Концептуальный анализ. 4. Текстологический анализ. 5. Некоторые итоги.

1. Вопросом о степени участия М.М. Бахтина в создании так называемых спорных текстов (некоторых книг и статей, публиковавшихся в третьем десятилетии XX в. под именами В.Н. Волошинова, П.Н. Медведева и И.И. Канаева) бахтинский вопрос, конечно, не ограничивается. Однако данная статья посвящена историко-фактологической его составляющей и лишь в конце и лишь слегка затрагивает его теоретическую компоненту.

Впервые публичная атрибуция Бахтину книг «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке» (1929) и «Фрейдизм. Критический очерк» (1927), нескольких статей и рецензий, изданных под фамилией В.Н. Волошинов, книги «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» (1928), ряда статей и рецензий, публиковавшихся от лица П.Н. Медведева, была произведена Вяч. Вс. Ивановым в 1973 г. в одном из знаменитых тартуских семиотических сборников [29]. Поскольку опровержения со стороны самого Бахтина не последовало (а Вячеслав Всеволодович показывал ему свою статью [30, с. 137–138]), и никто в течение почти двадцати лет не выражал в такой атрибуции серьезных сомнений, постольку бахтинский вопрос существовал латентно и был эксплицирован лишь в самом начале 1990-х годов главой из книги Г.С. Морсона и К. Эмерсон [67, с. 121–171] и статьей Н.Л. Васильева [18] и выведен на высокий уровень биографического и теоретического осмысления С.Г. Бочаровым в работе «Об одном разговоре и вокруг него» [15]. Особую популярность вопросу принесла публикация спорных текстов в единой серии книг «Бахтин под маской» [7–11] в 1993–1996 гг., переиздававшейся полностью (и даже с дополнением¹) или в своих частях до 2004 г. Возникла острая полемика как на страницах бахтиноведческого журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп», так и в других периодических и непериодических отечественных и зарубежных изданиях [61, с. 57–58; 63, с. 311].

Со стороны сомневающихся в преимущественно бахтинском авторстве спорных текстов кроме Н.Л. Васильева выступали также В.Н. Захаров [26, с. 10], В.М. Алпатов и действующий в СМИ с

¹ «Маска 5», «Полумаска 2» так отдельной книгой и не вышла, а была включена в единый итоговый том «Бахтин под маской» [12].

особенной активностью, хотя и не вполне научными публикациями, сын Павла Николаевича Медведева Ю.П. Медведев. С 2000 г. к ним присоединился А.В. Коровашко, сформулировавший² некую презумпцию бахтинского неавторства, которой, по его мнению, необходимо придерживаться при отсутствии бесспорного доказательства авторства Бахтина, и включивший эту презумпцию в вышеуказанную публикацию биографии ученого [35, с. 230].

С поддержкой атрибуции спорных текстов М.М. Бахтину выступали Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, В.Л. Махлин, В.В. Кожин, И.В. Пешков, Н.И. Николаев, М.Н. Эпштейн, О.Е. Осовский и другие. Приводились свидетельства, концептуальные и текстологические обоснования авторства Бахтина. Н.А. Паньков как издатель журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» официально занимал нейтральную позицию, хотя неофициально склонялся, по воспоминаниям коллег, к пробахтинской версии решения вопроса.

2. Все известные на сегодняшний день свидетельства можно подразделить на: 1) высказывания о бахтинском авторстве его современников, не отсылающие к Бахтину как источнику этих сведений, и 2) собственные свидетельства Бахтина, в свою очередь подразделяющиеся на: а) слова Бахтина, дошедшие до нас в передаче собеседников ученого, и б) высказывания, которые были документально зафиксированы (письма, магнитофонные записи).

1) Молва, возникшая в среде ученых, вероятно, с момента создания того или иного спорного текста, тоже фиксировалась, как правило, гораздо позднее. Возможно, один из самых ранних слухов опубликован лишь в 1993 г. в статье С.Г. Бочарова: следователь по делу «Воскресенье» (1928–1930) на допросе дал понять Бахтину, что знает о его секретном авторстве. Знали о секрете особого авторства и тогдашние формалисты, в частности В.Б. Шкловский, который до конца жизни так и не смог вполне простить Бахтину его критики [59]. Знал и будущий академик В.В. Виноградов [30, с. 134; 32, с. 147]. Знал А.А. Реформатский [53, с. 184–185].

²Вернее, позаимствовавший ее у западных коллег. Ср. опубликованное еще в 2000 г. высказывание А. Ренфру (Шотландия): «Для меня самого первый и в определенном смысле “главный” вопрос уже решен: при отсутствии неотразимого свидетельства об авторстве Бахтина логичнее считать, что спорные тексты написали те самостоятельные, некогда жившие и действовавшие ученые, под чьими фамилиями книги были опубликованы» [50].

Знал Г.А. Гуковский [6, т. 2, с. 487]. Знал Н.Я. Берковский, его формулировка показательна: «Кроме “Достоевского” я знаю еще две книги, которые молва приписывает Вам» [6, т. 2, с. 514]. Знал и Р.О. Якобсон [60]. Знала Л.Я. Гинзбург [24]. Знал Л.Е. Пинский [30]. Однако количество оставивших свои свидетельства лиц все-таки ограничено. Как ограничена и доказательная сила молвы. Но убедительность молве по бахтинскому вопросу, кроме большого разнообразия ее источников, придает еще практически полное отсутствие контрмолвы: никаких слухов о принадлежности спорных текстов титульным авторам не ходило. Сами «авторы» никогда не стремились подчеркнуть свое авторство. Напротив, В.Н. Волошинов даже совершил провокационный выпад в сторону своей коллеги по Научно-исследовательскому институту сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока О.М. Фрейденберг, предлагая последней написать что-либо за него и таким образом косвенно выдавая себя как неавтора печатавшейся под его именем философски-лингвистической и критико-психологической продукции [16].

2 а) Как бы ни были интересны косвенные мемуарные свидетельства, основное внимание исследователей бахтинского вопроса должны, конечно, привлекать свидетельства самого Бахтина. Правда, и эти свидетельства большей частью косвенные в том отношении, что слова Бахтина или передаются по воспоминаниям собеседников, или просто доносится общий смысл сказанного. Однако эта косвенность уже не фольклорного порядка и поддается более твердой верификации. Так, Вяч. Вс. Иванов, ознакомленный с вышеописанной молвой В.В. Виноградовым, одним из первых вошел в такое доверие к Бахтину, что тот, обычно избегавший этой темы, оказался готов откровенно высказаться чуть ли не с первой встречи: «Это были мои ученики. Они мне предложили, что могут издать мои книги под своими именами. Я согласился». Разговор датируется «летом 1965 года» [30, с. 35]. Дальнейшая датировка менее точная: «После того, как в предыдущих разговорах со мной Бахтин удостоверил свое авторство применительно ко второй книге Волошинова и книге Медведева, во время очередной встречи я задал ему вопрос о книге Волошинова “Фрейдиизм”. Бахтин нехотя процедил: “Да, и в этой книге основную часть я написал”. При разговоре присутствовала жена Бахтина Елена Алек-

сандровна. Она возмутилась: “Да что ты, Мишенька, говоришь! Я же под твою диктовку всю эту книгу своей рукой написала”. Бахтин нехотя согласился».

«Написав статью о Бахтине и семиотике (представлявшую собой расширенный текст доклада, прочитанного на заседании в честь его 75-летия в 1970 г.), я привез ее Михаилу Михайловичу. Прочитав ее, он меня благодарил и не возражал против того, что я в ней написал о нем как об авторе основного текста этих книг. Иначе говоря, я написал об этом с его ведома и одобрения» [30, с. 136–139].

Воспоминаний о подобного рода разговорах сохранилось немало, коммуникантами Бахтина были, в частности, С.С. Конкин [34, с. 229], С.Н. Бройтман [17], В.Н. Турбин [57], Т.Г. Уиннер [15, с. 73]. Отнюдь не всегда и не со всеми Бахтин был так же откровенен, как с Вяч. Вс. Ивановым. Например, В.А. Свительскому, «отвечая на вопрос об авторстве книг, подписанных именами Медведева и Волошинова, Михаил Михайлович назвал своим созданием книгу о формальном методе. <...> Про другие же работы Бахтин сказал, что в них выражены его идеи, развитые им в лекциях для круга учеников» [52, с. 119]. Вообще, может быть потому, что его собеседниками были в основном специалисты по литературе, он предпочитал признавать своей книгу «Формальный метод в литературоведении». Именно за ее авторство Бахтин взял на себя ответственность в общении с В.В. Кожинным: «Между прочим, когда в конце жизни Михаил Михайлович признался, наконец, что “Формальный метод...” – все-таки его сочинение, он считал нужным заметить о П.Н. Медведеве: “Перед сдачей рукописи в издательство Павел Николаевич внес в нее добавления – и, надо сказать, очень неудачные...”» [32, с. 145]. Преимущественно о книге «Формальный метод в литературоведении» в связи с бахтинским вопросом писал и В.Н. Турбин [57].

Даже если Бахтин в какой-то момент не настроен был давать признательные показания относительно спорных текстов, от работы о формальном методе он все-таки отказаться не мог: «А. Чудаков рассказывал автору этих строк (Тамарченко. – И. П.), что на его настойчивые расспросы “кто написал?” Бахтин после бесплодных попыток отмолчаться, наконец, “выдал”: “Ну, чья фамилия стоит, тот и написал”. Эти слова вызвали немедленную

реакцию его жены: “Миша, как тебе не стыдно! Ты же сам продиктовал эту книгу с первого слова до последнего!”» [54, с. 177].

Бахтин никогда прямо не отказывался и от других спорных текстов, но по возможности использовал фигуру умолчания, стараясь избежать окончательных утверждений. В результате иные мемуаристы говорили об одной книге бахтинского авторства, иные – о двух или трех. Но такие количественные расхождения вовсе не основание для того, чтобы сомневаться в достоверности свидетельств. Все зависело от того, как складывался разговор, какие вопросы ставили собеседники Бахтина. Естественно, Бахтин отвечал по-разному.

Контекст своего разговора с Бахтиным о спорных текстах подробно передает С.Л. Лейбович, которая ездила к нему в Климовск в 1970–1971 гг. Однажды она без предупреждения приехала в дом престарелых, где тогда жили Бахтины. Елена Александровна была тяжело больна, Михаил Михайлович был этим подавлен. «Не очень-то получались мои попытки разрядить гнетущую атмосферу. Реплики М.М. были скупы. После каждой молчание. Не помню, как это получилось, но вдруг, может быть в ответ на какой-либо мой вопрос, М.М. оживился, разговорился, и тут – как из рога изобилия – посыпались, не поспевая один за другим, клочки воспоминаний из прожитой жизни. М.М. стал красочно, с темпераментом и вкусом рассказывать, как, работая в Кустанае то ли бухгалтером, то ли счетоводом, одновременно умудрялся готовить своего “Рабле”. В глазах его вспыхивали искорки, голос звучал бодро, полнокровно. Он рассказал о том, что в 20-е годы много писал по вопросам истории и теории литературы, искусства, философии. Большинство его работ тех лет так и осталось в набросках, черновиках, не дописанными до конца, только книга о Достоевском вышла в 1929 году, да еще две книги было напечатано под именами его друзей: “Марксизм и философия языка” под именем В.Н. Волошинова и “Формальный метод в литературоведении” под именем П.Н. Медведева. В ответ на мои недоуменные вопросы М.М. рассказал о причинах, побудивших к этому “озорству” и его самого, и его друзей.

Прежде всего, объяснял М.М., обоим его друзьям было необходимо выступить в печати со своими трудами – для, так сказать, профессиональной карьеры. Волошинову – для поступления

в аспирантуру, Медведеву – для защиты диссертации³. И М.М., как я поняла, охотно передал им свое авторство» [56, с. 162–163]. Это, пожалуй, единственное свидетельство, в котором Бахтин по собственной инициативе вспоминает об этих книгах как о своих. Такое нетипичное откровение можно объяснить исключительностью ситуации и внезапностью ее возникновения для Бахтина, речь которого спонтанно приняла исповедальный характер, и он признался в самом сокроверном.

Не менее подробно, чем Лейбович, восстанавливает контекст своего разговора с Бахтиным о спорных текстах С.Г. Бочаров. Его мемуар занимает особое место в этой группе еще и потому, что он тщательнее других фиксирует беседу, записав реплики по горячим следам в тот же вечер, что приближает его текст к группе документальных свидетельств. Бочаров также приводит ссылку на воспоминание очевидца событий (и это открывает еще одну подгруппу свидетельств – участников бахтинского круга 20-х годов): «Кроме того, ведь есть показания современников и свидетелей тех отдаленных событий, зафиксированные тоже, как правило, не одним собеседником, – вдовы В.Н. Волошинова, Нины Аркадиевны Волошиновой (которая говорила мне в апреле 1975 г. о книгах “Фрейдизм” и “Марксизм и философия языка”: “Эти книги написал Михаил Михайлович” – и то же подтвердила в письме югославскому переводчику и издателю книги “Марксизм и философия языка” Радовану Матиашевичу от 14. III. 1978) <...>» [15, с. 73]. К этой же группе свидетельств относится и письмо И.И. Канаева Бочарову (упомянутое в той же статье, но оригинал которого опубликован лишь в 2020 г. [48]), в нем И.И. Канаев сообщает, что статью «Современный витализм», изданную под его фамилией, написал М.М. Бахтин.

Итак, хотя даже в неофициальных разговорах Бахтин предпочитал уходить от вопроса, или, в крайнем случае, отвечать неопределенно, в доверительном общении он все-таки не раз и не два

³ Кстати, не стоит видеть здесь противоречие, как иногда делают, реальным фактам: в аспирантуру поступал Волошинов, ему же нужно было защищаться (хотя процедура защиты как таковая была в то время отменена). В момент планирования книг нюансы карьерного роста титульных авторов могли быть еще не вполне определены, да и для Бахтина 70-х годов эти нюансы были уже не принципиальны.

признавал свое авторство. Об этом свидетельствует его окружение. Не говоря уже о молве. Так что настаивать на формально-юридическом праве титульных имен спорных книг и какой-то презумпции волошиновско-медведевского авторства можно только в предположении недобросовестности Бахтина как человека, распространявшего заведомую ложь о своем творчестве, пусть и неофициально. Да и этого мало: нужно предполагать целый заговор бахтинского круга, почему-то упорно считающего именно Бахтина основным или единственным автором спорных текстов. Причем «заговорщики» десятилетиями сохраняли верность еще в 20-х годах принятой конспирации. Позиции сомневающихся в бахтинском авторстве через короткую логическую цепочку смыкаются с позициями авторов книги «Разоблаченный Бахтин. История лжеца, мошенничества и коллективного бреда» [62]. Причем швейцарские авторы хотя бы не владеют русским языком, у них нет прямого пути ни к бахтинским текстам, ни к сопутствующим им контекстам.

2б) Как видим, людей, стоящих на чисто юридической почве, мемуары об авторстве Бахтина не впечатляют, они готовы привести ситуацию к абсурду, но продолжать утверждать, что человек, не подписавший юридического акта о своих правах на тексты, не может быть их автором: значение имеют только зафиксированные документы. Таких документов два рода: письмо Бахтина и его беседы с В.Д. Дувакиным, состоявшиеся в 1973 г. и сохраненные на магнитной ленте. Рассмотрим чуть подробнее.

Собственно, наиболее релевантный документ по бахтинскому вопросу – письмо В.В. Кожинovu от 10 января 1961 г., в нем содержится самое раннее из зафиксированных высказывание Бахтина о спорных текстах и самое, пожалуй, официальное. С Кожинovым Бахтин лишь незадолго перед этим заочно познакомился, встреча Бахтина с московскими филологами только-только планировалась (состоялась в июне 1961 г.). На упоминание Кожинова в письме (от 25 декабря 1960 г.) о двух спорных книгах следует:

«Прежде всего отвечаю на Ваш последний вопрос. Книги “Формальный метод” и “Марксизм и философия языка” мне очень хорошо известны. В.Н. Волошинов и П.Н. Медведев – мои покойные друзья; в период создания этих книг мы работали в самом тесном творческом контакте. Более того, в основу этих книг и моей

работы о Достоевском положена *общая* концепция языка и речевого произведения. В этом отношении В.В. Виноградов совершенно прав. Должен заметить, что наличие общей концепции и контакта в работе не снижает самостоятельности и оригинальности каждой из этих книг. Что касается до других работ П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова, то они лежат в иной плоскости, не отражают общей концепции и в создании их я никакого участия не принимал. Этой концепции языка и речи, изложенной в указанных книгах без достаточной полноты и не всегда вразумительно, я придерживаюсь и до сих пор, хотя за тридцать лет она совершила, конечно, известную эволюцию. Мне было приятно узнать, что она имеет сторонников и сейчас» [31, с. 127–128].

Данный текст неоднократно анализировался, причем делались прямо противоположные выводы. Но один вывод бесспорен: Бахтин постарался максимально усложнить вопрос и уж во всяком случае не дать на него сколько-нибудь однозначного ответа (что особенно тонко и глубоко уловил Н.Л. Васильев⁴), это, собственно, та же стратегия, которой он следовал и в устных беседах. Удержаться при своих *ни да, ни нет*. Бахтин, с одной стороны, не мог отказать в авторстве покойным друзьям, а с другой стороны, и его авторство тут было особое.

В целом этот эпистолярный документ еще одна форма неотказа Бахтина от своего участия в спорных текстах, даже вроде бы категорический отказ от других работ друзей, больше говорит о прямом бахтинском участии в книгах «Формальный метод в литературоведении» и «Марксизм и философия языка», чем о неучастии во «Фрейдизме» и остальных спорных текстах. Бахтину было важно сразу же отсечь свое имя от «Формализма и формалистов» [37], книги, грубо, с добавлением больших собственных латок, выкроенной П.Н. Медведевым из «Формального метода...» [54].

Остается магнитофонная фиксация. В «запротоколированных» беседах с Дувакиным Бахтин легко смог уйти от ответа на вопрос о спорных текстах. То ли он заранее договорился с Дува-

⁴ «...Изящное риторическое изобретение ученого (*общая концепция*), вследствие смысловой двуплановости (*общая* в значении “соавторская” и *общая* в смысле “принадлежащая одному автору”, а именно написавшему “книгу о Достоевском”) удачно позволяет ему оставить за собой право дальнейшего выбора акцентов при условии продолжения подобного разговора» [22, с. 79].

киным не ставить вопрос ребром, то ли Дувакин просто не подозревал о существовании такого вопроса (вероятнее второе), но Бахтину подчас самому приходилось наводить разговор на своих «соавторов» и их работы, которые ему, «так сказать, приписывают» [14, с. 78]. И такое наведение тоже показательно. Фонодokument зафиксировал лишь очередной неотказ Бахтина, не больше, но и не меньше. В этих записанных (для истории) беседах сохраняется бахтинская позиция неофициальных разговоров, самым простым и искренним образом сформулированная С.Л. Лейбович: «На мой естественный вопрос: почему же хотя бы теперь М.М. не объявит о своем авторстве официально – он ответил примерно так: “Нет, это невозможно, ведь я же подарил им эти работы, это подарок. Кроме того, Волошинова и Медведева давно нет в живых – как же можно без их ведома!?” Дареное не берут обратно» [56, с. 162–163].

Таким образом, официально задокументированные свидетельства последовательно поддерживают подход Бахтина, много раз зафиксированный неофициально. Квинтэссенция бахтинской этической позиции – история, с его первоначальным предполагаемым согласием подписать документ о своих авторских правах на спорные тексты, но, когда дело дошло до формальной подписи, поставить ее он отказался (не содержание поступка меня обязывает, а моя подпись под ним, если говорить в терминах философии поступка). Бахтина никто не мог обязать вернуть себе переданное авторство произведений, которые он создал, но вся совокупность обстоятельств уже нас обязывает признать его автором.

3. Творец имеет право отстраниться от своих созданий, такое случалось в истории (Дж. Чосер или Л.Н. Толстой, например), но читатели имеют право знать имя творца, даже если оно не стоит на титульном листе книги. К тому же неавторизованные произведения часто оказываются существенным звеном в творчестве писателя или ученого. И в бахтинском случае это звено было настолько важным, что автор не мог от него совсем отказаться, как и отказать в формальном авторстве Волошинову и Медведеву. Эти книги написаны не от своего имени: титульные авторы входили в замысел его произведений, т.е. Бахтин и под маской, конечно, творил сам, но писал не прямо от себя и не только для своих современников. Сравнение с аутентичными бахтинскими текстами показывают

разницу, в том числе и стилистическую, из которой можно сделать вывод, что Бахтин не просто исходил из возможной конвергенции с марксистскими понятиями, но действовал стилистически не совсем своей рукой: чувствуется интонация и голос другого.

Тетралогия конца 1920-х – в определенном смысле художественная структура, где Волошинов и Медведев (да и сам Бахтин) оказываются своеобразными представителями автора, точнее, их лица представляют авторское содержание, которое объемлется метаавтором. Неплохо подходит для описания этой структуры также терминология М.Н. Эпштейна, по которой Бахтин определяется как гиперавтор, а его титульные друзья – как гипоавторы. Эпштейн возводит эту структуру, в частности, к диалогам Платона и книге «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше [65]. Правда, в указанных случаях настоящий автор был очевиден и гипоавторы одновременно оставались и персонажами произведений, Бахтин же до конца так и не раскрыл своего авторства, имея возможность это сделать, а его гипоавторы не были персонажами его работ ни в коей мере. Гораздо ближе к описанию этой структуры подводит аналогия с шекспировским вопросом.

Все четыре книги, включая и «Проблемы творчества Достоевского», которую Бахтин считал в той же степени не совсем своей, как и первые три издания конца 1920-х, несли «общую концепцию». Исходя из общей концепции, бахтинский вопрос может быть решен уже не по свидетельским показаниям, а имманентно, изучением смысла и стиля самих спорных (и, бесспорно, бахтинских) текстов. Существует несколько концептуальных подходов к единству спорных текстов. Во-первых, с точки зрения философии, во-вторых, с позиций отдельных гуманитарных дисциплин (психологии, лингвистики, литературоведения) и в-третьих, в общесемиотическом или общефилологическом (в частности, риторическом) фокусе.

Преимущественно общефилософский контекст к спорным текстам дает В.Л. Махлин, начиная с комментариев к изданию «Бахтин под маской», стратегия которых – перевод с «девятероканонического» (термин, введенный С.С. Аверинцевым [1]) на аутентичный, бахтинский язык, сформированный его первой философией (ранние работы, которые начали публиковаться только с конца 70-х годов). Общесемиотический контекст работ Бахтина

представил Вяч. Вс. Иванов, связавший, кроме того, эти работы с работами Л.С. Выготского и развитием психологии в СССР [29].

Единство лингвистической концепции всех работ Бахтина, включая и спорные тексты, наиболее подробно разработано Л.А. Гоготишвили [25]. С точки зрения истории науки к этой же проблеме подходит и В.М. Алпатов [2, 3, 5], хотя и сомневающийся в полном авторстве Бахтина, но в целом, как и Н.Л. Васильев [21], показывающий единство развития лингвистических представлений в книгах «Марксизм и философия языка», «Формальный метод в литературоведении» и заведомо атрибутированных работах Бахтина.

Связь спорных литературоведческих работ 1920-х годов и более поздних трудов Бахтина установлена давно и многими учеными, в частности С.Н. Бройтманом, Н.Д. Тамарченко [55], Н.Т. Рымарем [51]. Специфический подход Н.И. Николаева [41], сравнивающий тематически близкие подмасковые и несомненно бахтинские произведения, написанные примерно в одно и то же время, объединил концептуально-литературоведческий и философский взгляд с элементами текстологического анализа, в частности тезаурусного типа. Собственно тезаурусные разработки концепции Бахтина проводились на кафедре теоретической и исторической поэтики РГГУ [13]. Все исследования показали единство развития бахтинской мысли, независимо от того, выражена ли она из-под маски или «прямо».

Наконец, были предприняты общефилологические и общериторические обобщения взглядов ученого. В частности, показано единство замысла всех четырех книг, вышедших во второй половине 1920-х годов из круга Бахтина, замысла, связанного с принципами создания «речевого произведения» (по сути дела, новая риторика, В.И. Тюпа называет это волной ментальности [58], Г.С. Морсон и К. Эмерсон – прозаикой [67], И.В. Пешков – риторикой поступка [45]).

В целом все концептуальные подходы к бахтинскому вопросу убедительно продемонстрировали нерелевантность автономной трактовки любой из книг серии «Бахтин под маской», включая, конечно, и ее неотъемлемую часть – «Проблемы творчества Достоевского».

Сомневавшиеся в бахтинском авторстве (Ю.П. Медведев и др.) пытались отыскать иные концептуальные связи, в частности понятийного аппарата «Формального метода в литературоведении» с другими немасковскими работами П.Н. Медведева [39, 40], но эти попытки выглядят дилетантскими и скорее могут служить в качестве доказательства атрибуции книги о формальном методе Бахтину способом от противного. У волошиновских подходов гораздо больший потенциал внутренней резистенции. С одной стороны, тут работали профессиональные филологи (В.М. Алпатов, Н.Л. Васильев), а с другой – сам Волошин не оставил после себя бесспорных научных текстов: он писал, как известно, стихи, музыку и преимущественно музыковедческие статьи очень небольшого объема, чаще рецензии. Так что текстового материала для уверенного определения понятийных или стилистических различий с Бахтиным просто недостаточно. В этом смысле можно понять замечание Алпатова о том, что «вопрос о разграничении авторства в книге (“Марксизм и философия языка”. – *И.П.*), по-видимому, никогда не будет решен до конца из-за отсутствия данных» [5, с. 517].

Сомнения Алпатова в целом носят наименее предвзятый характер. Он не признает доказательную силу устных и письменных свидетельств бахтинского авторства и считает единственным серьезным аргументом не в пользу участия Волошинова в написании спорных книг тот факт, что после отъезда Бахтина из Ленинграда в марте 1930 г. Валентин Николаевич до конца жизни не опубликовал ни строчки, да и рукописей его до сих пор не обнаружено. (В этом же ряду вспомогательных аргументов в пользу бахтинского авторства стоит повторить, что Бахтин никогда в жизни не ссылаясь на спорные тексты, а это ввиду единой концепции книг его круга конца 1920-х казалось бы странным, будь они для него чужими авторскими работами.)

Показательно, что один-единственный серьезный аргумент Алпатов находит и в пользу Волошинова: его дарственная надпись Медведеву на книгу «Марксизм и философия языка». Почему этот аргумент у сомневающихся считается серьезным, не совсем понятно: Волошин и Медведев были достаточно игровыми личностями, чтобы обменяться книгами, написанными Бахтиным, с собственными авторскими дарственными надписями на них. Ве-

сомым этот аргумент может выглядеть только на фоне полного отсутствия других аргументов в пользу титульных авторов.

Впрочем, оппоненты концепции «Бахтин под маской» и не особенно ищут положительных аргументов в свою пользу, их главная стратегия – полемика с пробахтинской аргументацией, все они практически (декларативно или молчаливо) исходят из презумпции титульного авторства и формально-юридического права первых публикаторов. Обязанность доказывать авторство предоставляется сторонникам приоритета Бахтина, причем доказательство засчитывают только аподиктическое, а не вероятностное, т.е. требуют математической точности. Алпатов понимает, что такое доказательство может быть получено текстологическим анализом, но считает, что «современный уровень статистической стилистики не столь высок, чтобы здесь можно было что-то утверждать окончательно» [4, с. 190]. Вернее, считал, потому что с момента данного утверждения прошло немало времени, и теперь, уже вне всякого сомнения, уровень статистической стилистики достаточно высок, чтобы решить эту задачу «окончательно».

Итак, если «Формальный метод в литературоведении» и несколько статей Медведева можно атрибутировать Бахтину уже с помощью сравнения их с бесспорными текстами Медведева, то сомнения в авторстве Бахтина волошиновских текстов так разрешить нельзя, и снять маску «Волошинов» со спорных текстов возможно лишь неопровержимым имманентным доказательством их принадлежности перу Бахтина. Но и в том и в другом случае нужен статистико-стилистический анализ.

4. Как ни странно, первыми начали какие-то исследования, отдаленно напоминающие стилистический анализ спорных текстов, как раз противники бахтинского авторства. Бахтинский стиль является остро-самобытным и узнаваемым, и, казалось бы, тут сомневающимся надеяться не на что. Однако Н.Л. Васильев применил скорее парастилистический анализ, сравнивая внешнее, в частности шрифтовое оформление разных книг вроде курсива, разрядки [18]. Такое же сравнение делалось и для некоторых терминов и понятий. Результаты этих сравнений не имели самостоятельного научного значения, но в качестве контраргументов к выводам о бахтинском авторстве (пока эти текстологические выводы

не выглядели абсолютными) могли восприниматься как рабочие, особенно теми, кто специально в вопрос не погружался.

Серьезный текстологический анализ спорных произведений начался с 1995 г. – после публикации Н.А. Паньковым «Дела Волошинова» [49], содержавшего план и развернутые тезисы книги «Марксизм и философия языка». План включал и некоторые разделы будущего «Формального метода в литературоведении», а значит, по крайней мере отчасти, обе книги являлись результатом одного замысла, а это, поскольку титульные авторы у книг разные, уже говорит о многом. Текст плана и руководящих мыслей оказался релевантным для составления словариков слов и словосочетаний, с которыми можно было сравнивать тексты спорных книг, бесспорные работы Бахтина, другие гуманитарные произведения. Результаты сравнения с большой степенью вероятности подтвердили бахтинское авторство всех трех спорных книг [44]. Делом аспиранта Волошинова воспользовался и Н.И. Николаев [41] в своем точечном стилистико-историческом сравнительном анализе спорных и бесспорных текстов Бахтина, анализе, приведшем к аналогичным выводам.

Таким образом, принципиально бахтинский вопрос был решен текстологическими методами еще в конце прошлого века, требовалась только верификация проделанного анализа и некоторое расширение текстологической базы. Однако тогда это не осуществилось, так как по ряду причин само текстологическое решение проблемы не было воспринято отечественным бахтиноведением, ведущие позиции в котором заняли люди, находящие ее нерешаемой или не считающие такое решение необходимым (обе позиции могли опираться на авторитет формулировки С.С. Аверинцева «оставить проблему нерешенной и считать ее не подлежащей решению» [1, с. 259]. В зарубежном бахтиноведении начала века возобладал чисто юридический подход, отказ Бахтина подписать бумагу о своем авторстве означал для большинства его представителей признание приоритета титульных авторов. Бахтинская этическая позиция не была принята во внимание. Волошинова и Медведева начали рассматривать в качестве самостоятельных выдающихся ученых, а имя Бахтина часто даже перестало упоминаться в связи со спорными книгами и статьями.

5. Однако за прошедшие два с лишним десятилетия после принципиального, но предварительного решения бахтинского вопроса методики стилистико-статистического анализа текстов действительно существенно усовершенствовались, доступность компьютерной обработки данных достигла почти всеобщего уровня, а значит, стало возможным сравнивать между собой большие массивы текстов и проверять полученный результат. Сравнение, сделанное на основе двух независимых методик, одна из которых – многократно для разного типа текстов и разных языков апробированная программа Delta, показало [47], что тексты всех трех спорных книг созданы самим Бахтиным. Некоторую степень участия титульных авторов, конечно, исключить нельзя, но эта степень заведомо незначительна. Таким образом, презумпция авторства в спорных текстах полностью перешла к Бахтину, и теперь уже сомневающимся в бахтинском авторстве нужно для подтверждения своих сомнений доказывать, что Волошинов и Медведев хоть в какой-то степени участвовали в создании этих работ, и разбираться, в какой именно степени.

Сделаем некоторые выводы. Поскольку статистический анализ с математической точностью подтвердил феномен Бахтина под маской, можно попристальнее присмотреться к самой сути этого явления. Подробное исследование пока еще впереди, но предварительные замечания высказать можно. Творческий эксперимент круга Бахтина осуществил практическую экстраполяцию теоретических принципов литературно-художественного авторства. Автор художественного произведения всегда пишет из-под маски, и не имеет решающего значения, живая это маска, как в случае с Шекспиром, Медведевым или Волошиновым, псевдоним, как Марк Твен, Андрей Белый или Максим Горький, собственная ли фамилия биографического автора, как М.М. Бахтин «Проблем творчества Достоевского», Лев Толстой или Михаил Булгаков. Автор – это не физическое (и тем более не юридическое) лицо, поэтому вопрос, кто написал, всегда оказывается поставленным некорректно, и нет ничего удивительного в разнообразии приемов бахтинского ухода от этого вопроса.

Эта публикация – первая из цикла статей по проблеме «Бахтин под маской», которая, повторим еще раз, не снимается прин-

ципиальным решением собственно бахтинского вопроса. С этого решения только и возможно начать серьезное рассмотрение проблемы, содержащей вопросы «как», «почему» и «зачем». Итак, во-первых, как возникло такое невиданное со времен Шекспира авторство? Во-вторых, по каким мотивам, почему оно возникло? И в-третьих, с какой целью, зачем оно возникло? То есть сначала логично рассмотреть историю этого дела уже сквозь призму исключительного бахтинского авторства. Почти все⁵, что написано об этом до сих пор, написано с позиций *так или иначе* и *как бы то ни было* в лучшем случае (агностицизм в бахтинском вопросе). Биографии же Медведева и Волошинова прямо написаны с позиций их авторства спорных текстов [35, 40] или хотя бы полноценного участия в их написании [2, 4, 20]. Ясно, что написать нужно о Бахтине невеличко-витебско-ленинградского периода (1918–1930) и его круге, о Медведеве и о Волошинове, но в какой последовательности, пока не ясно: от общего к частному (от круга через треугольник авторства к его вершинам – автору и маскам) или наоборот, от частных персонажей к общей конфигурации. Но это быстро прояснится в процессе оформления следующих статей.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // Дружба народов. 1988. № 3. С. 256–259.
2. *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры 2005. 432 с.
3. *Алпатов В.М.* Кружок М.М. Бахтина и проблемы лингвистики // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2. С. 5–30.
4. *Алпатов В.М.* Грустная судьба. В.Н. Волошинов // *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 175–193.
5. *Алпатов В.М.* Лингвистическое содержание книги «Марксизм и философия языка» // Бахтин. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. С. 517–529.
6. *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. 800 с.

⁵ Исключение составляют соответствующие главы книги С.С. Конкина [33] и знаменитая статья С.Г. Бочарова [15].

7. Бахтин под маской. Маска первая: В.Н. Волошинов. Фрейдизм. М.: Лабиринт, 1993. 120 с.
8. Бахтин под маской. Маска вторая: П.Н. Медведев. Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993. 207 с.
9. Бахтин под маской. Маска третья: В.Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 191 с.
10. Бахтин под маской. Маска четвертая: М.М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 174 с.
11. Бахтин под маской. Маска пятая (первая полумаска): В.Н. Волошинов, П.Н. Медведев, И.И. Канаев. Статьи. М.: Лабиринт, 1996. 176 с.
12. Бахтин под маской. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
13. Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования. М.: РГГУ, 1997. 184 с.
14. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
15. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.
16. Брагинская Н.В. Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги: Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005 // М.М. Бахтин в Саранске: исследования, документы, материалы. Саранск, 2006. С. 39–60.
17. Бройтман С.Н. Две беседы с М.М. Бахтиным // Хронотоп: межвуз. науч.-темат. сб. Махачкала, 1990. С. 110–114.
18. Васильев Н.Л. Бахтин или Волошинов? К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М. Бахтину // Литературное обозрение. 1991. № 9. С. 38–43.
19. Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «спорных текстов» в российской бахтинистике (М.М. Бахтин и его соавторы) // Интеграция образования. 2003. № 3. С. 121–129.
20. Васильев Н.Л. «Круг Бахтина», или Квадратура круга // Новое литературное обозрение. 2006. № 2. С. 408–414.
21. Васильев Н.Л. Лингвистическое содержание книги П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // Невельский сборник. Вып. 14. СПб., 2008. С. 44–60.
22. Васильев Н.Л. История вопроса об авторстве «спорных текстов», приписываемых М.М. Бахтину // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова. Уфа: Вагант, 2011. С. 68–105.
23. Васильев Н.Л. Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 408 с.

24. Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство—СПБ, 2002. 768 с.
25. Гоготиивили Л.А. Опыт построения теории употребления языка (на основе философской концепции М.М. Бахтина). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1984. 400 с.
26. Захаров В.Н. Анкета «ДКХ» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 8–10.
27. Земляной С.Н. «Эзотерический» марксизм // Альманах «Восток» № 7 (19), июль 2004. С. 14–21.
28. Зенкин С.Н. Некомпетентные разоблачители (Рец. на кн.: Brotickart J.-P., Bota C. Bakhtine demasque. Geneve, 2011) // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 358–366.
29. Иванов Вяч. Вс. Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1973. Вып. 308. С. 44–96.
30. Иванов Вяч. Вс. Об авторстве книг Волошинова и Медведева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 133–137.
31. Из переписки М.М. Бахтина с В.В. Кожинным (1960–1966 гг.) / Публ., подгот. текста и коммент. Н.А. Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3/4. С. 114–290.
32. Кожин В.В. Книга, вокруг которой не умолкают споры // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 4. С. 140–147.
33. Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин. Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993. 400 с.
34. Конкин С.С. Путь ученого: Страницы жизни и творчества М.М. Бахтина // Грани: литературно-художественный сб. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1984. С. 213–230.
35. Коровашко А.В. Михаил Бахтин. М.: Молодая гвардия, 2017. 452 с.
36. Махлин В.Л. Время сбрасывает маски // Бахтин под маской. Вып. 5 (1). Статьи Круга Бахтина. М.: Лабиринт, 1996. С. 3–9.
37. Медведев П.Н. Формализм и формалисты. Л.: Издательство писателей, 1934. 208 с.
38. Медведев Ю.П. «Нас было много на челне...» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 89–108.
39. Медведев Ю.П. На пути к созданию социологической поэтики // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 2 (23). С. 5–57.
40. Медведев Ю.П., Медведева Д.А. Творческое наследие П.Н. Медведева в свете диалога с М.М. Бахтиным // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 2. С. 73–94.

41. *Николаев Н.И.* Издание наследия Бахтина как филологическая проблема (Две рецензии) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 3. С. 114–157.
42. *Осовский О.Е.* Бахтин, Медведев, Волошинов: об одном из «проклятых вопросов» современного бахтиноведения // Философия М.М. Бахтина и этика современного мира: сб. науч. ст. Саранск, 1992. С. 39–54.
43. *Осовский О.Е.* Тексты спорные // М.М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. 2–3. Саранск, 2006. С. 149–150.
44. *Пешков И.В.* «Делу» – венец (Промежуточный текстологический финиш в бахтинском вопросе, или Еще раз об авторстве М. Бахтина в «спорных текстах») // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1. С. 72–109.
45. *Пешков И.В.* Новый органон // Бахтин. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. С. 542–579.
46. *Пешков И.В.* О проявлениях глубинной самоидентичности стиля (вариант текстологического анализа «спорных текстов» М.М. Бахтина) // Бахтин под маской. Фрейдизм. М.: Лабиринт, 2004. С. 147–183.
47. *Пешков И.В.* Повторное в неповторимом, или как просчитать индивидуальный стиль: статистический эпилог проблемы «Бахтин под маской» // Миргород. № 16 (2020 / 2). С. 32–59.
48. *Пешков И.В.* Герой нашего времени. По поводу книги Алексея Коровашко «Михаил Бахтин» (Москва 2017) // Миргород. № 16 (2020 / 2). С. 259–282.
49. План и некоторые руководящие мысли работы «Марксизм и философия языка» / Личное дело В.Н. Волошинова / публ. Н.А. Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 2. С. 79–99.
50. *Ренфру А.* Не все вопросы должны остаться открытыми: Крайне субъективные заметки о конференции «В отсутствие мастера: неизвестный круг Бахтина (Шеффилд, 7–9 октября 1999 года)» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2. С. 157.
51. *Рымарь Н.Т.* Бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта и проблема границы «искусство/не искусство» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология», 2006. № 1 (4). С. 247–256.
52. *Свительский В.А.* Идеи М.М. Бахтина и современное изучение русской литературы XIX века // М.М. Бахтин и перспективы гуманитарных наук. Витебск, 1994. С. 118–123.
53. *Слюсарева Н.А.* Два слова о В.Н. Волошинове // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 4. С. 184–185.
54. *Тамарченко Н.Д.* М. Бахтин и П. Медведев: судьба «Введения в поэтику» // Вопросы литературы. № 5. 2008. С. 160–184.

55. *Тамарченко Н.Д.* Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 291–340.
56. Тридцать лет спустя: Редактор «Рабле» С.Л. Лейбович вспоминает о подготовке книги к изданию // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 1. С. 162–163.
57. *Турбин В.Н.* Эмиграция в МАССР // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 4. С. 92–113.
58. *Тюпа В.И.* Литература и ментальность. М., 2009. 276 с.
59. *Чудаков А.П.* «Спрашиваю Шкловского...» // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 65–70.
60. *Якобсон Р.О.* Предисловие к книге «Марксизм и философия языка» // Вопросы литературы. 2016. № 6. С. 106–108.
61. *Brendist C.* The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics. L.: Pluto Press, 2002. 222 с.
62. *Bronckart J.-P., Bota C.* Bakhtine demasque: histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un delire collectif. Geneve: Droz, 2011. 629 с.
63. *Clark K., Holquist M.* Mikhail Bakhtin. Cambridge: Harvard Univ. press, 1984. 398 с.
64. *Coates R.* Christianity in Bakhtin: God and the exiled author. Cambridge: Cambridge Univ. press., 1998. 201 с.
65. *Epstein M.* Hyperauthorship in Mikhail Bakhtin: The Primary Author and Conceptual Personae // Russian Journal of Communication. Vol. 1. No. 3. Summer 2008. С. 280–290.
66. *Hirschkop, K.* Mikhail Bakhtin: An Aesthetic for Democracy. Oxford, 1999. 332 с.
67. *Morson G.S., Emerson C.* Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford: Stanford University Press, 1990. 554 с.
68. The Bakhtin Circle. In the Master's Absence / ed. by C. Brandist, G. Tikhonov, D. Shepherd. Manchester: Manchester Univ. press., 2004. 286 с.

References

1. Averincev, S.S. “Mikhail Bakhtin: retrospektiva i perspektiva” [“Mikhail Bakhtin: retrospective and perspective”]. *Druzhba narodov*, no. 3, 1988, pp. 256–259. (In Russ.)
2. Alpatov, V.M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2005, 432 p. (In Russ.)

3. Alpatov, V.M. "Kruzhok M.M. Bakhtina i problemy lingvistiki" ["Bakhtin's Circle and Problems of Linguistics"], *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 2, 2000, pp. 5–30. (In Russ.)
4. Alpatov, V.M. "Grustnaya sud'ba. V.N. Voloshinov" ["A Sad Destiny. V.N. Voloshinov"]. Alpatov, V.M. *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki* ["Linguists, Orientalists, Historians"]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 175–193. (In Russ.)
5. Alpatov, V.M. "Lingvisticheskoe sodержanie knigi «Marksizm i filosofiya yazyka»" ["Linguistic Content of the book «Marxism and the Philosophy of Language»"]. *Bakhtin. Tetralogiya* [Bakhtin. Tetralogy]. Moscow, Labirint Publ., 1998, pp. 517–529. (In Russ.)
6. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenij* [Works]: in 7 vols. Moscow, Russkie slovari Publ., vol. 2, 2000, 800 p. (In Russ.)
7. *Bakhtin pod maskoi. Maska pervaya: V.N. Voloshinov. Frejdizm* [Bakhtin under a Mask. The First Mask: V.N. Voloshinov. Freudianism]. Moscow, Labirint Publ., 1993, 120 p. (In Russ.)
8. *Bakhtin pod maskoi. Maska vtoraya: P.N. Medvedev. Formal'nyj metod v literaturovedenii* [Bakhtin under a Mask. The Second Mask: P.N. Medvedev. The Formal Method in Literary Criticism]. Moscow, Labirint Publ., 1993, 207 p. (In Russ.)
9. *Bakhtin pod maskoi. Maska tret'ya: V.N. Voloshinov. Marksizm i filosofiya yazyka* [Bakhtin under a Mask. The Third Mask: V.N. Voloshinov. Marxism and the Philosophy of Language]. Moscow, Labirint Publ., 1993, 191 p. (In Russ.)
10. *Bakhtin pod maskoi. Maska chetvertaya: M.M. Bakhtin. Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Bakhtin under a Mask. The Fourth Mask: M.M. Bakhtin. Problems of Dostoevsky's Creation]. Moscow, Alkonost Publ., 1994, 174 p. (In Russ.)
11. *Bakhtin pod maskoi. Maska pyataya (pervaya polumaska): V.N. Voloshinov, P.N. Medvedev, I.I. Kanaev. Stat'i* [Bakhtin under a Mask. The Fifth Mask: V.N. Voloshinov. P.N. Medvedev, I.I. Kanaev. Articles]. Moscow, Labirint Publ., 1996, 176 p. (In Russ.)
12. *Bakhtin pod maskoi. Frejdizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i* [Bakhtin under a Mask. Freudianism. The Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles]. Moscow, Labirint Publ., 2000, 640 p. (In Russ.)
13. *Bakhtinskii tezasaurus. Materialy i issledovaniya* [Bakhtin Tesisaurus. Stuff and Studies]. Moscow, RGGU Publ., 1997. 184 p. (In Russ.)
14. *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [Conversations Between V.D. Duvakin and M.M. Bakhtin]. Moscow, Progress Publ., 1996. 342 p. (In Russ.)

15. Bocharov, S.G. "Ob odnom razgovore i vokrug nego" ["About the Conversation and Near it"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 2, 1993, pp. 70–89. (In Russ.)
16. Braginskaya, N.V. "Mezhdru svidetelyami i sud'yami. Replika po povodu knigi: Alpatov V.M. Voloshinov, Bakhtin i lingvistika" ["Between the Witnesses and the Judges. The Note Concerning the Book of Alpatov V.M. Voloshinov, Bakhtin and Linguistics"]. *M.M. Bakhtin v Saranske: issledovaniya, dokumenty, materialy* [*M.M. Bakhtin in Saransk: studies, documents and stuff*]. Saransk, 2006, pp. 39–60. (In Russ.)
17. Brojtman, S.N. "Dve besedy s M.M. Bakhtinym" ["Two Conversations with M.M. Bakhtin"]. *Khronotop* [*Khronotop*], 1990, pp. 110–114. (In Russ.)
18. Vasil'ev, N.L. "Bakhtin ili Voloshinov? K voprosu ob avtorstve knig i statej, pripisyvaemykh M.M. Bakhtinu" ["Bakhtin or Voloshinov? Concerning the Authorship of the Books and Articles Attributing to Bakhtin"]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 9, 1991, pp. 38–43. (In Russ.)
19. Vasil'ev, N.L. "Istoriya voprosa ob avtorstve 'spornykh tekstov' v rossijskoj bakh-tinistike (M.M. Bakhtin i ego soavtory)" ["The History of Authorship problem of 'Disputed Texts' in Russian Bakhtinology (Bakhtin and his Coauthors)"]. *Integraciya obrazovaniya*, no. 3, 2003, pp. 121–129. (In Russ.)
20. Vasil'ev, N.L. "'Krug Bakhtina', ili Kvadratura Kruga" ["'Bakhtin's Circle', or squaring the circle"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2, 2006, pp. 408–414. (In Russ.)
21. Vasil'ev, N.L. "Lingvisticheskoe sodержanie knigi P.N. Medvedeva 'Formal'nyj metod v literaturovedenii' v kontekste kollektivnogo tvorčestva 'bakhtinskogo kruga'" ["Linguistic Content of the book 'The Formal Method in Literary Criticism' in the Context of collective creative activity of 'Bakhtin Circle'"]. *Nevel'skij sbornik*. Issue 14. St Petersburg, 2008, pp. 44–60. (In Russ.)
22. Vasil'ev, N.L. "Istoriya voprosa ob avtorstve 'spornykh tekstov', pripisyvaemykh M.M. Bakhtinu" ["The History of Authorship problem of 'Disputed Texts' Attributing to Bakhtin"]. *Khronotop i okrestnosti: Yubilejnyj sbornik v chest' Nikolaya Pan'kova* [*Chronotope and Surroundings: Jubilee Collection in Honor of Nikolai Pankov*]. Ufa, Vagant Publ., 2011, pp. 68–105. (In Russ.)
23. Vasil'ev, N.L. *Mikhail Mikhajlovich Bakhtin i fenomen "Krug Bakhtina": V poiskakh utrachennogo vremeni. Rekonstrukcii i dekonstrukcii. Kvadratura kruga* [*Mikhail Bakhtin and the Phenomenon of "Bakhtin circle": In Search of Lost Time. Reconstructions and Deconstructions. Squaring the Circle*]. Moscow, Knizhnyj dom "LIBROKOM" Publ., 2013, 408 p. (In Russ.)
24. Ginzburg, L.Ya. *Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse* [*Notebooks. Memories. Essays*]. St Petersburg, Iskusstvo–SPB, 2002, 768 p. (In Russ.)

25. Gogotishvili, L.A. "Opyt postroeniya teorii upotrebleniya yazyka (na osnove filosofskoj koncepcii M.M. Bakhtina)" ["The Experience of Constructing a Theory of the Use of Language (based on the philosophical concept of M. M. Bakhtin)"]. Moscow, MSU after M.V. Lomonosov Publ., 1984, 400 p. (In Russ.)
26. Zakharov, V.N. "Anketa 'DKH'" ["Application Form of *Dialog. Karnaval. Khronotop*"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1995, no. 4, pp. 8–10. (In Russ.)
27. Zemlyanoi, S.N. "'Ehzotericheskij' marksizm" ["'Esoteric' Marxism"]. *Al'manakh "Vostok"*, 2004, no. 7 (19), pp. 14–21.
28. Zenkin, S.N. "Nekompetentnye razoblachiteli (Rec. na kn.: Brotickart J.-P., Bota S. Bakhtine demasque. Genève, 2011)" ["Incompetent whistleblowers (Revue on the Book: Brotickart J.-P., Bota S. Bakhtine demasque. Genève, 2011)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 119, 2013, pp. 358–366. (In Russ.)
29. Ivanov, Vyach.Vs. "Znachenie idej M.M. Bakhtina o znake, vyskazyvanii i dialoge dlya sovremennoj semiotiki" ["The Value of M.M. Bakhtin's Ideas about the Sign, Statements and Dialogue for Modern Semiotic"]. *Uchenyje zapiski Tartuskogo universiteta*. Issue 308, 1973, pp. 44–96. (In Russ.)
30. Ivanov, Vyach.Vs. "Ob avtorstve knig Voloshinova i Medvedeva" ["About the Authorship of Voloshinov's and Medvedev's Books"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. no. 4, 1995, pp. 133–137. (In Russ.)
31. "Iz perepiski M.M. Bakhtina s V.V. Kozhinovym (1960–1966 gg.)" ["From the Correspondence of M.M. Bakhtin with V.V. Kozhinov (1960–1966)"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 3/4, 2000, pp. 114–290. (In Russ.)
32. Kozhinov, V.V. "Kniga, vokrug kotoroj ne umolkayut spory" ["A Book around which Controversy Continues"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 4, 1995, pp. 140–147. (In Russ.)
33. Konkin, S.S., Konkina, L.S. *Mikhail Bakhtin. Stranicy zhizni i tvorchestva* [*Mikhail Bakhtin. Pages of Life and Creativity*]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993, 400 p. (In Russ.)
34. Konkin, S.S. "Put' uchenogo: Stranicy zhizni i tvorchestva M.M. Bakhtina" ["The Path of a Scientist Pages of Life and Creativity"]. *Grani: literaturno-khudozhestvennyj sbornik*. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984, pp. 213–230. (In Russ.)
35. Korovashko, A.V. *Mikhail Bakhtin* [*Mikhail Bakhtin*]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2017, 452 p. (In Russ.)
36. Makhlin, V.L. "Vremya sbrasyvaet maski" ["Time is Dropping the Masks"]. *Bakhtin under a mask. The Fifth Mask: V.N. Voloshinov. P.N. Medvedev, I.I. Kanaev. Articles*. Moscow, Labirint Publ., 1996, pp. 3–9. (In Russ.)

37. Medvedev, P.N. *Formalizm i formalisty* [*Formalism and Formalists*]. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelej Publ., 1934, 208 p. (In Russ.)
38. Medvedev, Yu.P. "Nas bylo mnogo na chelne..." ["Nas Bylo Mnogo na Chelne..."]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 1992, no. 1, pp. 89–108. (In Russ.)
39. Medvedev, Yu.P. "Na puti k sozdaniyu sociologicheskoy poehtiki" ["Towards the Creation of Sociological Poetics"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 2 (23), 1998, pp. 5–57. (In Russ.)
40. Medvedev, Yu.P., Medvedeva, D.A. "Tvorcheskoe nasledie P.N. Medvedeva v svete dialoga s M.M. Bakhtinym" ["The Creative Legacy of P.N. Medvedev in the Light of the Dialogue with M.M. Bakhtin"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 2, 2001, pp. 73–94. (In Russ.)
41. Nikolaev, N.I. "Izdanie naslediya Bakhtina kak filologicheskaya problema (Dve recenzii)" ["Publication of Bakhtin's Legacy as a Philological Problem (Two Reviews)"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 3, 1998, pp. 114–157. (In Russ.)
42. Osovskii, O.E. "Bakhtin, Medvedev, Voloshinov: ob odnom iz 'proklyatykh voprosov' sovremennogo bakhtinovedeniya" ["Bakhtin, Medvedev, Voloshinov: on One of the 'Damned Questions' of Modern Bakhtin Studies"]. *Filosofiya M.M. Bakhtina i ehika sovremennogo mira* [*Philosophy of M.M. Bakhtin and Ethics of the Modern World*]. Saransk, 1992, pp. 39–54. (In Russ.)
43. Osovskii, O.E. "Teksty spornyie" ["Debuted Texts"]. *M.M. Bakhtin v Saranske: dokumenty, materialy, issledovaniya* [*M.M. Bakhtin in Saransk: Documents, Materials, Research*]. Issue 2–3, Saransk, 2006, pp. 149–150. (In Russ.)
44. Peshkov, I.V. "'Delu' – venec (Promezhutochnyj tekstologicheskij finish v bakh-tinskom voprose, ili eshche raz ob avtorstve M. Bakhtina v 'spornykh tekstakh')" ["The Crown 'Cause' (Intermediate Textological Finish in Bakhtin Question, or Once Again About the Authorship of M. Bakhtin in the 'Debuted Texts')"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 1, 2000, pp. 72–109. (In Russ.)
45. Peshkov, I.V. "Novyy organon" ["The New Organon"]. *Bakhtin. Tetralogiya* [*Bakhtin. Tetralogy*]. Moscow, Labirint Publ., 1998, pp. 542–579. (In Russ.)
46. Peshkov, I.V. "O proyavleniyakh glubinnoy samoidentichnosti stilya (variant tek-stologicheskogo analiza 'spornykh tekstov' M.M. Bakhtina)" ["On the Manifestations of a Deep Self-identity of Style (a Variant of the Textological Analysis of 'Debuted Texts' by M.M. Bakhtin)"]. *Bakhtin pod maskoi. V.N. Voloshinov. Frejdzizm* [*Bakhtin under a mask. V.N. Voloshinov. Freudianism*]. Moscow, Labirint Publ., 2004, pp. 147–183. (In Russ.)
47. Peshkov, I.V. "Povtornoe v nepovtorimom, ili kak proschitat' individual'nyj stil': statisticheskij ehpilog problemy 'Bakhtin pod maskoi'" ["Repetition in a Unique, or

- How to Calculate an Individual Style: the Statistical Epilogue of the Problem 'Bakhtin Under a Mask'] *Mirgorod*, no. 16 (2020 / 2), pp. 32–59. (In Russ.)
48. Peshkov, I.V. "Geroj nashego vremeni. Po povodu knigi Alekseya Korovashko 'Mikhail Bakhtin' (Moskva 2017)" ["Hero of Our Time. Regarding the Book by Alexei Korovashko 'Mikhail Bakhtin' (Moscow 2017)"]. *Mirgorod*, no. 16 (2020 / 2), pp. 259–282. (In Russ.)
49. "Plan i nekotorye rukovodyashchie mysli raboty "Marksizm i filosofiya yazyka" / "Lichnoe delo V.N. Voloshinova" / Publ. N.A. Pan'kova ["The Plan and Some Guiding Thoughts of the Work "Marxism and the Philosophy of Language", "The Personal File of V.N. Voloshinov", ed. by N.A. Pankov]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 2, 1995, pp. 79–99. (In Russ.)
50. Renfru, A. "Ne vse voprosy dolzhny ostat'sya otkrytymi: Krajne sub'ektivnye zametki o konferencii "V otsutstvii mastera: neizvestnyj krug Bakhtina (Sheffild, 7–9 oktyabrya 1999 goda)" ["Not All Questions Should Remain Open: Extremely Subjective Notes About the Conference 'In the Master's Absence: the Unknown Circle of Bakhtin (Sheffield, October 7–9, 1999)"]]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 2, 2000, pp. 157. (In Russ.)
51. Rymar', N.T. "Bakhtinskaya koncepciya arkhitektoniki ehsteticheskogo ob'ekta i problema granicy 'iskusstvo / ne iskusstvo'" ["Bakhtin's Concept of Architectonics of Aesthetic Object and the Problem of the Border 'Art / not Art'"] *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya «Filosofiya. Filologiya»*, no. 1 (4), 2006, pp. 247–256. (In Russ.)
52. Svitel'skii, V.A. "Idei M.M. Bakhtina i sovremennoe izuchenie russkoj literatury XIX veka" ["M.M. Bakhtin's Ideas and Contemporary Study of Russian Literature of the 19th Century"]. *M.M. Bakhtin i perspektivy gumanitarnykh nauk [M.M. Bakhtin and the Prospects of the Humanities]*. Vitebsk, 1994, pp. 118–123. (In Russ.)
53. Slyusareva, N.A. "Dva slova o V.N. Voloshinove" ["Some Words about V.N. Voloshinov"]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 4, 1998, pp. 184–185. (In Russ.)
54. Tamarchenko, N.D. "M. Bakhtin i P. Medvedev: sud'ba 'Vvedeniya v poetiku'" ["M. Bakhtin and P. Medvedev: the Fate of 'Introduction to Poetics'"] *Voprosy literatury*, no. 5, 2008, pp. 160–184. (In Russ.)
55. Tamarchenko, N.D. "Poetika Bakhtina i sovremennaya recepciya ego tvorchestva" ["Bakhtin's Poetics and Modern Reception of his Work"]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2011, pp. 291–340. (In Russ.)
56. "Tridcat' let spustya: Redaktor 'Rable' S.L. Lejbovich vspominaet o podgotovke knigi k izdaniyu" ["Thirty Years Later: Editor of 'Rabelais' S.L. Leibovich Recalls

- the Preparation of the Book for Publication”]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 1, 1997, pp. 162–163. (In Russ.)
57. Turbin, V.N. “Ehmigraciya v MASSR” [“Emigration to the MASSR”]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 4, 1997, pp. 92–113. (In Russ.)
 58. Tyupa, V.I. *Literatura i mental'nost'* [Fiction and Mentality]. Moscow, 2009, 276 p. (In Russ.)
 59. Chudakov, A.P. “Sprashivayu Shklovskogo...” [“Asking Shklovskiy...”]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 6, 1990, pp. 65–70. (In Russ.)
 60. Yakobson, R.O. “Predislovie k knige ‘Marksizm i filosofiya yazyka’” [“Preface to the Book ‘Marxism and the Philosophy of Language’”]. *Voprosy literatury*, 2016, no. 6, pp. 106–108. (In Russ.)
 61. Brendist, C. *The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics*. London, Pluto Press, 2002, 222 p. (In English)
 62. Bronckart, J.-P., Bota, C. *Bakhtine demasque: histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un delire collectif*. Geneve, Droz, 2011, 629 p. (In French)
 63. Clark, K., Holquist, M. *Mikhail Bakhtin*. Cambridge, Harvard Univ. press, 1984. 398 p. (In English)
 64. Coates, R. *Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author*. Cambridge, Cambridge Univ. press, 1998, 201 p. (In English)
 65. Epstein, M. “Hyperauthorship in Mikhail Bakhtin: The Primary Author and Conceptual Personae”. *Russian Journal of Communication*, vol. 1, no. 3, Summer 2008, pp. 280–290. (In English)
 66. Hirschkop, K. *Mikhail Bakhtin: An Aesthetic for Democracy*. Oxford, Oxford Univ. press, 1999, 332 p. (In English)
 67. Morson, G.S., Emerson, C. *Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics*. Stanford, Stanford University Press, 1990, 554 p. (In English)
 68. *The Bakhtin Circle. In the Master's Absence*, ed. by C. Brandist, G. Tikhanov, D. Shepherd. Manchester, Manchester Univ. press, 2004, 286 p. (In English)

ПУБЛИКАЦИИ

РОССИЯ ПЕРЕД УГРОЗОЙ РЕВОЛЮЦИИ: НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО К.С. АКСАКОВА К НИКОЛАЮ I ОТ 28 МАРТА 1848 г. (КРАТКАЯ И ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИИ)*

Об отложившемся в архивохранилище Пушкинского Дома письме Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860), адресованном Николаю I в марте 1848 г., когда Европу захлестнула волна неповиновения властям и вооруженных восстаний, стало известно не так давно. О нем не упоминается в 22-томном труде Н.П. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина» (СПб., 1888–1910) – летописи славянофильского движения, до сих пор единственной в своем роде по подробности и документированности; нет ни намек на это письмо ни в довольно подробной монографии С.А. Венгера о К.С. Аксакове (СПб., 1912), ни в опубликованной семейной переписке Аксаковых, ни в обзорном описании «Архив К.С. Аксакова», сделанном Е.И. Анненковой (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977. С. 3–19).

Письмо К. Аксакова к Николаю I было введено в научный оборот историком Н.И. Цимбаевым в 1976 г.: анализу этого документа посвящена одна страница в его статье «Из истории славянофильской политической мысли. К.С. Аксаков в 1848 году» (Вестник Московского университета. Серия IX: История. 1976. № 5. С. 84–87; без изменений включено в монографию: *Цимбаев Н.И.*

* Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917» в Институте философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли. М., 1986. С. 154–155). Здесь ощутимо влияние времени, когда взгляды славянофилов в советской историографии рисовались по преимуществу одной черной краской, – отсюда, вероятно, достойная сожаления резкость выражений: по словам Н.И. Цимбаева, К. Аксаков, испытывая «фанатическую, почти болезненную ненависть» ко всему западному, «на грани политического доноса» сообщал императору о «западном направлении», «неумно и зло» охарактеризовал восстание декабристов, «твердо встал в лагерь контрреволюционеров» и т.п. При этом оказалась искажена позиция К. Аксакова; например, утверждалось, что «под “западным” направлением он понимал не салонное петербургско-московское западничество, а те ростки революционно-демократической идеологии, которые он видел и так боялся в деятельности В.Г. Белинского и А.И. Герцена». Но достаточно прочесть само письмо К. Аксакова к Николаю I, чтобы убедиться, что его смысл в значительной степени был передан, что называется, с точностью до наоборот.

Поэт-романтик и идеалист в общественно-политических вопросах, К. Аксаков мишенью для своих инвектив как раз и избрал салонное западничество и – шире – все дворянское сословие, порожденное Петровским временем; он, конечно, никакой не политический доносчик, а русский патриот, беспокоящийся о цивилизационном выборе России и дерзновенно напоминающий властям предрежащим о гибельности насильственного искажения исторического пути Отечества, который предустановлен его изначальными вероисповедными и нравственными основами.

В своем замысле К. Аксаков (возможно, интуитивно) отталкивался от «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н.М. Карамзина (1811), и его письмо к Николаю I, по справедливому утверждению В.А. Кошелева, «уже самим фактом написания, самим намерением предваряет знаменитую “Записку о внутреннем состоянии России”, посланную Аксаковым семь лет спустя (и уже другому царю)» (*Кошелев В.А. К.С. Аксаков и западные революции // Литература и история: (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб.: Наука, 1992. С. 309*).

Создание письма к царю было вызвано оглушительными известиями о революционных событиях во Франции, о которых

Аксаковым часто становилось известно раньше, чем другим москвичам, благодаря близкому другу семьи А.Ф. Томашевскому, служившему в почтамте цензором иностранных газет. 27–28 февраля 1848 г., при первых вестях из Парижа, С.Т. Аксаков писал среднему сыну Г.С. Аксакову в Симбирск: «Теперь не в том дело, что безумные и отвратительные в своих неистовствах Французы провозглашают Францию республикой, а в том, что пожар разольется по всей Европе и всякий будет занят у себя дома. <...> но черт с ними, с безумными Французами, лишь бы нам не потерпеть от их страсти к революции!» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 28. Л. 8 об.). Однако настоящего опасения, что Россию может охватить западный пожар, у Аксаковых не было изначально, чему свидетельством реакция С.Т. Аксакова на тревожное письмо от петербургского знакомого А.И. Панаева. Сергей Тимофеевич сообщает в Симбирск: «...в письме слышно живое опасение за самих себя; но это напрасно. В Петерб<урге> не знают Русского Царства. Еще крепко и недоступно оно для заразной болезни, тревоги и мятежа. Европа будет для нас спасительным уроком. Разумная Русская природа всего достигнет своим путем, самобытным и не похожим на других, если не станут прививать к ней насильственно чуждых и не сродных ей понятий» (там же). И.С. Аксаков писал в эти дни кн. Д.А. Оболенскому: «...когда весь Запад отрывается от всех начал, которыми управлялся во всю свою историю, <...> теперь-то вырастает огромное значение России и всякий поймет, что одно спасение нам в нашей самостоятельности. Теперь дело обращения к самим себе будет гораздо легче: не за что ухватиться на Западе, все кругом раскачалось и качается» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. I. С. 439).

Как видим, подобные убеждения, озвучивавшиеся Аксаковыми в письмах и разговорах с друзьями ранней весной 1848 г., демонстрируют их единомыслие во взглядах на революцию. Этими письменными и изустными беседами в дружеском кругу порождено и начало собственно публицистической деятельности К. Аксакова как политического мыслителя общенационального значения. И первым опытом его в этой ипостаси стало открытое письмо к Николаю I (до 1848 г. он выступал исключительно как поэт, филолог и литературный критик).

Поводом к обращению на Высочайшее имя стал Манифест Николая I от 14 марта 1848 г. по поводу революций в Европе и последовавшее за ним официальное пояснение (оно увидело свет в органе Министерства иностранных дел *Journal de St.-Petersbourg*), предназначенное прежде всего для иностранцев, усмотревших в тексте Манифеста намерение России подавить оружием революционное движение. В марте К. Аксаков писал своему confidentу, историку А.Н. Попову: «Вчера прочел я официальную статью о Манифесте. Как хороша она. – Как смело и в то же время умеренно, с каким достоинством и благородством, с какою твердостью написано. Я, брат Иван, Батюшка и все, кого я видел из наших знакомых, в восхищении от статьи. Эта статья, одним словом, согласна с достоинством России. В ней высказываются *умеренность* и *неколебимость*. Гордыня – порок Запада. Я вспомнил стихи Хомякова, как хороши они:

Непрочен всякой дух гордыни,
Неверно злато, сталь – хрупка;
Но верен ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука».

(ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 15. Л. 10–10 об.; курсив в цитатах здесь и далее принадлежит соответствующим авторам).

К. Аксаков продолжал – по поводу реакции Запада на Манифест: «Наплевать нам на его брань. – Нечего нам бояться Западных угроз. – Это чувство твердой уверенности и спокойствия силы выражается в статье о Манифесте. Я с радостью заметил там одно обстоятельство: везде Государь именуется в ней *Царем*. Это имя Русское» (там же. Л. 11). В апреле, уже после создания письма к Николаю I, К. Аксаков делился с тем же корреспондентом своими мыслями, облекая их в чеканные формулировки: «Теперь настало наконец время, когда всякой должен понять, что нам, Русским, надо отделиться от Европы Западной, *что верная порука тишины и спокойствия есть наша народность*. У нас другой путь; наша Русь – Святая Русь. Пора же перестать быть обезьянами чужих племен. <...> Вы знаете, как постоянно был я против Западного направления; я теперь еще более против него. *Отдалиться от*

Западной Европы – вот все, чего нам надо» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 15. Л. 12–13 об.).

Дружеская переписка становится как бы конспектом публицистических статей, а те, в свою очередь, формируют, так сказать, славянофильский самиздат – прямолинейные статьи К. Аксакова, как правило, с самого начала не предназначаются для печати и распространяются в списках. Было ли отправлено и дошло ли до августейшего адресата письмо К. Аксакова? Н.И. Цимбаев и вслед за ним В.А. Кошелев полагают, что «скорее всего нет». Вместе с тем изучение рукописей (сохранились три автографа и два списка) представляет данные, позволяющие заключить, что намерение такое у К. Аксакова было. К тому же в вышецитированном апрельском письме упомянуто, что ранее он укорял Попова, решив, что тот не показал его «статью» какому-то лицу в Петербурге (не исключено, что гр. Д.Н. Блудову), однако потом выяснилось, что Попов исполнил поручение приятеля. Можно предположить, что К. Аксакова отговорили от передачи письма по назначению.

Публикуемый впервые – спустя более 170 лет после создания – текст первого неподцензурного выступления К. Аксакова-публициста по вопросам политики замечателен тем, что он является своеобразным компендиумом славянофильского отношения к целому ряду проблем, среди которых – тесное взаимодействие вероисповедных устоев и государственного устройства, невозможность религиозно-нравственного оправдания революции при всей ее социально-исторической логичности, охранение национального своеобразия и взаимовлияние разных культур и др. Решение этих проблем нацелено на воссоздание в России XIX в. идеальных общественно-государственных отношений, ростки которых славянофилы видели в допетровском периоде.

Как уже отмечалось, сохранилось пять рукописей письма К. Аксакова к Николаю I (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 20. 48 л.). Одна из них (л. 34–48) – наборная. Это список, сделанный неизвестным лицом с рукописи, содержащий поправки и примечания И. Аксакова. Его же рукой дано название «Проект письма к Государю в 1848 году» вместо предварительного (оно зачеркнуто): «Письмо к Государю 1848 года» (л. 34). Вероятно, этот список относится к 1861 г., когда И. Аксаков готовил к печати посмертные тома исторических сочинений старшего брата и его публицистики.

В архиве Аксаковых сохранилось составленное Иваном Оглавление II тома Сочинений К.С. Аксакова, где под 7-м номером значится: «Голос из Москвы и Письмо к Государю 1848 г.» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед. хр. 112. Л. 11). «Голос из Москвы» – статья, написанная в апреле 1848 г. (опубликована по рукописи В.А. Кошелевым в 1992 г.). Как известно, в 1860-х годах по цензурным условиям том публицистики, в отличие от тома исторических сочинений, так и не был напечатан.

Второй список (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 20. Л. 28–32) – копия, сделанная, судя по почерку, молодым И. Аксаковым; она имеет название «Письмо к Государю», содержит произвольные, но понятные сокращения (например, «В.В.» вместо «Ваше Величество»).

К. Аксакову принадлежат три автографа-подлинника: 1) черновая рукопись (л. 2–10 об.), содержащая правку рукой И. Аксакова; 2) переписанная набело рукопись с изменениями и исправлениями автора (л. 12–20); 3) беловая, значительно сокращенная рукопись без исправлений (л. 21–26); она единственная из трех имеет датировку: 28 марта 1848 г. (любопытно, что 29 марта – день рождения К. Аксакова). Именно эту третью рукопись собирался опубликовать в Собрании сочинений брата И. Аксаков, предполагая добавить к ней фрагмент из второй рукописи после своей ремарки: «В черновике настоящего письма, после слов “Святая Русь”, следуют еще печатаемые ниже сего строки, не вошедшие в окончательную, подписанную автором, редакцию письма» (л. 44–45).

Исследование трех рукописей К. Аксакова позволило сделать вывод о том, что первая из них была заготовкой-наброском письма к Николаю I. Ее, видимо по просьбе автора, прочел И. Аксаков (он с конца мая 1847 г. служил обер-секретарем в Московском Сенате), вычеркнувший карандашом многие фразы и отдельные строки, а в ряде случаев предложивший на полях свои варианты: как опытный чиновник, он стремился сделать из вдохновенного эскиза брата вариант, более приемлемый для отправки царю. Затем К. Аксаков изготовил эту сокращенную версию, в основном согласившись с предложениями младшего брата, причем писал очень аккуратно, выводя каждую букву (назовем этот текст *Краткой редакцией*), и улучшенный развернутый вариант (условно *Пространная редакция*). С абсолютной точностью невозможно сказать, в какой последовательности создавались эти редакции –

возможно, что не одна вслед за другой, а параллельно. Вполне вероятно к тому же, что Пространная редакция дорабатывалась впоследствии в несколько приемов: уточнялась мысль, шло стилистическое усовершенствование.

Публикуем обе редакции, Краткую и Пространную, сопроводив первую из них историко-литературным комментарием, а вторую – текстологическими примечаниями, содержащими отсылки к черновой рукописи и отвергнутые автором варианты самой Пространной редакции, а также ремарки И. Аксакова на полях черновой рукописи. Тексты печатаются аутентично подлинникам, без орфографической модернизации. Зачеркнутые фрагменты заключены в квадратные скобки, конъектуры публикатора – в угловые, подчеркнутые слова выделены курсивом.

I. Краткая редакция

Голос Вашего Императорского Величества раздался по России; его слышал всякой Русской, всякой верноподданный Ваш. Вы возвестили нам минуту смятений исторических, прямо обратились к народу, указав на волнующийся Запад¹. Призыв Ваш, как Вы и надеялись, не прошел без ответа². Не нова была бы для нас война, если б она настала. Еще менее нов был бы для нас мир, если б, по милости Божией, он сохранился.

Но минута, наступившая для Европы, велика; но, – нет сомнения, – волнующийся и колеблющийся к падению Запад возвещает новое величие и славу России и указывает ей путь, самому ему (Западу) противоположный.

Неуместно и неприлично было бы обременять Ваше Величество теми мыслями, которые могут придти в голову частного

¹ Аксаков отсылает к начальным словам Высочайшего манифеста от 14 марта 1848 г.: «После благословений долголетнего мира запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства» (Сын Отечества. 1848. Кн. 4. Отд. II. С. 1).

² См.: «По заветному примеру Православных НАШИХ предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, МЫ готовы встретить врагов НАШИХ, где бы они ни предстали, и, не щадя СЕБЯ, будем, в неразрывном союзе с Святою НАШЕЮ Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов НАШИХ» (там же. С. 2).

человека; пусть доносит их до Вас общественная молва. Но в настоящую минуту событий, когда голос Ваш слышала вся земля Русская и все великое необъятное пространство Государства Российского, – молчать частному человеку о том, что он находит истинною важною и несомненною, что живет глубоко и неотъемлемо в душе, молчать в таком случае перед Вашим Величеством было <бы> даже некоторым образом виновно. – Вот почему пишу я Вам, Государь! Обратите внимание Ваше на искренние слова мои: а там, пусть будет Ваша воля.

Мысли, в истине которых я вполне убежден, таковы:

Отделиться от Запада: вот чего нам надо. Сильно об этом говорит время. Великое море тишины Русской изумляет в сравнении с нестройными криками и бездною волнений Западных. – К чему жизни молодой и здоровой, какова наша, быть связанною с жизнью дряхлой и больной, какова жизнь Запада? Современное волнение Западной Европы и безумное его стремление – это не есть даже юношеское, но старческое движение, возбужденное раздражительными, неестественными мечтами.

У Русской земли свой особый путь. Первое, что разделяет нас от Запада и что составляет основу нашей жизни, есть, без сомнения, *Вера*, наша непорочная Православная Вера. Она принята была Русским народом не наружно только, но во глубину души, и потому проникла всю его общественную жизнь. Русской народ понял, что задача жизни – внутренняя и нравственная, что сила Христианина – смирение и терпение. От жизни здешней не требовал Русской народ совершенства земного, невозможного, и всегда желал строить ее на вечном начале Веры. – Это видите Вы, Ваше Величество, при взгляде на всю древнюю историю Русскую и на весь быт истинно Русской теперь, т.е. на быт крестьянской. Это глубоко понято в официальной статье о манифесте, когда сказано: *«Всякое общественное устройство, все возможные, даже самые усовершенствованные формы правления имеют свои недостатки. Зная это, Россия почитает первым для себя благом неизыблемость существующего в оной законного порядка»*³. – Как резко эти слова

³ Там же. С. 4. Это разъяснение Манифеста первоначально было помещено в петербургском офицозе *Journal de St.-Petersbourg* – как здесь указывалось, в связи с тем, что «за границу как действия, так и объявления нашего Правительства часто перетолковываются совершенно в превратном смысле», и «дабы пре-

отделяют нас от Запада, верящего в совершенство правления и революцию избравшего путем к тому. Россия никогда не искала совершенства правительственной формы, ибо знала, что оно и невозможно на земле. Быт и нравственная внутренняя жизнь, Верою основанная, – вот то, о чем она заботилась. – Вот почему революция чужда Русскому народу. Вот почему сам Иоанн IV^й мог быть спокоен совершенно в свое долгое Царствование, ибо никто не думал подыматься или злоумышлять против него, но народ и мучимые им молились о душе его. – Терпение и смирение – вот наши добродетели. Запад смеется и ругается над ними и над народом, имеющим их; но, если б терпение и смирение были следствием слабости или даже бессилия, наши враги имели бы какое-нибудь основание упрекать нас. А терпение и смирение соединены в Русском народе с такою силою, которую хорошо знает и испытал и сам враждебный Запад, приходивший бороться с нами. Впрочем, христианские добродетели в настоящем смысле могут быть соединены только с силою духа. Пусть близорукие народы, не ведающие глубокой силы внутренней и нравственной, идут путем насильственных переворотов, судорожных революций, и видят, жалкие заблудшиеся! признак силы в пьяном иступлении; пусть лгут они на человеческую жизнь, облекая ее в разные фразы, эффекты и декорации⁴, при недостатке жизни внутренней. Такой взгляд никогда не будет нашим. – Противна и глубоко чужда народному Русскому духу революция. Наш путь есть путь иной: внутренний, мирный и нравственный, путь смирения, истинный путь Православной нашей Христианской Веры: вот почему Россия зовется *Святая Русь*.

Но Россия, или, лучше, часть России, называемая образованною и просвещенною, находится под влиянием Запада. Но обще-

дупредить те ложные заключения, которые иностранцы вздумали бы выводить из означенного Манифеста», т.е. обвинения России в том, что она вынашивает агрессивные замыслы по подавлению революционного движения в Европе [там же. С. 3].

⁴Здесь несомненна отсылка к французской литературе – произведениям «неистовых романтиков» и социальным романам-фельетонам Ф. Сулье и Э. Сю, к которым Аксаков относился с большим предубеждением за, по его словам, «филантропическую тенденцию» – стремление пробудить сострадание к беднякам, т.е. за внеположную, по его убеждению, истинному искусству, дидактическую цель (см.: Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. С. 138).

ство наше подражает Западу и насильственно прививает себе его болезни и, стало быть, самые последствия его болезней. В этом-то горе и печаль нашей Русской земли. Это влияние Запада и подражательность ему составляют вредоносную связь, которая может быть проводником Западного зла⁵, хотя не всеобщего (ибо простой народ остался верен своим святым началам), но все же великого зла. Щастье наше то, что все эти болезни у нас прививные, что все это зло у нас является как вопрос только национальный, что дозвольно нам быть Русскими, чтобы отделиться от всего этого зла.

Петр Великий под влиянием правительственных потребностей своего времени и пленяясь блеском Западного просвещения, удалился от Русской народности, основанной на святых началах Веры, и вдвинул насильственно часть России на путь Западный. Если быт наш до Петра и имел свои недостатки, то в нем же самом лежало исцеление: подобно тому, как худой Христианин в самой Вере Христианской находит и осуждение себе и исцеление, а для этого не ищет, не принимает новой Веры. — Что касается до стрельцов, то это был совершенный эпизод и недолго продолжавшийся. Сверх того, стрельцы, хотя и были оскорбляемы оскорблением народности⁶ и за нее подымались, но они не были поддерживаемы народом. — В 1698^м году уже стрельцы были истреблены. Это было частное восстание войска, вроде преторианского⁷; восстание, которое было вовсе не народно и не имеет никакого общего значения. — Итак, с Петра Великого устранен был Русской быт, Русские общественные основы, даже Русской язык, даже самая Русская одежда, даже древняя Русская столица. — В Русской истории переворот Петра Великого есть — *революция*, революция, произведенная Монархом, монархическая, но тем не менее рево-

⁵ В письме к А.Н. Попову от апреля 1848 г. К.С. Аксаков отмечал: «...все связи нашей публики с Западной Европой должны быть прерваны. Должна кончиться наконец подражательность! — Само время, кажется, указывает нам быть вполне Русскими» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 15. Л. 12 об.).

⁶ Как известно, одной из причин Стрелецкого бунта 1898 г., жестоко подавленного Петром, стало назначение иностранных офицеров на высшие военные должности.

⁷ Преторианцы (личные телохранители римских императоров) в первые столетия нашей эры неоднократно устраивали заговоры и перевороты, свергая слабых и непопулярных в народе императоров.

люция; и революция эта, в лице Петра, как явление небывалое в России, явление Западное, сопровождалась, разумеется, влиянием Западным, была порождена им и произвела его в свою очередь. Часть России подчинилась перевороту, отказалась от всего Русского, составила *публику* и возвысилась над простым народом⁸. А простой народ вооружился, как и всегда, терпением и сохранил свой быт и свои святые начала Веры; в простом народе, в крестьянах, живет теперь Святая Русь. Преимущества⁹ и богатства выпали на долю общества, одевшегося по-Немецки. Зло не замедлило обнаружиться. История полутора столет с Петра показывает, где были измены, где были революционные попытки, где была оскорбляема жизнь народа и власть Государя: именно в том обществе, которое отреклось от Русской земли и подчинилось Западному духу. Оно повторяло в своем кружке, хотя и небольшом, но пользующемся всеми силами материальными, повторяло, сколько могло, незаконные стремления Запада, являло презрение и вместе деспотизм к народу, ему подчиненному, с одной стороны, и аристократические замыслы перед престолом – с другой. Обнаружились все болезни чужих краев. Ослабела Вера. Явилась небывалая прежде, постыдная лесть перед Монархом, лесть, за которою следовали постыдные, небывалые также, замыслы против Монарха. Петр Великий, как революция, как пошедший по Западному пути, произвел ряд попыток революций именно в той части России, которая за ним последовала. – Новое дворянство скоро замыслило конституцию, при восшествии Анны; но попытка эта, слава Богу, не удалась. Беззаконное низложение Петра III¹⁰, долговременное удаление Павла I¹⁰ от престола и, наконец, жалкая и бессмысленная попытка 14¹⁰ Декабря, попытка, оскорбляющая достоинство народа, может быть, даже более, чем достоинство Монарха, – все это было вредным плодом Западного влияния. – Русской народ (или Святая Русь) не был, не есть теперь и не будет участником в подобных замыслах. Москва не была никогда осквернена гнусным делом и предательством против своего Государя, несмотря на бур-

⁸ См. написанную в том же 1848 г. заметку Аксакова «Опыт синонимов. Публика и народ», опубликованную в декабре 1857 г. в газете «Молва» и вызвавшую цензурный скандал. Впервые же эта излюбленная антитеза Аксакова появилась в статье «О Карамзине», написанной на рубеже 1847 и 1848 гг.

⁹ Это слово вписано над зачеркнутым: Власть

ные испытания, ее посещавшие. Напрасно утверждают, что старая Русь миновалась; она живет, наша Святая Русь, в простом народе, не запятнанном преступлениями Запада.

Итак, освободиться от влияния Запада – вот чего нам надо. Вред его уже теперь ощущается многими. Иностранное воспитание, подражательность чужим краям и отделение от народа чрезвычайно затруднили отношение крестьян к помещикам. До Петра помещики, не отделяясь от народа ни Верою, ни образом жизни, не могли по тому самому быть так тяжелы для крестьян, как могут быть теперь наши Европейски образованные помещики. Чужестранное влияние превратило боярина в барина, полного часто презрения к Святой Руси или совершенного о ней невежества, и в то же время униженного подражателя и ласкателя Западной Европы. – Влияние Запада выразилось также в образе жизни нашего высшего общества, в светскости, заимствованной с Запада, в ослаблении Веры, источника всего благого и истинного, и в несогласии с нею образа жизни нашего, так называемого образованного, общества. – Сюда примыкает прямо по-видимому легкая, но на деле могущественная власть: *Moda*¹⁰. Мода все объемлет: и мысли, и чувства, и действия, и одежду. Это сила опять чисто Западная, неизвестная нам прежде, явление, соединенное с суетным направлением Европейской жизни. Она, эта сила моды, обращает и приковывает к Западу взоры публики нашей, которая с подобострастием и торопливостью спешит по моде восхищаться, мыслить, действовать и одеваться. Главное, собственное выражение моды есть *одежда*, костюм. Одежда слита с образом и условиями всей жизни, и гораздо важнее, нежели многие думают. С разными уборами и прическами приходит много Западного влияния, вредно действующего

¹⁰ Аксаков писал А.Н. Попову в марте 1848 г., перед тем как возник замысел письма к Николаю I: «Если б сбросить нам вместе с Западным направлением и одежду Западную: в прихотях Моды много приходит к нам Западного зла. Надо бы разорвать и эту связь и это влияние Запада, по-видимому пустое, но сильно действующее на нашу публику. Надо бы облечься нам в Русскую одежду» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 15. Л. 11). И о том же – в письме к тому же адресату от апреля 1848 г.: «Посмотрите, как хитро имеет влияние на публику нашу Западная Европа. Она проводит свою ложь посредством *моды, нарядов, светскости, балов* и т.п. Она отрывает Русское образованное общество от народности, делает его подражательным, делает его пустым, бесполезным, если не вредным для Русской земли» (там же. Л. 12 об.).

на Русскую душу. Важно уже одно то обстоятельство, что на Запад постоянно обращены взоры публики нашей, не смеющей одеться, а вместе и мыслить иначе, как велит Запад. Как сильно действуют по-видимому пустые причины на всю жизнь и на весь образ жизни! – Не осмеливаясь касаться вопроса, какими средствами может быть исправлено вредное влияние Дворянства и самого образа жизни, я позволяю себе вообразить одно: если б оставлена была одежда Западная и надета была Русская. Вмиг это тревожное внимание нашего общества, направленное к Западу, исчезло бы. Власть моды бы вмиг пала относительно одежды, а вместе с тем пала бы или по крайней мере совершенно бы ослабела относительно всего того, на что мода имеет влияние, т.е. мыслей, чувств и действий. – Западное влияние выражается также и в постыдном употреблении языка Французского вместо своего Русского. Это показывает, что Русские люди как будто признают себя лишенными языка, тогда как он дан им Богом в таком богатом виде. Какой из современных языков сравнится с нашим? Возвращение Русскому языку употребления имело бы огромное благотворное влияние, и западный склад речи, а часто вместе и мысли, исчез бы скоро в нашем образованном обществе; и это обстоятельство много бы способствовало к уменьшению Западного влияния.

Наконец, в Ваше Царствование, Государь, возникло Русское народное чувство, которое Вы старались так сильно поддержать. – Все знают, что Вы не любите слушать, когда говорят по-Французски Русские люди, и что Вы сожалеете, когда купцы бреют бороды и надевают Немецкое платье. – Пробудилось Русское чувство и восстало против подражательности и лжи нашего общества, против жалкого обезьянства¹¹. После почти полуторастолетнего мол-

¹¹ В письме к А.Н. Попову (март 1848 г.) Аксаков восклицал: «Да когда же совершенно разорвем мы связи с Западом! Кажется, теперь настало время, когда мы видим всю нелепость подражательности нашей и обезьянства. Зачем нам терпеть, нам, здоровым, от его болезней, которые наша публика до сих пор себе прививала? – История наша – другая. – Путь у нас – свой. – Православная и святая Русь – не Запад. – Пора перестать нам быть посмешищем и обезьяной Запада» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 15. Л. 10–11 об.). В апреле Аксаков развивал ту же тему в письме к другу-историку: «С самого Петра Великого продолжалось подражательное направление Русского т<ак> н<азываемого> образованного общества; настало время прекращения подражательности. – Иностраннный образ жизни, свет, танцы, иностранная одежда, иностранное направление в чувст-

чания или попугайного повторения чуждых слов Русская мысль и Русское чувство явились опять, еще темно и слабо вначале. Забывши, в период подражательности, много Русской жизни, и мысль и чувство обратились к истории Русской, к грамотам, к историческим актам, которые издаются так деятельно Вашею волею, Государь¹²! – Теперь яснее стала нам наша старина и вместе с нею начала нашей жизни. Окончательно пала (для сознания многих) точка Западного воззрения, и мы видим, что у нас свой особый путь и особые святыя начала. Пусть же эта деятельность Русского духа на внутреннем нравственном основании, основании Веры, борется с подражательностью нашего, слывущего образованным, общества; пусть побеждает внутреннюю, мирною силою убеждения – зловерное обезьянство Западу; пусть исцеляет нас своим здоровым влиянием от искусственных недугов Запада, столько вредящего нам, столько успевшего заразить нас; пусть прогоняет она, одним только восхождением своим, все мраки безверия, гордыни, кичливости и самонадеянности человеческой, которых оттенки зашли и к нам. – Одним словом, пусть с большим и большим правом заслуживаем мы и носим великое наше имя: *Святая Русь*.

Верноподданный
Константин Аксаков

1848 года
Марта 28
Москва

вах и в мыслях – все связано между собою, и все не в духе Православной Русской земли» (там же. Л. 13).

¹² Подразумеваются издания Императорской Археографической комиссии в Санкт-Петербурге. Перечислим те из них, что вышли к 1848 г.: «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук» (1836. Т. 1–4); «Акты исторические» (1841–1842. Т. 1–5); «Дополнения к Актам историческим» (1846–1848. Т. 1–3); «Акты, относящиеся к истории Западной России» (1846–1848. Т. 1–3); «Акты исторические, относящиеся к России, на иностранных языках, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым» / «Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliotecis deprompta, ab A.I. Turgenewio» (1841–1842. Т. 1–2); «Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и ганзейскими городами» (1848).

II. Пространная редакция

Ваше Величество!

Голос Вашего Императорского Величества¹³ раздался по России; его слышал всякой Русской, всякой верноподданный Ваш. Вы возвестили нам минуту смятений¹⁴ исторических, прямо обратились к народу, указав на волнующийся Запад. Призыв Ваш, как Вы и надеялись, не прошел без ответа. Не нова была бы для нас война, если б она настала. Еще менее нов был бы для нас мир, если б, по милости Божией, он сохранился.

Но минута, наступившая для Европы, велика; но, – нет сомнения¹⁵, – волнующийся и колеблющийся к падению Запад возвещает новое величие и славу России и своим горьким опытом указывает¹⁶ ей путь, самому ему (Западу) противоположный.

Неуместно и неприлично было бы обременять Ваше Величество теми мыслями, которые могут придти в голову частного человека; пусть доносит их до Вас общественная молва¹⁷. Но в настоящую минуту событий, когда¹⁸ голос Ваш слышала вся земля Русская и все великое необъятное пространство Государства Российского, – молчать частному человеку о том, что он находит истинною необходимою, что живет глубоко и неотъемлемо в душе, молчать в таком случае перед Вашим Величеством¹⁹ было бы, по моему мнению, виновно²⁰. – Вот почему пишу я Вам, Государь! Обратите внимание Ваше на искренние слова мои: а там, пусть будет Ваша воля.

Мысли мои, в истине которых я убежден вполне, таковы²¹:

¹³ Было: Голос Ваш. Здесь и далее пометы «было», «был», «были» означают отсылку к первоначальному черновому варианту; см. вступительную заметку.

¹⁴ Над этим словом был вписан вариант: волн<ений>, но затем зачеркнут.

¹⁵ Сверху был вписан вариант: кажется

¹⁶ Было: славу России и указывает

¹⁷ На полях был вариант: <общественн>ое мнение

¹⁸ На полях был вариант: после того как

¹⁹ На полях был вариант: и не высказать всех мыслей / всего Вашему Величеству

²⁰ На полях были варианты: почти преступлением / если не преступлением, то / большою виною

²¹ Было: Вот что почитаю я истинною несомненное, с вариантами на полях: Представляю Вам мои мысли (в которых убежден я вполне), которые, по моему

Отделиться от Запада – вот чего нам надо. Сильно об этом говорит время. Великое²² море тишины Русской изумляет в сравнении с нестройными криками и бездною волнений Западных. – К чему жизни молодой и здоровой, какова наша, быть связанною с жизнью дряхлой и больной, какова жизнь Запада?²³ И теперь волнение Запада и безумное его стремление – это не есть даже юношеское, но старческое движение, возбужденное раздражительными, неестественными мечтами.

У Русской земли свой особый путь. Первое, что разделяет нас от Запада и что составляет основу нашей жизни, есть, без сомнения, *Вера*, наша непорочная Православная Вера. Она принята была Русским народом не наружно только, но во глубину души, и потому проникла всю его общественную жизнь. Поэтому Русской народ понял, что задача жизни – есть внутренняя и нравственная, что сила Христианина – смирение и терпение. От жизни здешней не требовал Русской народ²⁴ совершенства земного, невозможного, и всегда желал строить ее на вечных началах Веры. – Это видите Вы, Ваше Величество, при взгляде на всю древнюю историю Русскую и на весь быт истинно Русской теперь, т.е. на быт крестьянской. Это глубоко понято в официальной статье о манифесте, когда сказано: *«Всякое общественное устройство, все возможные, даже самые усовершенствованные формы правления имеют свои недостатки. Зная это, Россия почитает первым для себя благом незыблемость существующего в оной законного порядка»*. – Как резко эти слова²⁵ отделяют нас от Запада, верящего в совершенство правления и революцию избравшего путем к тому²⁶. Да, Россия никогда не искала совершенства правительственной формы, ибо знала, что оно и невозможно на земле. Быт и нравственная внутренняя жизнь, Верою основанная, – вот то, о чем она заботилась. – Вот почему революция чужда Русскому народу. Вот почему²⁷ сам

мнению, вполне истинны: / Мысли мои, в истине которых я убежден вполне (которые, по моему мнению, истинны вполне), таковы:

²² Было: Величавое

²³ Далее было зачеркнуто: А она связана между тем / современное

²⁴ Сверху был вариант: он

²⁵ Было: Как эти слова резко

²⁶ Было: он верит в совершенство правления и революцию избрал путем к тому

²⁷ Далее было: даже

Иоанн IV мог быть спокоен совершенно²⁸, ибо никто не думал подыматься или злоумышлять²⁹ против него, но народ и мучимые им молились о душе его. – Терпение и смирение – вот наши добродетели. Запад смеется и ругается над ними и над народом, имеющим их; но, если б терпение и смирение были следствием слабости или даже бессилия, наши враги имели бы какое-нибудь основание упрекать нас. А терпение и смирение соединены в Русском народе с такою силою, которую хорошо знает и испытал и сам враждебный Запад, приходивший бороться с нами. Впрочем, христианские добродетели в настоящем смысле могут быть соединены только с силою духа. – Какая сила сильнее Веры? Верою силен Русской народ, и Верою отделяется он от Запада³⁰. На Западе суеверие Католицизма было сменено сомнением Протестантства и безверием настоящего времени. – Пусть близорукие, не ведающие глубокой силы внутренней и нравственной, идут путем насильственных переворотов, судорожных революций, и видят, жалкие заблудшиеся! признак силы в пьяном исступлении; пусть лгут они на человеческую жизнь, облекая ее в разные фразы, эффекты и декорации, при недостатке жизни внутренней. – Такой взгляд никогда не будет нашим. – Противна и глубоко чужда народному Русскому духу революция. Наш путь есть путь иной: внутренний, мирный и нравственный, путь смирения, истинный путь Православной нашей Христианской Веры: вот почему Россия зовется *Святая Русь*.

Но Россия, или, лучше, часть России, называемая образованною и просвещенною, находится под влиянием Запада. Но общество наше подражает Западу и насильственно прививает себе его болезни и, стало быть, самые последствия его болезней. – В этом-то горе и печаль нашей Русской земли. Это влияние Запада и подражательность ему составляют вредоносную связь, которая может быть проводником Западного зла, хотя не всеобщего (ибо простой народ остался верен своим святым началам), но все же великого зла. Россия может быть насильственно втолкнута на путь революций влиянием³¹ Запада, подражательностью ему, которое так сильно в нашем высшем обществе и вообще во всей так назы-

²⁸ Далее было: в свое долгое царствование

²⁹ Было зачеркнуто: ибо ни одна мысль даже не подымалась

³⁰ Далее было: тогда как на Западе

³¹ Далее зачеркнуто: Западным

ваемой образованной части России, оторванной от своей народности³². Вредное влияние Запада есть в России: это неоспоримо. Да, повторяю: в этом горе и скорбь нашей Русской земли.

Петр Великий, в излишнем рвении своем к просвещению, пренебрег Русскою народностью, основанною³³ на святых началах Веры, и вдвинул насильственно часть России на путь Западный. Брошен был Русской быт³⁴ и вместе Русские начала. Если быт наш до Петра и имел свои недостатки, то в нем же самом лежало и исцеление. Подобно тому, как худой Христианин³⁵ в самой Вере Христианской находит и осуждение себе и исцеление, а для этого не ищет, не принимает новой Веры. – Что касается до стрельцов, то это был совершенный эпизод и недолго продолжавшийся. Сверх того, стрельцы, хотя и были оскорбляемы оскорблением народности и за нее подымались, но они не были поддерживаемы народом. – В 1698 году стрельцы были уже истреблены³⁶. Это было частное восстание войска³⁷, восстание, которое было вовсе не народно и не имеет никакого общего значения. – Итак, с Петра Великого устранен³⁸ был Русской быт, Русские общественные основы, даже Русской язык, даже самая Русская одежда, даже древняя Русская столица. Переворот Петра Великого есть – *революция*, единственная революция в Русской истории³⁹, революция, произведенная Монархом, монархическая, но тем не менее революция. И революция эта, в лице Петра, как явление небывалое в России, явление Западное, сопровождалась⁴⁰, разумеется, влиянием Западным, была порождена им и произвела его в свою очередь. – Часть России подчинилась перевороту, отказалась от всего Русского, составила

³² Было: оторванной от народа

³³ Было написано карандашом на полях рукой И.С. Аксакова как вариант: Петр Великий под влиянием правительственных потребностей своего времени и пленяясь блеском Западного просвещения, удалился от Русской народности, основанной

³⁴ Было: быт Русской

³⁵ Было: Точно как тихой Христианин

³⁶ Было: уже стрельцы были истреблены. Итак

³⁷ Далее было: вроде преторианского

³⁸ Были зачеркнуты варианты: брошен / пренебрежен

³⁹ Было: революция в Русской истории

⁴⁰ Было: В лице Петра революция, явление небывалое в России, сопровождалась

публику и возвысилась над простым народом. Под этой частью России я разумею здесь созданное Петром Великим по Западному примеру сословие дворянства и вообще всех тех и из других классов (купцов, мещан), которые⁴¹ от народа и народности оторвались⁴². А Русской простой народ⁴³ вооружился, как и всегда, терпением и, оставленный наконец в покое Петром Великим, сохранил свой быт и свои святые начала Веры вместе с⁴⁴ своим языком и своей одеждой; в простом народе⁴⁵, в крестьянах, живет теперь Святая Русь. – Власть и богатство выпали на долю общества, одевшегося по-Немецки. Это общество сейчас стало подражать Западу и подчинилось его влиянию. Зло не замедлило обнаружиться. История полутора столет с Петра показывает, где были измены, где были революционные попытки⁴⁶, где была оскорбляема жизнь⁴⁷ народа и власть Государя: именно в том обществе, которое отреклось от Русской земли и подчинилось Западному⁴⁸ влиянию, преимущественно в высшем дворянстве. Оно повторяло в своем кружке, хотя и небольшом, но пользующемся всеми силами материальными, повторяло, сколько могло, беззаконные стремления Запада, являло презрение и вместе деспотизм к народу⁴⁹, ему подчиненному, с одной стороны, и аристократические замыслы перед престолом – с другой⁵⁰. – Отделенные от народа даже и пространством, ибо место пребывания правительства⁵¹ было перенесено в Петербург, оно окружило престол и приводило, сколько могло, в исполнение свои крамольные попытки. Как только рево-

⁴¹ Далее зачеркнуто: частью

⁴² Было: вообще все те классы, которые от народа и народности оторвались

⁴³ Было: А простой народ

⁴⁴ Далее зачеркнуто: образом

⁴⁵ Было: начала Веры; в простом народе

⁴⁶ Далее было: где был презираем народ, где была оскорбляема власть

Государя

⁴⁷ Сверху приписан вариант: Вера; был зачеркнут вариант: честь

⁴⁸ Далее зачеркнуто: духу

⁴⁹ Было: оно питало презрение и угнетение народа

⁵⁰ Далее была вставка на полях: Щастье – то, что все у нас привинное, что все это зло у нас вопрос только национальный, что довольно нам быть Русским, чтобы отделиться от всего этого зла. Итак, достаточно было бы национального движения. <Вариант этой вставки использован ниже.>

⁵¹ Было: пребывание столицы

люция Петра совершилась, как скоро утвердилось влияние Запада⁵², так явились все плоды переворота, все болезни чужих краев⁵³. Ослабела Вера. Явилась небывалая прежде, постыдная лесь перед Монархом, лесь, за которою следовали постыдные, небывалые также, замыслы против Монарха. – Петр Великий при кончине своей испытал уже всю ту зависимость⁵⁴, в которую поставил он себя, удалившись от народа; к нему не допускали преданных ему людей, и воля его не могла быть торжественною; сейчас начались⁵⁵ небывалые дворцовые интриги, и престол стал их игрищем. – Новое дворянство скоро замыслило⁵⁶ конституцию при восшествии Анны; но попытка эта, слава Богу, не удалась. Беззаконное низложение Петра III^{то}, долговременное удаление Павла I^{то} от престола и, наконец, жалкая и бессмысленная попытка 14 Декабря, попытка, оскорбляющая достоинство народа, может быть, даже более, чем достоинство Монарха, – все это было вредным плодом Западного влияния, все это было делом Дворянства и вообще той части России, которая от своего родного народа⁵⁷ отказалась обычаями, языком или одеждой, и стала под влияние Запада. Вот истинный⁵⁸ враг Престола и народа; вот что смущало⁵⁹ тишину; вот откуда выходило и откуда может выдти зло. Русской народ (или Святая Русь) не был, не есть теперь и не будет участником в подобных замыслах. Москва не была никогда осквернена гнусным делом и предательством против своего Государя, несмотря на бурные испытания⁶⁰, ее посещавшие. Народ никогда не был опозорен ни заговорами, ни посягательством на Законную власть. Напрасно утверждают, что старая Русь миновалась; она живет, наша Святая Русь, в простом народе, не запятнанном преступлениями Запада. – Но, к сожалению, Москва, хотя и столица, но удалена от течения дел Государственных, совершающегося в Петербурге. Но, к сожа-

⁵² *Далее было:* Обнаружились все болезни чужих краев

⁵³ *Было:* влияние Запада, зло не замедлило обнаружиться

⁵⁴ *Было:* эту зависимость

⁵⁵ *Было:* преданных ему людей; сейчас начались

⁵⁶ *Далее зачеркнуто:* свою

⁵⁷ *Было:* которая от народа

⁵⁸ *Было:* Оно-то есть истинный; *на полях наброски варианта фразы:* Вот где истинные враги / Оно-то образует истинных врагов / Вот где истинный враг для

⁵⁹ *Сверху даны варианты:* оно-то <смущало> / вот кто <смущал>

⁶⁰ *Было:* волнения

лению, кроме Русского народа, кроме Святой Руси, есть целая часть России, находящаяся под влиянием Запада, влиянием, продолжающимся даже до сих пор. И отсюда только, из этого влияния, из этой подражательности Западу, может грозить нам горе, если и временное, но все горе.

Итак, освободиться от влияния Запада – вот чего нам надо. А это влияние сильно и вредоносный союз с Западом⁶¹ в нашей публике, особенно в высшем обществе⁶², крепок. – Щастье то, что все это зло у нас прививное, что все это у нас вопрос только национальный, что довольно нам быть Русскими, чтобы отделиться от всего этого зла.

Если мы хотим отделиться от Запада, то надо, чтоб это отделение было искреннее. Если мы, Русские, не хотим страшных следствий, являющихся в чужих краях, то надо отбросить нам и чуждые начала. Если мы не хотим казни, постигающей Запад, то нам надо откинуть и грехи его⁶³, принятые нами насильственно, вопреки Русской природе нашей и нравственным нашим началам, проникнутым Верою. Если мы не хотим зла Запада, то надо, чтоб уничтожилось его влияние.

Влияние это выражается во многих учреждениях Петра Великого, заимствованных с Запада, преимущественно в заведении Дворянства⁶⁴, которого древняя Русь не имела. Я сам дворянин; род наш принадлежит к числу древнейших родов в России. Но оттого мне еще ближе известна вся неестественность и ложность Дворянства у нас, и еще с большим убеждением произношу я, что Дворянство в России есть явление Западное, нам чуждое и что в древней Руси его не было. В древней Руси были места и звания; были Воеводы, Волостели, Судьи и так далее; были Бояре, Окольничие, Стольники и так далее; но сословия Дворянства не было⁶⁵. Слово *Дворянин* означало, до Петра, звание или чин, вовсе

⁶¹ Было: с ним

⁶² Было: особенно в высших <сверху вариант: некоторых наших> классах, в нашем высшем обществе

⁶³ Было: и преступления его

⁶⁴ Далее на полях было приписано карандашом рукой И.С. Аксакова: как привилегированного сословия

⁶⁵ Было поправлено карандашом рукой И.С. Аксакова: но Дворянства как сословия не было

не высокой в разряде других чинов. Дворянин, пожалованной в Стольники, Окольничие или Бояре, Дворянином уж не был и не назывался. Сын же Боярина Боярином не был. — Так было на Святой Руси прежде, до Западного влияния. — Еще до Петра Великого влияние Польское производило у нас слабые попытки аристократии. Вместо того, чтоб уничтожить это влияние, Петр Великий по примеру Запада учредил у нас Дворянство (*Noblesse, Adel*). Так как не было Русского слова для выражения этого понятия и явления, то при Петре перевели его словом Польским: *Шляхетство*, употреблявшимся даже еще при Екатерине Второй⁶⁶. Слово *Шляхетство* было в последствии времени заменено словом *Дворянство*, которое стали употреблять в этом значении⁶⁷. Это понятие, чуждое Русскому человеку, принялось в обществе, от Русской земли оторванном, и произвело эту ложную аристократию, которую⁶⁸ мы видим и до сих пор. Из этого сословия происходили все постыдные смуты и заговоры против Государя, какие были в течение полутора лет с Петра. Тогда как древние Бояре и другие сановники в том устройстве, в каком они были до Петра, никогда себя заговорами и замыслами не оскверняли⁶⁹. — Потом, еще зло: самое понятие Дворянства, подражательность Западу и отделение от народа⁷⁰, чрезвычайно затруднили отношение крестьян к помещикам. До Петра помещики⁷¹, или вотчинники, без понятия⁷² о Дворянстве, не зная никакого влияния Запада, не отделяясь от народа ни Верою, ни образом жизни⁷³, не могли по этому самому быть так тяжелы⁷⁴ для крестьян, как могут быть теперь наши

⁶⁶ Было: Екатерине II^{ой}

⁶⁷ Было: впоследствии стали употреблять в этом смысле и слово *Дворянство*

⁶⁸ Было поправлено карандашом рукой И.С. Аксакова: произвело тот признак аристократии, который

⁶⁹ Это предложение отсутствовало в черновом варианте письма.

⁷⁰ Далее было вставлено на полях карандашом рукой И.С. Аксакова: Вред его уже теперь ощущается многими, иностранное воспитание, подражательность чужим краям и отделение от народа

⁷¹ Далее было вставлено на полях карандашом рукой И.С. Аксакова, а потом им же зачеркнуто: не составлявшие еще привилегированного сословия

⁷² Было: До Петра помещики, без понятия

⁷³ Далее было вставлено над строкой и зачеркнуто: и соединясь с ним

⁷⁴ Было: не были по этому самому так тяжелы

Европейски образованные помещики⁷⁵. В современном помещике осталась одна, чистая помещичья власть, без всякого смягчения Веры и народности. Наше Дворянство (как и вся остальная публика⁷⁶, но мы говорим теперь собственно о Дворянстве⁷⁷) становится спиной к народу, к Святой Руси, и лицом к Западу, лоя⁷⁸ послушно все его движения. Если найдутся редкие исключения, то по крайней мере общий характер Дворянства более или менее таков⁷⁹. Боярин превратился в барина⁸⁰, полного презрения к Святой Руси или совершенного о ней, спесивого невежества, и в то же время униженного подражателя⁸¹ и ласкателя Западной Европы. Дворянство наше подражает⁸² постоянно чужим краям и принимает все их идеи, особенно аристократические⁸³, конституционные⁸⁴. Да и как Дворянству не подражать Западу, когда его примеру обязано⁸⁵ оно своим существованием? Поэтому подражительность Западу нераздельна у нас с идеей Дворянства. — Влияние Запада выразилось также в образе жизни⁸⁶ нашего высшего общества⁸⁷, в светскости, заимствованной с Запада, в ослаблении Веры, источника всего благого и истинного, и в несогласии с нею образа жизни нашего, так называемого образованного, общества. — Сюда примыкает прямо по-видимому легкая, но на деле могущественная власть: *Мода*. Мода все объемлет: и мысли, и чувства, и действия, и одежду. Это власть⁸⁸ опять чисто Западная, неизвестная нам прежде, явление, соединенное с суетным направлением Европей-

⁷⁵ Далее было зачеркнуто: Союз в вере и в образе жизни смягчил

⁷⁶ Было: Наша публика (как и вся остальная часть России)

⁷⁷ Было: теперь о Дворянстве

⁷⁸ Далее было зачеркнуто: рабски

⁷⁹ Это предложение отсутствовало в черновом варианте письма.

⁸⁰ Начало предложение было зачеркнуто рукой И. С. Аксакова и им предложена на полях замена: Чужестранное влияние превратило боярина в барина

⁸¹ Далее зачеркнуто: и ласкателя

⁸² Далее было зачеркнуто: уже полтора года <лет>

⁸³ Было: постоянно Западу и принимает все его идеи: и аристократические

⁸⁴ Далее было зачеркнуто: и демократические, республиканские

⁸⁵ Было: когда ему оно обязано

⁸⁶ Далее было зачеркнуто: всей публики, в особ<енности>

⁸⁷ Далее было зачеркнуто: особенно

⁸⁸ Это слово вписано над зачеркнутым: сила

ской жизни. Она, эта сила моды⁸⁹, обращает и приковывает к Западу взоры публики нашей, которая с подобострастием и торопливостью спешит по моде восхищаться, мыслить, действовать и одеваться. Главное, собственное выражение моды есть — *одежда*, костюм. Одежда слита с образом и условиями всей жизни и гораздо важнее, нежели многие думают. С разными уборами и прическами приходит много Западного влияния, вредно действующего на Русскую душу. Важно уже одно то обстоятельство, что на Запад постоянно обращены взоры публики нашей⁹⁰, не смеющей⁹¹ одеться, а вместе и мыслить иначе, как велит Запад. Как сильно действуют по-видимому пустые причины на всю жизнь и на весь образ жизни! — Не осмеливаясь касаться вопроса, какими средствами⁹² может быть исправлено вредное влияние Дворянства и самого образа жизни, я позволяю себе вообразить одно: какая была бы польза, если б⁹³ брошена была одежда Западная и надета была Русская. Вмиг это тревожное внимание нашего общества, направленное к чужим краям⁹⁴, исчезло бы. Сила моды⁹⁵ бы вмиг пала относительно одежды, а вместе с тем пала бы или по крайней мере совершенно бы ослабела относительно всего того, на что мода имеет влияние, то есть⁹⁶ мыслей, чувств и действий. Да, влияние чужих краев⁹⁷ уменьшилось бы значительно даже с переменою одежды. Западное влияние выражается также в постыдном употреблении языка Французского вместо своего Русского; это показывает, что Русские люди как будто признают себя лишенными языка, тогда как он дан им Богом⁹⁸ в таком богатом виде. Какой из современных языков сравнится с нашим? Возвращение Русскому языку⁹⁹ употребления имело бы огромное благодетельное влияние, и за-

⁸⁹ Было: Она, эта власть

⁹⁰ Было: взоры публики

⁹¹ Далее зачеркнуто: иначе

⁹² Было: каким образом

⁹³ Далее зачеркнуто: оставлена

⁹⁴ Было: к Западу

⁹⁵ Было: Власть моды

⁹⁶ Было сокращенно: т.е.

⁹⁷ Было: Западное влияние; затем: Чуждое влияние; потом: Да, влияние Запада

⁹⁸ Было: лишенными слова, тогда как оно дано им Богом

⁹⁹ Далее было зачеркнуто: права

падный¹⁰⁰ склад речи, а часто вместе и мысли, исчез бы скоро в нашем образованном обществе. И это обстоятельство много бы способствовало к уменьшению Западного влияния.

Вот вкратце сказанное мною:

1) Россия никогда не верит в совершенство правительственной формы и потому спокойна и стоит за существующий законный порядок. Она думает о *быте*, о нравственной жизни, Верую основанной; ее путь есть путь мира; ее добродетели – терпение и смирение¹⁰¹.

2) Запад верит в совершенство правительства на земле, именно потому что он не имеет Веры; путь жизни его – есть революция¹⁰².

3) Западное влияние явилось у нас революцией. Эта революция есть Петр¹⁰³ и вместе начало Западного влияния¹⁰⁴. И потому дело Петра на манер Запада произвело ряд попыток революций в классе, от народа отделившемся, собственно в Дворянстве.

4) Революционное начало соединено с Западным направлением. Антиреволюционное начало соединено с Русским направлением. Поэтому в выборе колебаться нечего¹⁰⁵.

5) Самое опасное, и единственно опасное для нас, есть – влияние Запада¹⁰⁶, которым Запад тянет нас на свою дорогу. Чтобы избавиться от него, надо устранить все то¹⁰⁷, что¹⁰⁸ Запад хотел внести к нам, – все то, что запечатлено жизнью, мыслию, духом, обычаем Запада. – Надо обратиться к своим¹⁰⁹ святым началам, к родной жизни, на них основанной, – надо вновь быть Русскими.

¹⁰⁰ Далее зачеркнуто: край

¹⁰¹ Окончания предложения (от слов: ее путь есть) не было в черновом варианте письма.

¹⁰² Было: и потому там путь жизни – революция

¹⁰³ Было: революция – Петр

¹⁰⁴ Далее было: Чтобы избавиться от этого пути, надо устранить Западное влияние совершенно, со всем, что он успел внести к нам, что показано выше. Петр Великий – революция и вместе Западный путь, и потому его дело

¹⁰⁵ Этой позиции не было в черновом варианте письма.

¹⁰⁶ Далее было: ему надо противодействовать. Дальнейший текст до конца абзаца отсутствовал в черновом варианте письма.

¹⁰⁷ Далее зачеркнуто: что запечатлено жизнью, мыслию, духом, обычаем Запада

¹⁰⁸ Далее зачеркнуто: он

¹⁰⁹ Далее зачеркнуто: родным

Наконец, в Ваше Царствование, Государь, возникло Русское народное чувство, которое Вы стараетесь¹¹⁰ так сильно поддержать. Все знают, что Вы не любите слушать, когда говорят без нужды по-Французски Русские люди, и что Вы сожалеете, когда купцы бреют бороды и надевают Немецкое платье. – Пробудилось Русское чувство и восстало против подражательности и лжи нашего общества, против жалкого обезьянства. После почти полуторастолетнего молчания или попугайного повторения чуждых слов¹¹¹, забывши, в период подражательности, много Русской жизни, и мысль и чувство обратились к истории Русской, к грамотам, к историческим актам, которые издаются так деятельно Вашею волею, Государь! – Теперь яснее стала нам наша старина и вместе основы нашей жизни¹¹². Окончательно пала (для сознания многих)¹¹³ точка Западного воззрения, и мы видим, что у нас свой особый путь и свои особые святыне начала. Пусть же эта деятельность Русского духа, основанная внутренним нравственным основанием¹¹⁴, основанием Веры, борется¹¹⁵ с подражательностью нашего, сливающего образованным, общества; пусть побеждает внутреннюю, мирною силою убеждения – зловредную угодливость и обезьянство¹¹⁶ Западу; пусть исцеляет нас своим здоровым влиянием от искусственных недугов Западной Европы, столько вредящей нам, столько успевшей¹¹⁷ заразить нас; пусть прогоняет она, эта Русская святыня¹¹⁸, одним только восхождением своим, все мраки безверия, гордыни, кичливости и самонадеянности человеческой, которых оттенки зашли и к нам. – Одним словом, пусть с большим и большим правом, мирно заслуживаем мы и носим великое наше имя: *Святая Русь*.

Но есть и официальная часть влияния Запада, и эта официальная часть зависит от одной воли Вашей¹¹⁹, Государь (между

¹¹⁰ Было: народное направление, которое вы старались

¹¹¹ Далее зачеркнуто: Русская мысль и Русское чувство явились опять, еще темно и слабо вначале

¹¹² Было: и вместе с нею начала нашей жизни

¹¹³ На полях был вариант: (в области мысли)

¹¹⁴ Было: основанная на внутреннем нравственном основании

¹¹⁵ Далее было зачеркнуто: сама

¹¹⁶ Было: зловредное обезьянство

¹¹⁷ Было: недугов Запада, столько вредящего нам, столько успевшего

¹¹⁸ Было: она, эта деятельность

¹¹⁹ Было: зависит единственно от воли Вашей

тем, как духовная, нравственная сторона должна действовать нравственным путем убеждения)¹²⁰. – Петр Великий положил официальные преграды Русской жизни. Петр, как сказал я выше, был революция, воплощенная в одном лице. Кроме других важных его перемен, о которых говорил я тоже выше¹²¹, он насильно согнал Русское общество на ассамблеи, одел по-Немецки по крайней мере хоть часть России, именно ту часть, которая наиболее пользуется богатством и влиянием важного положения в Государстве. Он построил новую столицу на краю России, по образу иностранному, и назвал ее иностранным именем, пренебрегши Москву, колыбель Русского Царства¹²². Он снял с себя имя *Царя*, заменив его чуждым для Русского уха латинским именем *Императора*. – Он дал насильственно иностранное Западное направление, к сожалению принявшееся сильно в целой части России, ибо склонен человек к человеческой гордости и слабости. Направление это продолжалось сильно до самого Царствования Вашего, со времени которого наступила счастливая перемена. Пусть Русская душа, которой Вы, Государь, даете способы возникнуть самой в чистоте своей, возникает тихо и мирно¹²³. Не в Русском духе было бы насилие, даже в пользу Русской стороны. Ни демократическая, ни аристократическая, ни монархическая революция (какою был Петр) не свойственны России¹²⁴. Вы не принуждаете, Вы лишь призываете нас быть вновь Русскими и даете на то способы. Пусть все то, что

¹²⁰ Было: (между тем, как внутренняя сила должна действовать внутренним путем убеждения)

¹²¹ На полях был намечен вариант дополнения: Он, не говоря уже

¹²² Было: колыбель [единодерж<авия>] единства и могущества России, колыбель Русского Царства

¹²³ На полях был зачеркнут набросок, использованный ниже: Но в перевороте Петра, как сказал я, была официальная или, лучше, правительственная сторона, которую изменить зависит от одного Правительства. Не в Русск<ом> духе было бы насилие, даже в пользу Русской стороны. Ни демократ<ическая>, ни аристокр<атическая>, ни монархич<еская> револ<юция> (какою был Петр) не св<ойственны> России. Вы не прин<уждаете>, Вы ли<шь> ободр<яете> нас быть Русскими и да<ете> на то способы. Но многие вещ<и> недогов<орены>

¹²⁴ Далее зачеркнуты варианты продолжения: Вы не повелеваете нам, Вы лишь [ободряете] призываете нас быть вновь Русскими; Вы призываете нас, но не повелеваете нам

насильственно¹²⁵ мешает нам быть Русскими, пусть все то устранился Вами, Государь! ¹²⁶ В перевороте Петра, как сказал я, была официальная или, лучше, правительственная сторона, которую изменить зависит от одного Правительства. Сюда относятся все¹²⁷ учреждения Петра Великого (выше я говорил о них), которые противны Русским началам. Остались вещи недоговоренные или постановленные Правительством, которых решения ожидаем мы от Высшей воли. Нам нужно слово Ваше, Государь! Не касаясь важного, на что осмелился указать я выше, я возьму, например, вопрос об одежде: он остался как бы нерешенным. — Хотя нет в Своде Законов указа, запрещающего носить Русским Русское платье, но некоторые смотрят на это как на что-то непозволенное. Хотя, по моему мнению, было бы несовместно¹²⁸ с духом Вашего Царствования предполагать¹²⁹, что Русские люди не могут носить Русской одежды, а должны носить одежду Западную; но Русская одежда некогда была торжественно оскорблена, и важно бы было торжественное ее оправдание Вами, Государь, не в том смысле¹³⁰, чтобы повелено было носить ее, но чтобы было сказано, что это Вам, Государь, не противно и чтобы сомнения многих на этот счет прекратились. Выше я говорил, какая бы важность была от этого, по-видимому наружного, изменения¹³¹. Далее: наименованием Императора заменено¹³² наименование Царя: от Вас зависит, Государь, возобновить столько близкое Русской земле имя *Царя*. Титул *Царской* не ниже титула Императорского¹³³. *Император* есть только перевод *Царя*; и прежде переводилось имя *Царь* по-Немецки *Kaiser*. Сверх того, имя Царя имеет в себе библейское значение. Наконец: Москва — столица Святой Руси, так недавно явившая

¹²⁵ *Далее было:* принуждает нас быть Западными, что насильственно

¹²⁶ *Далее было:* Пусть все то, что есть в России Западного по убеждению, побеждается убеждением. — Но в перевороте Петра

¹²⁷ *Далее зачеркнуто:* те

¹²⁸ *Было:* Хотя, собственно по моей мысли, несовместно было бы

¹²⁹ *Было:* предполагать мысль, думать

¹³⁰ *Было:* оправдание: не в том смысле

¹³¹ *Далее было:* [Не смею] Если же бы Вы сами, Государь, приняли Русскую одежду, опять без повеления носить ее другим, Западная одежда исчезла бы, растаяла сама собою, как снег на солнце.

¹³² *Было:* наименование Императора заменило.

¹³³ *Было:* Царь не ниже Императора

свое величие в 1812 году, столица, не оскверненная страшными преступлениями и заговорами, которые были в Петербурге в течение его 145¹³⁴ летнего существования, – не достойна ли Москва того, чтобы быть настоящею столицею России? – Не смею касаться других важных Западных нововведений, на которые указал я в письме моем. Я касаюсь лишь этих. Это по-видимому немного изменяет, но это дает тон всему, а также средства всегда и легки и важны в то же время. Живая струя истинно Русского чувства радостно пробежит по всей России при виде таких обнаружений Русского Царя. Вредно для нас одно Западное влияние, а оно¹³⁴ и от этого уже обнаружения сильно ослабело бы.

Вот, Государь, мои мысли и убеждения, которые осмелился¹³⁵ я изложить Вам в моем кратком, относительно предмета, письме и которые осмеливаюсь представить Вашему вниманию. Не смею утомлять оного далее. Представляю Вам то, что думаю, в чем убежден, чему верю, представляю откровенно и прямо, вызванный прямым Вашим обращением к России, голосом Вашим, сильно по ней¹³⁶ раздавшимся.

Верноподданный
Константин Аксаков¹³⁷

*Публикация, вступительная статья
и комментарии А.П. Дмитриева*

¹³⁴ *Далее было зачеркнуто:* сильно

¹³⁵ *Было:* смел

¹³⁶ *Далее было:* в душах Русских

¹³⁷ *Далее следуют карандашные заметки рукой И.С. Аксакова:* Там народность источник волнений и револ^юций>, у нас народность – источник тишины и мира. Наше истинно национальное движение отдаляет нас от всех дел Запада. Перед Вами не была виновата Русская национальность (народность), а было виновато не раз Русское обезьянство, от которого происходили все, к счастью, бесильные смуты, ибо простой народ, хранящий и нравы и образ древней Руси постоянно, был чужд этим смутам и постоянно будет чужд им, будет хранить основы и нравы древней Руси. – Пусть же и та сторона, которая заражена обезьянством, обратится к основам древней Святой Руси – при содействии Ваш^ем>, Госуд^арь>! Перед нами в Русской зем^{ле}> две стороны: Русская нар^одность> и Русское обезьянство Западу. Обезьянство вредно и влеч^ет> с собою все зло Запада. Народность же Русск^ая> спасит^ельна> и живительна и Западной противоречит, устраняя совершенно Западное зло. Обратимся же к народности, содействуете сему, Государь.

ЗАМЕТКИ КОТА УЧЕНОГО

К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ СССР (1922)

В Англии в XVII в. была революция, сменилась власть, отрубили голову королю, но Англия осталась Англией.

Во Франции была Великая французская революция с санкюлотским террором, отрубили голову королю, но осталась наполеоновская, а позднее республиканская Франция.

Русская революция не только расстреляла царя с семейством, но не стало России как страны. На пустом месте, отбросив все прошлое, путем красного террора и гражданской войны большевики стали создавать свою утопию. Страна была крестьянская. Крестьян сделали рабами колхозов без права выхода. Рабочие, прозванные пролетариями, тоже подверглись переделке. Духовенство, купечество, офицерство, казачество, интеллигенция, кроме отправленных «философским пароходом», были фактически сведены к нулю.

В пору сталинских репрессий поняли, что без традиций фантом СССР существовать не может. Кино «Александр Невский» и Пушкин, 100-летие гибели которого отмечалось как государственный праздник, не помогли нравственно утвердить новую государственность. Началась война, к которой утопия была не готова.

Пушкин о победе 1812 г. сказал: «Кто тут нам помог? Остервенение народа, Барклай, зима иль русский Бог?». Это можно сказать и о победе 1945 г., заменив имя Барклая на Жукова.

Благодаря Победе и продолжавшимся действиям органов власти, фантом СССР просуществовал еще четыре десятилетия, пока не вымерло поколение преступных утопистов. СССР не разрушали злые люди в 1991 г. Страна рухнула по закону тоталитарной утопии, о котором люди не знали. Россия навсегда пропасть в истории не могла. Она возникла, но совсем, совсем иная.

IN MEMORIAM

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ МАХОВ (1959–2021)

Ушел из жизни Александр Евгеньевич Махов (19.08.1959–29.11.2021) – выдающийся российский литературовед, специалист в области истории поэтики, эстетики и риторики, медиевистики, эстетики немецкого романтизма, связей между музыкой и литературой.

Александр Евгеньевич окончил филологический факультет МГУ (1981), в 1985 г. защитил кандидатскую («Журнал “Телескоп” и русская литература 1830-х гг.»), а в 2007 г. – докторскую диссертацию «Система понятий и терминов музыковедения в истории европейской поэтики». Его первые монографии сразу обратили на себя внимание ученых: «Ранний романтизм в поисках музыки» (1993), «Hortus daemonum. Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения» (1998).

В ИНИОНе Александр Евгеньевич работал в 1999–2018 гг. в отделе литературоведения, в должности сначала старшего, затем – ведущего научного сотрудника. Александр Евгеньевич был во многом средоточием научной жизни в отделе, без его руководства, научного вклада и организационных усилий были бы невозможны масштабные проекты – «Западное литературоведение XX века. Энциклопедия» (2004), «Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель» (2010).

Работоспособность и научная продуктивность Александра Евгеньевича поражала: он мог одновременно писать собственные монографии (во время работы в ИНИОНе вышли «Musica literaria: Идея словесной музыки в европейской поэтике», 2005; «Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии», 2006; «Средневековый образ: между теологией и рито-

рикой», 2011; «Эмблематика. Макрокосм», 2014) и статьи, вести организационную работу по грантам, участвовать в них как автор, проводить научные конференции, преподавать и при этом находить время для реферативной деятельности. Его информативные и одновременно аналитические описания новинок западноевропейской теории и истории литературы служили серьезным подспорьем для литературоведов, точным ориентиром в широком поле научных исследований.

Еще работая в ИНИОНе, Александр Евгеньевич стал в 2010 г. профессором кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ, с 2013 г. работал в ИМЛИ и вошел в редколлегию серии «Литературные памятники». После ухода из ИНИОНа он поддерживал связь с институтом, публиковался в наших изданиях, входил в редколлегии «Литературоведческого журнала», журнала «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», информационно-аналитического журнала «Литературоведение», рецензировал для них статьи.

Научные работы Александра Евгеньевича отличаются энциклопедическим охватом материала, вниманием к фактографии, широтой и глубиной теоретических обобщений и ясным, благородным, «гаспаровским» стилем изложения.

Глубоко интеллигентный и мягкий человек, всегда готовый пойти навстречу коллегам в практических вопросах, Александр Евгеньевич вместе с тем держал высокую научную планку не только в своих работах, но и в тех, научным редактором которых он выступал.

Нам будет не хватать Александра Евгеньевича, его уход – большая потеря для российской гуманитарной науки.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (55)

Научный журнал

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор М.П. Крыжановская

Свидетельство о регистрации журнала как СМИ
в Роскомнадзоре – ПИ № ФС 77–36086 от 28.04.2009
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения
liter@inion.ru

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 29/III-2022 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,5 Уч.-изд. л. 12,5
Тираж 400 экз. (1–150 экз. – 1-й завод)
Заказ № 140

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У